

С5
~~ББК 60~~
П 41 6

Ответственный редактор:
академик РАН В.В. Алексеев

Рецензенты:
д.и.н., проф. Л.И. Бородкин
д.и.н., проф. В.П. Тимошенко

Рекомендовано
Ученым советом ИИиА УрО РАН

1319527

Побережников И.В.

П 41 **Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации.** – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 240 с. (Серия «Экономическая история. Документы, исследования, переводы»)

В монографии проанализированы теоретико-методологические подходы изучения социально-исторических изменений, определяется место модернизационной перспективы среди прочих теорий развития. Рассмотрены теоретико-методологические проблемы модернизационного подхода, выделены основные этапы его эволюции. Выявлены познавательные возможности инструментов, разработанных в рамках модернизационного анализа, в изучении временных и пространственных измерений процесса перехода от традиционного к современному обществу.

Издание рассчитано на историков, философов, социологов, экономистов, культурологов.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского Государственного университета
г. Екатеринбург

ISBN 5 – 8243 – 0712 – 1

© И.В. Побережников, 2006.

© «Российская политическая энциклопедия», 2006.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Освободившись от идеологических пут, российская историческая наука вышла на широкий простор новых идей, свежих фактов, острых дискуссий. Она обогатилась фундаментальными трудами, раскрывающими ранее недоступные для исследователей темы, объективно освещающими сложные и спорные проблемы, что вызывает уважение не только у профессионалов, но и у представителей естественно-научного знания, которые до недавнего времени не без оснований скептически относились к публикациям наших коллег. В современной обстановке, в условиях смены в стране общественно-политического строя, в совершенно новой социально-политической и идеологической ситуации, следствием которой стало утверждение свободы научных исследований, для историков появилась возможность полностью отказаться от ортодоксальных схем и догматических стереотипов советского времени. Открылась перспектива для объективного и беспристрастного освещения исторического прошлого, для создания «обновленной истории», соответствующей современному уровню развития гуманитарных наук, независимой от влияния властных структур, свободной от идеологических и политических догм.

Естественно, в данной ситуации встала проблема выбора макрообъяснительных моделей исторического процесса. На смену монополю господствовавшей в советской исторической науке формационной теории были предложены цивилизационная, модернизационная теории, миросистемный анализ и др. Названные теоретические подходы давали различные видения исторической реальности, по разному объясняли движущие силы, динамику, последствия исторического процесса. В связи с этим мы не хотели бы противопоставлять данные теоретические подходы и рассматривать их как последовательно сменяющие друг друга познавательные модели. Скорее, речь должна идти об альтернативных теоретических конструкциях, имеющих собственные задачи, на решение которых ориентирован и предлагаемый ими теоретический инструментарий.

Что касается модернизационной перспективы, то она призвана в первую очередь решать проблемы, связанные с объяснением перехода от традиционного, аграрного к индустриальному, современному обществу. Данные проблемы сохраняют свою актуальность для значительной части стран и народов, населяющих современную планету; значима данная проблема и для России, которая осуществляет сегодня грандиозную трансформацию, призванную завершить по-

стройку современного общества. Вероятно, проблема модернизации сохраняет определенную значимость и для наиболее развитых обществ мира, в которых индустриальный сектор экономики по-прежнему играет немаловажную роль. В этой связи хотелось бы подчеркнуть теоретическую значимость модернизационного направления, плодотворность его использования для объяснения механизмов широких исторических процессов.

Необходимо обратить внимание на творческий характер разработок, осуществленных в рамках модернизационного направления. Модернизационная школа возникла в 1960–1970-е годы (работы М. Леви, С. Блэка, Ш. Эйзенштадта, С. Хантингтона, У. Ростоу, Д. Лернера, Д. Эптера и др. авторов). Однако данная теория не осталась неизменной со времени ее первоначального оформления; дальнейшее развитие теории модернизации было обусловлено нарастанием сложности реальных модернизационных процессов, развитием теоретического оснащения гуманитарных наук. В частности, для сторонников модернизационного подхода стала очевидной необходимость учета социокультурного контекста модернизации, получила признание идея многовариантного и циклического характера модернизации, влияния на ее результаты международного контекста.

В последнее время теория модернизации стала широко использоваться отечественными обществоведами для объяснения особенностей российского перехода от традиционного к современному обществу. Интересные результаты в этом плане были получены в работах В.А. Красильщикова, А.Г. Вишневого, Б.Н. Миронова, В.Г. Хороса, А.К. Соколова, А.С. Сеньявского, Л.И. Семенниковой, В.Т. Рязанова, В.В. Согрина, И.В. Поткиной, С.И. Каспэ, Н.Н. Зарубиной, В.И. Пантина, В.В. Керова и многих других исследователей. Разработку теоретических проблем модернизационной перспективы, конкретно-проблемной методологии изучения модернизации предприняли исследователи Института истории и археологии УрО РАН, изучающие пространственно-временные особенности российских модернизаций.

Тем не менее, как мне представляется, творческий потенциал теории модернизации не раскрыт в полной мере, порой трактовки российской модернизации грешат схематизмом, сводят описание процесса к взаимодействию абстрактных категорий, нередко в исторических исследованиях процесс модернизации трактуется односторонне, лишь как движение в сторону рыночной экономики и ценностей либеральной демократии. Порой историки, работающие в рамках модернизационной парадигмы, ориентируются на модернизационные исследования классической поры, что вызывает обвинения в архаичности модернизационного подхода в целом.

В связи с этим хочется выразить надежду, что публикация И.В. Побережникова будет способствовать расширению познавательных возможностей модернизационной теории, позволит ознакомиться с новейшими разработками в рамках данного направления теоретической мысли, даст импульс творческому освоению проблематики российского перехода от традиционного к современному обществу.

В.В. Алексеев, академик РАН

ВВЕДЕНИЕ

Проблема социальных изменений принадлежит к числу центральных, ключевых в современном обществоведении. Как и почему изменяются общества, является ли процесс социальных изменений неизбежным – эти и многие другие вопросы, связанные с проблематикой социальной динамики, широко обсуждаются специалистами в области социальных и гуманитарных наук. Поскольку само социальное изменение в высшей степени многозначно, многосторонне – ответы на поставленные вопросы могут даваться в рамках различных теоретико-методологических проекций, призванных объяснить характер и направленность изменений.

Особое внимание привлекают широкие исторические трансформации (которые не ограничиваясь лишь количественным приростом каких-либо параметров, приводят к модификации самих этих параметров, к изменению способов организации общества), составляющие наиболее важные вехи на пути человечества, такие как становление человека, переход от присваивающей к производящей экономике, возникновение ранних цивилизаций, переход от традиционного к современному обществу и др. Подобные трансформации нередко именуются революциями, настолько всеобъемлющ их характер и настолько значимы их последствия для развития человечества. Последняя из названных кардинальных трансформаций получила в науке наименование модернизации. Модернизация – протяженный, охватывающий несколько столетий исторический процесс, в ходе которого люди совершали переход от традиционного, преимущественно аграрного общества (данное общество функционировало на основе традиций; люди добывали пропитание так, как это делали их отцы и деды; традиционные регулятивы играли огромную роль в организации общественной и частной жизни) к современному, индустриальному обществу.

Начало процесса модернизации обыкновенно относят к XV–XVII вв. Именно тогда Западная Европа становится ареной кардинальных преобразований. Под влиянием Возрождения и Реформации в обществе утверждаются новые идеалы и ценности, происходит поворот человеческого разума к материальным, земным интересам, развивается индивидуализм. Протестантская религия и этика способствовали становлению и упрочению капиталистической системы хозяйствования, основанной на предпринимательстве и получении прибыли. В это время были заложены основы для современной модели экономического роста. Именно в этой эпохе, эпохе раннего Но-

вого времени, призывал искать корни современного динамизма известный футуролог А. Тоффлер¹. Исторический процесс, начавшийся с Великих географических открытий и установления шарообразного строения Земли в XV–XVI вв., получил впоследствии существенное ускорение со стороны разнообразных факторов и вызвал глубокие изменения в жизни людей на всей планете.

Во второй половине XVIII в. в Великобритании началась индустриальная революция, в результате которой зародилась «современная» крупная машинная промышленность, значительно ускорившая процесс перехода от традиционного к современному обществу. На протяжении XIX столетия индустриальная система осуществила «мирное завоевание»², по терминологии С. Полларда, континентальной Западной Европы и Северной Америки. Становление «индустриальной цивилизации» сопровождалось институциональной перестройкой, социальной мобилизацией, ускоренной урбанизацией, трансформацией образа жизни.

В XX в. опыт развития стал более разнообразным. Значительные успехи продемонстрировали социалистические страны. Молодые нации, возникшие в середине столетия в результате распада колониальных империй, столкнулись с проблемой выбора путей развития. Экологические последствия колоссального роста производительных сил заставили в значительной степени откорректировать ориентиры дальнейшей эволюции. В 1970–1990 гг. мир стал свидетелем сдвигов глобального значения. Грандиозные трансформации в Восточной Азии – ускоренная модернизация стран «конфуцианско-дальневосточной цивилизации» – привели к появлению новых серьезных конкурентов (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур) для наиболее развитых стран мира. Вторым важным сдвигом стала социально-политическая трансформация СССР, которая началась с признания провала прежней политики в сфере экономики и поиска путей экономической и политической модернизации («перестройка»). Затем последовали объединение Германии, падение коммунистических режимов в СССР и странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Итак, конец XX в. ознаменовался новыми колоссальными сдвигами, в результате которых изменился мировой порядок, бывшие страны социалистического лагеря занялись переосмыслением перспектив своей эволюции. В начале XXI столетия проблемы развития сохраняют прежнюю актуальность³.

Именно с целью объяснения процессов перехода от традиционного к современному обществу в середине XX в. была разработана теория (теории) модернизации (из последней иногда выделяют так называемую школу развития или девелопментализма, ориентированную на изучение преимущественно экономических аспектов мо-

дернизации), которая изначально носила мультидисциплинарный характер, объединяя социологов, экономистов, политологов, историков, антропологов, культурологов, философов, психологов и др. В рамках модернизационной школы глубокую теоретическую разработку получили вопросы движущих сил, источников, механизмов, этапов модернизации; национально-страновых вариантов перехода от традиционного к современному обществу. На протяжении второй половины XX и начала XXI столетия школа модернизации реагировала на модификации реальных процессов развития, расширяла свой исследовательский фокус, включая в орбиту внимания все новые сюжеты, совершенствовала свой познавательный инструментарий, учитывая, в частности, обновление методологии социальных и гуманитарных наук в целом. Свидетельством влияния модернизационной перспективы может служить тот факт, что многие концепты, получившие детальную теоретическую разработку в ее рамках (традиция, инновация, традиционное и индустриальное общества, структурно-функциональная дифференциация, индустриализация, демократизация, рационализация, профессионализация, стадии роста и т.д.), находят широкое применение в научном дискурсе, в том числе в рамках конкурирующих теоретических направлений. При этом понятие – модернизация – сегодня употребляется в различных смыслах: для обозначения широкого процесса перехода от традиционности к современности; для характеристики преобразований, совершенствований, которые осуществляются в современных современных обществах; для объяснения усилий, предпринимаемых странами «третьего мира» с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами.

Активное освоение модернизационной макротеории отечественными обществоведами началось относительно недавно, лишь в постсоветской России. Интерес к модернизационной парадигме во многом объяснялся возможностями ее применения при изучении той коренной общественно-политической и экономической трансформации, которая началась в стране с конца 1980-х годов. Теория модернизации казалась более прагматической и более «осязаемой» при соотнесении ее с современными российскими реалиями в сравнении с другими влиятельными макротеориями – общественно-экономических формаций и цивилизаций⁴. В отечественном формате модернизационный подход сохранил свой полидисциплинарный характер, проникнув в российскую социально-философскую, экономическую, политологическую, историческую литературу. Опубликовано уже немало работ, в которых даются обзоры теорий и концепций модернизации зарубежных авторов; модернизационный подход применяется с целью

объяснения российского исторического процесса⁵. Предприняты попытки определения специфики российских модернизаций, нашедшие, в частности, отражение в формулировании их моделей («имперская модель», модели «консервативной», «рецидивирующей» модернизации, «псевдомодернизации», «контромодернизации», «деархаизации» и т.д.); доказывающиеся волнообразный, циклический характер российских модернизаций; получили разработку проблемы соотношения модернизации и имперского строительства, модернизации и революции в России, воздействия политики модернизации на отдельные периоды российской истории, пространственно-региональные аспекты модернизации, трансформации функций модернизации в условиях глобализации и т.д.⁶ Широкое распространение получили оценки российской модернизации как не органичной, преследующей цель догнать более развитые общества, характеризующейся циклизмом, рецидивирующей природой, прочной связью с традицией. Исследователи российской модернизации отмечают, что ритмы модернизационных subprocessов в технико-технологической, хозяйственно-экономической, политико-правовой, социокультурной и других сферах не были синхронными; задавались они как внутренними стимулами соответствующих сегментов общества, так и внешними воздействиями (в том числе за счет сложных взаимодействий между ними). Существенное внимание уделяется роли государства, которое обычно трактуется как инициатор, наиболее активная и сильная общественная структура.

Достаточно широко отечественными исследователями применяется модернизационный подход при изучении стран Востока, развивающихся стран⁷.

При этом наиболее востребованными оказались модернизационные исследования классической поры, выполненные преимущественно в 1960 гг. Чаще всего цитируются авторы того периода – С. Блэк, Д. Лернер, М. Леви, Д. Эптер, Ш. Эйзенштадт и др., – создавшие работы на основе использования эволюционистских и функционалистских постулатов, позднее подвергнутых критике. Гораздо меньшее внимание уделяется работам более позднего периода, методология которых подверглась существенному обновлению. Данное обстоятельство актуализирует обращение к теоретико-методологическим проблемам модернизационной перспективы.

Предмет книги – попытка проследить эволюцию теоретико-методологических оснований школы модернизации, познавательных инструментов, разработанных в рамках данного направления научной мысли, показать возможности и пределы использования методологии модернизационного анализа в сопоставлении с другими теоретическими проекциями, выявить чувствительность познавательных

инструментов модернизационного подхода в изучении временных и пространственных измерений процесса перехода от традиционного к современному обществу.

Примечания

¹ В 1965 г. А.Торфлер ввел в научный оборот термин «футурошок» для описания стресса и дезориентации, которые возникают у людей, подверженных слишком большому количеству перемен за слишком коротким сроком. В опубликованной впоследствии работе под тем же названием «Футурошок» Торфлер охарактеризовал современную эпоху как «конец стабильности». «Последние 300 лет западное общество находится под огненным шквалом перемен, — писал футуролог. — Этот шквал не только не стихает, но все больше набирает силу. Перемены охватывают высокоразвитые индустриальные страны с неуклонно растущей скоростью. Их влияние на жизнь этих государств не имеет аналогов в истории человечества. <...> Стоит посмотреть свежим взглядом на стремительный темп перемен, который иногда превращает реальность в дикий водоворот событий, как окажется, что многие поразительные и непостижимые вещи стали уже вполне обыденными. Ускорение темпа перемен — это не просто борьба индустрий или государств. Это конкретная сила, которая глубоко вошла в нашу личную жизнь, заставила нас играть новые роли и поставила перед лицом новой опасной психологической болезни» (Торфлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 10–11).

² См.: Pollard S. Peaceful Conquest: The Industrialization of Europe 1760–1970. Oxford: Oxford University Press, 1995.

³ Применительно к постиндустриальной эпохе ставится и проблема пределов модернизации. Например, см.: Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000; Красильщиков В.А. Пределы догоняющей модернизации в постиндустриальную эпоху (опыт индустриальных стран Азии и Латинской Америки) // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 352–373.

⁴ Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 127.

⁵ Определенные историографические итоги в этом плане подведены в недавно опубликованной статье Н.А. Проскуряковой. См.: Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.

⁶ Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте текущей модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5; Алексеев В.В. Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Индустриальное наследие: материалы Международной научной конференции. Саранск, 2005. С. 27–33; Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Дорож-

кин А.Г. Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. М., 2004; Зарубина Н.Н. Самобытный вариант модернизации // СОЦИС. 1995. № 3; Ильин В.В., Панарин А.С., Ахизер А.С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999; Он же. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001; Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40–56; Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Лейбович О.Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2; Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998; Модернизация и национальная культура. М., 1995; Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999; Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000; Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // ПОЛИС. 1998. № 2. С. 39–51; Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004; Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000; Поляков Л.В. Методология исследования российской модернизации // ПОЛИС. 1997. № 3; Он же. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М., 1998; Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–207; Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3–39; Российская модернизация XIX–XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998; Свободное слово: Интеллектуальная хроника. Альманах-2001. М., 2003. С. 9–55, 130–180; Семяевский А.С. Урбанизация России в веке: Роль в историческом процессе. М., 2003; Он же. Индустриальная модернизация, урбанизация и демо-

ный атрибут той предметной области, которая интересует историков. Между тем весь опыт исторического познания убеждает, что не бывает абсолютно изоморфных исторических ситуаций, фиксируемых на разные моменты времени. Историческая ситуация (T_1) будет обязательно чем-то – пускай, трудно уловимым, – отличаться от исторической ситуации (T_2). Еще представитель второго поколения древнегреческих философов Гераклит утверждал, что все находится в состоянии постоянного изменения или движения, нельзя дважды войти в одну и ту же реку – ведь во второй раз будет река другая (прежняя вода утечет), да и человек несколько изменится. Реконструкция последовательности исторических ситуаций, привязанных к вектору хронологической последовательности – традиционная процедура исторического исследования. Таким образом, анализ изменений органически входит в арсенал познавательных приемов историка. В связи с этим исследование параметров социального изменения, систематизация подходов, применимых к его изучению, заслуживают особого внимания.

Концептуализация понятия *социальное изменение*

Понятие *социальное изменение* в высшей степени многогранно, оно охватывает трансформации социальных структур, практик, возникновение новых или обеспечение функционирования прежних групп, форм взаимодействия и поведения. В социальной среде (на разных ее уровнях: принято говорить о микро-, мезо- и макроуровне, – хотя список их может быть детализирован) происходят демографические, экологические, технологические, экономические, политические, социокультурные, социально-психологические (и т.д.) изменения различной скорости, масштаба, сложности, направленности.

Все эти мириады перемен вызываются различными причинами (факторами, источниками), иерархию которых очень сложно реконструировать, поскольку их множество (здесь, среди прочего, и врожденное любопытство человека, его вечное стремление к экспериментированию, освоению и исследованию новых неизвестных доселе пространств, преодолению созданных им же проблем), между ними существуют достаточно тесные и порой запутанные взаимосвязи. Структурные (интересы и ценности социальных групп), нормативные (системы норм и обычаев) и поведенческие (индивидуальные предпочтения) факторы представляют значительную, хотя, конечно, далеко не полную совокупность источников социальных изменений. В обществоведении существуют две полярные позиции по поводу объяснения источника социальных изменений: 1) *детерминистская*, сторонники которой пытаются обнаружить единственную причину

(«перводвигатель»), объясняющую всю совокупность последующих общественных изменений (возможен, например, географический, демографический, технологический, экономический, конфликтологический, политический, идеологический детерминизм; и т.д.); 2) *плюралистическая*, более предпочтительная, представители которой акцентируют внимание на множественности факторов социальной динамики и на обоюдности их влияний.

Не претендуя на выявление первопричин социальных изменений, попытаемся выделить лишь некоторые линии причинно-следственных зависимостей.

Природно-климатические изменения, несомненно, вызывают соответствующие социальные реакции. Наводнения, засухи, ураганы, длительные изменения климата приводят к демографическим трансформациям, миграциям, сдвигам в структурах занятости. Социокультурная и политическая организация общества зависит от физического окружения, особенно в экстремальных ситуациях. Географические условия становились катализатором социальных и политических изменений, приводивших к возникновению государства и его эволюции. Так, исследователи полагают, что возникновение государств на обширных территориях, с сильной централизованной властью, имеющей деспотический характер, было связано с формированием так называемого азиатского способа производства», географической основой которого была необходимость проведения в широких масштабах ирригационных работ. Порой географические и связанные с ними демографические условия (например, проживание немногочисленных индейских племен на бескрайних просторах Северной Америки), не могли способствовать быстрому образованию государства хотя бы по причине недостаточной концентрации населения и вытекающей отсюда невозможности создания сильных центров власти. По мнению академика РАН Л.В. Милова, именно природно-климатический фактор (существование российского социума в суровых природно-климатических условиях) оказывал определяющее воздействие на характер и темпы развития российской государственности: сравнительно позднее возникновение государственности; длительность самодержавной формы управления; широкие хозяйственно-экономические функции государства; активность государства в области создания так называемых «всеобщих условий труда»⁴. Известный американский россиевед Р. Пайпс также отводит значительное место географическому фактору при анализе истории российского общества. Огромные размеры России и отсутствие естественных границ приводили, по его мнению, к необычайному расширению территории Русского государства. Правительство, в силу своей бедности, а также из-за слабости коммуникаций, больше

полагалось на произвол администраторов, препятствуя развитию самоуправления, эффективных правовых институтов, обеспечению прав человека. Располагая огромными природными ресурсами, Россия не имела средств для их использования. Развитию торговой цивилизации и городской жизни мешала удаленность от морей и мировых торговых центров. Культурная жизнь в этих условиях определялась религией и церковью. Окруженная мусульманами и католиками, Россия ощущала себя изолированной и отчужденной, а это, в свою очередь, как считает Р. Пайпс, порождало настроения мессианства. Вера в особый путь, утверждает американский историк, оказала скорее разрушительный эффект на эволюцию России как при царях, так и при коммунистах⁵. И все же, преувеличивать воздействие географической среды на социальные процессы не следует. «Имелись случаи, когда люди, обладающие самой примитивной технологией, — справедливо отмечает один из крупнейших современных социологов Э. Гидденс, — создавали продуктивную экономику в достаточно негостеприимных условиях. И наоборот, охотники и собиратели часто населяли очень плодородные регионы, но никакими видами скотоводства или земледелия не занимались. Это означает, что вряд ли можно говорить о существовании прямой и постоянной связи между природной средой и типом производственной системы данного общества»⁶.

Демографические сдвиги (изменения в количестве, составе, распределении населения) справедливо рассматриваются в качестве важного двигателя социальной динамики. Население имеет тенденцию к росту, когда в наличии имеется достаточно продовольствия. В свою очередь, увеличивающаяся в размерах человеческая популяция вынуждена искать более эффективные технологии (агрикультурные инновации или новые формы социальной организации) для обеспечения производства большего количества продуктов. Если все же прирост населения опережает производство продовольствия, возможны наступление голода и эпидемий, эскалация конфликтов и войн или миграции части населения на новые территории с целью поиска средств к существованию. Подобные сценарии были широко представлены в истории как доиндустриальных обществ древности и Средних веков⁷, так и в Новое и Новейшее время (например, массовые миграции в Северную Америку и Австралию из плотно заселенных районов Западной Европы в период Новой истории; или постоянная конфликтность в современных голодающих регионах «третьего мира»).

Социальные изменения находятся в значительной зависимости от *технологических сдвигов*, технологического прогресса. Технологические новшества способствовали повышению возможностей

адаптации общества к окружающей среде, росту производительности труда, изменению структуры производства, трудовых ресурсов, системы расселения, образа жизни. Тесная связь, которую подчеркивают сторонники модернизационного подхода, между индустриализацией (переходом от ручного к машинному труду), с одной стороны, и множеством прогрессивных динамических процессов в других социальных областях, с другой стороны (демографическая революция; утверждение открытой системы стратификации с высоким уровнем социальной мобильности; переход от племенных или феодальных структур к бюрократическому устройству демократического или тоталитарного типа; снижение роли и влияния религии; отделение функции образования от семьи и общины, удлинение и обогащение образовательного процесса; рост «массовой культуры»; развитию средств массовой информации и т.д.), не вызывает сомнений.

Идеи технологического детерминизма (придания технологическим факторам решающего значения в процессе социального развития) лежат в основе многих схем исторической эволюции общества. Ряд тезисов основоположников исторического материализма дает основание для трактовки их в духе технологического детерминизма. Так, согласно формуле К. Маркса, «ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом». «Орудия дикаря обуславливают его общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общество», — писал Ф. Энгельс К. Каутскому от 26 июня 1884 г. В работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» различия между пореформенной и предшествующей эпохами даны в терминах технологического объяснения: «Пореформенная эпоха резко отличается в этом отношении от предыдущих эпох русской истории. Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»⁸. Но все же в историко-материалистической модели исторического процесса технологические факторы тесно увязываются с экономической организацией общества, с социальными производственными отношениями.

Более очевидна технологическая детерминация в схеме Ж. Фурастье, который предложил в свое время рисунок последовательной смены первичной, вторичной, третичной цивилизаций (преобладание, соответственно, аграрного производства, промышленности, сферы услуг и духовного производства), в основе которого лежала идея воздействия на общество достижений научно-технического прогресса, которому приписывался самодовлеющий характер, автономность от общественных отношений⁹. Более известно членение истории человечества на доиндустриальное (аграрное), индустри-

альное (капиталистическое и социалистическое) и постиндустриальное общество (Д. Белл, Г. Канн, А. Турэн; технотронное – З. Бжезинский; сверхиндустриальное – А. Тоффлер; информационное – Й. Масуда, Т. Сакайя; также – супериндустриальное, кибернетическое, постмодернистское, постдефицитное, посткапиталистическое, постбуржуазное, постпредпринимательское, пострыночное общество, «третья волна»), общество автоматике и связи, общество услуг, общество знаний), которое предлагается многими сторонниками концепции постиндустриального общества. Представители данной концепции также придают уровню технического развития решающее значение при определении основных стадий эволюции общества¹⁰.

Однако абсолютизация зависимости между изменениями производственных технологий и социальными сдвигами подвергается критике за то, что она ведет к игнорированию социальных процессов, создающих необходимые предварительные условия для изобретений и применения технологических инноваций. Технологический детерминизм камуфлирует также проблему сосуществования разнообразных социальных механизмов с различными типами технологий.

Широкое признание в социальных науках получила идея, согласно которой динамика общества в значительной степени определяется *экономическими сдвигами*. Так, в рамках марксистского подхода производственные отношения (в первую очередь, собственность на средства производства) рассматриваются как решающий фактор, детерминирующий процессы социального развития, социально-классовую структуру общества, его политическую и социокультурную надстройку. Размышляя над проблемой синхронности генезиса капиталистических отношений и рефеодализации в различных регионах Европы XVI в., известный польский экономист и историк Е. Топольский обнаруживает ряд причинно-следственных зависимостей между экономическими и социальными переменными. «Кризис сеньориальных доходов» и «повышение социально-экономической активности горожан и крестьян» приводят к «повышению активности дворянства», которое может выступать в качестве фактора «рефеодализации» (Центральная и Восточная Европа). Одновременно «повышение социально-экономической активности горожан и крестьян», а также «повышение активности дворянства» могут вызывать в качестве следствия «генезис капитализма»¹¹.

Противоречия интересов и борьба по поводу ограниченных ресурсов (*конфликты*) также нередко интерпретируются как весьма важные источники социальных изменений. Конфликтность обнаруживается в межцивилизационном и межстрановом пространстве, между классами, региональными и локальными, социально-профессиональными, расовыми и этно-конфессиональными группа-

ми, между институтами, ведомствами, между государством и гражданами страны и, наконец, между конкретными индивидами. При этом конфликту приписываются как деструктивные (подрывающие социальный порядок), так и конструктивные последствия (обнаружение и устранение болевых точек, дефектов общественного устройства, обновление, оживление социального организма).

Широкий круг социальных изменений связывается с внедрением *инноваций*, то есть новых способов производства¹². При этом выделяются две разновидности инноваций: 1) *открытие* определяется как приращение знания на основе использования некоторых уже существующих теорий; 2) *изобретение* же – это облечение в некоторую новую форму наличных знаний (например, создание паровой машины, синтетических материалов или автомобиля). Инновации (и открытия, и изобретения) преимущественно являются не изолированными, случайными действиями, но результатами накопления технологического и социального знания. Последнее выступает в качестве базы, определяющей горизонты научного поиска и возможности изобретательской деятельности. Так, самая смелая попытка Леонардо да Винчи – попытка создания механического летательного аппарата – была заранее обречена на неудачу, поскольку такое необходимое для этого предварительное изобретение как бензиновый двигатель было все еще в далеком будущем. Поэтому великому представителю итальянского Возрождения пришлось удовлетвориться изобретением велосипеда. Вообще, трагедия гения эпохи Возрождения, по мнению известного историка науки Дж. Бернала, состояла в том, что «он мог изобретать машины чуть ли не для любой цели и рисовать их несравненно хорошо, однако почти ни одна из них и ни одна из наиболее важных не смогла бы работать, даже если бы он сумел найти достаточно денег, чтобы их сделать. Без количественного знания статики и динамики, без использования первичного двигателя, вроде паровой машины, инженер эпохи Возрождения фактически не мог даже выйти за пределы, установленные традиционной практикой»¹³.

Социальные изменения чаще всего вызываются инновациями следующих трех типов: 1) новые технологии (автомобиль, например, революционизировал городской ландшафт и характер жизни горожан; по мнению У.Ф. Огберна, изобретение стартера, облегчившее и упростившее управление автомобилем, напрямую способствовало эмансипации женщин, позволив им войти в деловой мир и трансформировав их роль в рамках семейных отношений); 2) культурные новшества (новые верования, ценности, идеологические конструкции; так, по мнению Р. Нисбета, идея прогресса стимулировала стремительные технологические трансформации в Западной Европе

на протяжении XVII–XVIII вв.); 3) новые формы социальной структуры (например, бюрократическая организация в свое время явилась новым типом социальной структуры, призванной справляться со сложными административными задачами, спровоцированными обществом modernity).

Существенным фактором социальных изменений выступает *диффузия* – то есть распространение инноваций, в том числе их импорт в данное общество извне¹⁴. Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса. Процесс диффузии получает дополнительные импульсы благодаря совершенствованию транспорта и средств коммуникации, облегчивших интерсоциальные контакты и взаимодействия в обществе. Распространению инноваций способствуют торговля, войны, путешествия, радио и телевидение.

Роль диффузии в истории трудно переоценить – трансляция письменности, алфавитов, мировых религий сопровождала становление цивилизаций. Весьма распространенная в Европе модель абсолютистско-полицейского государства являлась упрощенной версией популярной в Германии XVII–XVIII вв. утопии так называемого полицейского государства. Известно, как широко растекались в XVIII в., переступая государственные границы, идеи Просвещения в Европе и даже в Новом Свете, какое значительное влияние они оказывали на политические и социокультурные процессы.

Индустриализация, развернувшаяся первоначально в Великобритании во второй половине XVIII в., также осуществлялась во многом в результате диффузии, а не независимого развития в рамках отдельных сообществ. Колоссальное расширение коммуникационных возможностей в современном обществе привело к превращению земного шара в своего рода «глобальную деревню» (выражение М. Маклюэна). Следствием колоссально выросшего уровня диффузии становится «революция растущих ожиданий» – стремление населения различных регионов мира, в том числе бедных, обеспечить себе образ жизни, который преподносится рекламой, телевидением, кино и который не всегда в состоянии поддерживать национальная экономика.

При этом, признавая огромную роль диффузии в процессе социальных изменений, особенно в современном мире, не следует понимать ее буквально, упрощенно, как простой перенос каких-либо явлений в пространстве. Следует помнить, что в процессе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и средой, где они должны укор-

ниться. Последствия диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий могут быть совершенно различными (по меньшей мере, отличными). Данный тезис хорошо иллюстрирует наблюдение М. Малиа по поводу распространения в Европе пришедших на место «старого порядка» (*l'ancien régime* – то есть, абсолютная монархия, узаконенная социальная иерархия, монополия государственной церкви) структур modernity, характерных для Нового времени: «Так, начав с передового атлантического Запада, силы демократии и индустриализма, либерализма и социализма, классицизма и романтизма двигались с Запада на Восток. Однако в процессе этого движения каждый из этих аспектов современной цивилизации преобразался, а иногда и искажался, по мере проникновения в неравномерно развитые зоны. Таким образом, внутри большой Европы существует ряд подразделений: англо-французский Запад, германский Центр, славянский Восток и средиземноморский Юг. Кроме того, существует дальний Запад – за Атлантическим океаном, в Америке, – сочетающий в себе элементы всех европейских подразделений»¹⁵.

Идея обоюдного влияния и взаимообусловленной трансформации импортируемых инноваций и эндогенных традиций лежит в основе концепции парциальной (или частичной, «фрагментированной») модернизации. «Во многих обществах, – писал автор данной концепции Д. Рюшмейер, – модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры. Часто такие социальные несообразности представляют собой временное явление, сопровождающее ускоренные социальные изменения. Но нередко они закрепляются и сохраняются на протяжении поколений. Именно такие устойчивые формы существования разнородных социальных структур являются предметом настоящего исследования. Если давать формальное определение, то частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур»¹⁶. Возможность парциальной модернизации связывалась с проникновением современных социокультурных практик и ценностей в слаборазвитые общества, то есть с механизмом диффузии и наличием контакта между обществами, стоящими на существенно различных ступенях развития. При этом исторический материал свидетельствовал в пользу существования достаточно широких возможностей для восприятия даже сложных институциональных и культурных феноменов обществами-реципиентами, весьма далекими от того, чтобы самостоятельно производить подобные феномены.

Нельзя обойти вниманием такой источник социальных изменений как *нормативные системы* – субъективные регулятивы, функционирование которых основывается на способности человека подражать, действовать по образцам. Нормативные системы – исключительная принадлежность социальной реальности, не имеющая аналогов в физической реальности¹⁷. Нормативные системы состоят из нормативов, возникающих субъективно в целях упорядочения социальной действительности путем организации определенных линий поведения и имеющих, соответственно, субъективную природу (согласно К.Р. Попперу, «нормативное предположение о некоторой линии поведения или норме с целью принятия после последующей дискуссии и решение о принятии этой линии поведения или нормы создают эту линию поведения или норму»¹⁸). Это разнообразные, созданные человечеством, регулятивные системы: нормативные предписания, социальные стереотипные ценностные установки, традиции, обычаи, образцы производственной деятельности, образцы поведения, речи, мышления и т.д., которые властно вмешиваются в ход исторического процесса, дирижируя его, диктуя его конкретные шаги. Импульс субъективному регулятиву может задавать как вполне осознанное, планируемое, точно фиксируемое волеизъявление (например, в государственном законе, политике правительства), так и спонтанное, конвергентное, растянутое во времени рождение экземпляров поведения (например, традиция). Сфера и масштаб действия и последствий субъективных регулятивов могут быть различными. Одно дело – этикетная инструкция, определяющая правила поведения в быту. Другое дело – норматив, регулирующий отношения в социальной, административно-политической, экономической и др. сферах. Современные законодательные, судебные, административные институты перманентно вырабатывают новые правила человеческой жизнедеятельности (законы, инструкции и т.д.), которые могут оказывать воздействие как на все общество, так и на определенные его сегменты, изменяя природу властных и социальных отношений, перераспределяя права и обязанности, влияя на ценности, поведенческие установки, жизненные стили, приемы адаптации, институционализированные модели и практики партнерства. Правовая система выступает в качестве вездесущего инструмента социальных изменений благодаря непрерывным процессам регулирования, дерегулирования, выборочного принуждения.

Социально-психологические факторы социальных изменений также заслуживают внимания, поскольку, в конце концов, общества трансформируются благодаря тому, что меняются люди. Существование различных социально-психологических перспектив и заключается в выявлении зависимостей между изменениями психологических па-

раметров (которые трактуются как детерминанты) и социальной динамикой. Социальные трансформации при этом могут объясняться предварительным осуществлением в рамках данного общества определенных социально-психологических мутаций; социальная стагнация связывается с отсутствием последних. Данный подход акцентирует внимание на человеке и психологических детерминантах, которые стимулируют людей осуществлять определенные виды деятельности (карьера, изобретательство, научные открытия и т.д.). Хорошо известна концепция М. Вебера, согласно которой развитие капитализма в Западной Европе было подготовлено утверждением «духа протестантизма». По мнению Д. МакКлелланда, успешная модернизация должна быть обеспечена мотивацией достижения или достигательной (ориентация на успех, активность, мобильность в противоположность традиционному образу действий), которую необходимо предварительно привить человеку¹⁹.

Социальные изменения приобретают разнообразные конфигурации. По мнению У. Мура, можно выделить 10 моделей социальных изменений, различающихся своей направленностью²⁰.

Модель *постепенного и непрерывного роста (модель 1)* графически может быть изображена в виде прямой линии, плавно поднимающейся со временем снизу вверх. Подобная траектория обычно использовалась для характеристики линейного прогресса, который в чистом виде, вероятно, в реальности не встречается. Тем не менее, данная модель может быть использована в качестве аппроксимации направления последовательности социальных изменений, которые имеют место в течение более коротких интервалов времени (например, средний рост производительности для страновой экономики).

Стадиальная ступенчатая эволюция (модель 2) – более распространенная модель социальных изменений – широко используется при характеристике процессов исторического развития. В основе данной модели лежит представление о постоянном чередовании периодов расширенного роста, стимулируемых каким-либо крупным прорывом, открытием, достижением, с периодами стабильной динамики («лестница» на диаграмме). Подобная модель вызвала к жизни схемы развития человечества через последовательности эпох или стадий (цивилизаций), где каждая последующая стадия считалась более совершенной по сравнению с предшествующей (например, известная археологическая периодизация – палеолит, мезолит, неолит, энеолит, бронзовый век, железный век; историко-материалистическое членение всемирно-исторического процесса по формациям: первобытно-общинный строй, рабовладельческое общество, феодальное общество, капитализм, коммунистическая формация). Модель 2 может использоваться и при рассмотрении социально-экономического и на-

учно-технического прогресса («непрерывность прогресса... сочетается с дискретностью отдельных его периодов ("ступеней"), каждый из которых вызывается определенным импульсом, имеющим собственную продолжительность»²¹).

Представление о непропорциональности темпов эволюции лежит в основе следующей модели социальных изменений, которую можно идентифицировать как модель *неравномерного развития (модель 3)*. Данная модель может быть применена для описания экономического роста, если последний представить некоторыми пиками: например, 1) первая промышленная революция конца XVIII – начала XIX в.; 2) вторая промышленная революция конца XIX – начала XX в.; 3) третья промышленная революция середины XX в., перешедшая в научно-техническую революцию²². В рамках данной модели весьма быстрый рост после внедрения комплекса инноваций сменяется стабилизацией темпов развития; причем интервалы динамики не отличаются симметричностью.

Модель *циклического роста (модель 4)* предусматривает векторную повышательную динамику, включающую циклы с фазами подъема и регресса. Считается, что данная модель позволяет, например, описывать деловые циклы, которым присущи как прогрессивные стадии (оживление, процветание, зрелость), так и стадии упадка (упадок, депрессия).

Модель 5 (разветвленная, многолинейная динамика) является более сложной по сравнению с предшествующими, поскольку пытается объять разнообразные возможные маршруты эволюции: стабильный рост для одних обществ, цивилизаций, сегментов общества; застойность для других; регресс и даже абсолютный упадок (завершающийся исчезновением) для третьих. При этом модель предусматривает возможность изменения траектории движения с течением времени: стабилизация или упадок после стремительного подъема; внезапный рост после длительных периодов относительно медленного развития и т.д. Графическое отображение модели дает рисунок ветвящегося дерева, протянутого вдоль временной оси. Данная модель отвечает некоторым современным концепциям модернизации, предусматривающим способность процессов перехода от традиционности к современности адаптироваться к разнообразным контекстам по мере их исторического развертывания, возможность осуществления модернизации в одно и то же время как в одной стране, так и в кластере стран; отказ от представления о каком-то одном фиксированном «центре modernity» и признание возможности существования нескольких «эпицентров» модернизации, число которых может пополняться, а конфигурация их – меняться²³.

Циклическая безвекторная динамика (отсутствие тренда) воплощается *моделью 6*, которая использовалась в циклических теориях общественно-исторической эволюции, например, Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина. Определенную популярность в современном отечественном обществоведении получила концепция географически и культурно детерминированного циклизма российской истории, якобы вечно возвращающейся к «исторически более ранним формам» в силу недостаточного потенциала развития (А.С. Ахиезер)²⁴. В рамках данной модели эволюция предстает в виде циклической флуктуации, не ведущей в конечном счете к прогрессу, но лишь постоянно повторяющейся предшествующие периоды. Пики и спады данной модели не свидетельствуют о наличии какой-либо общей восходящей тенденции, в отличие от моделей 3 и 4. Считается, что модель циклической безвекторной динамики может с успехом применяться для интерпретации множества социальных явлений (например, динамика браков, рождений, разводов и т.д.), если мы прибегаем к относительным, а не абсолютным показателям.

В основе *логистической кривой (S-образной) роста (модель 7)* лежит гипотеза «насыщения», то есть присутствия предельной для данных конкретных условий численности, по мере приближения к которой прирост замедляется в силу влияния некоторых препятствующих сил (ограниченность ресурсов, например). Данная модель нашла широкое применение при характеристике демографических процессов роста населения. Концепция логистического роста населения впервые была высказана в 1835 г. бельгийским ученым А. Кетле, развита бельгийским же математиком П. Ферхюльстом (1838 г.). В 1920 г. логистическая кривая была вновь «открыта» американскими биологами Р. Пирлом и Л. Ридом. Изучая продолжительность и темпы роста популяции плодовых мушек в зависимости от ее плотности, они установили, что первоначально прирост увеличивается (медленно, затем – все быстрее), а затем, достигнув определенного уровня (асимптота), приостанавливается. Данная закономерность была перенесена Р. Пирлом на рост человеческого населения и обнаружила свою адекватность применительно к отдельным периодам (до 1920-х годов) нескольких европейских стран и США. Модель логистического роста использовалась при описании демографической и экономической динамики в исследованиях представителей школы «Анналы» (Ф. Бродель и др.), экономиста Р. Камерона, в рамках миросистемного анализа (И. Валлерстайн). Известны попытки ее применения при изучении культурных комплексов (Х. Харт). При помощи логистической кривой роста моделируется индивидуальный жизненный цикл технологий (продуктов, напри-

мер, автомобиля, самолета, радио и т.д.) – в данном случае предполагается, что первоначальный быстрый рост постепенно понижается под давлением со стороны насыщенного и сужающегося рынка (концепция Г. Менша)²⁵.

Реверсивная логистическая кривая (модель 8), являясь симметричным отражением модели 7, применяется для описания некоторых нисходящих тенденций. Например, снижение темпов смертности, вследствие улучшения продовольственного снабжения, медицинского обслуживания (в период *демографического перехода* или *революции*) первоначально протекает быстро, но затем, приблизившись к некоторому минимуму, замедляется²⁶.

Ряд феноменов социальной реальности позволяет аппроксимировать модель *экспоненциального роста (модель 9)*. Так, данная модель использовалась для описания неограниченного демографического роста (концепция Т.Р. Мальтуса, основанная на законе народонаселения, которой, по мнению ученого, «состоит в постоянном стремлении, свойственном всем живым существам, размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи»).

Следующая модель (*модель 10*), имеющая вид *нисходящей кривой*, обслуживает ситуации, противоположные тем, которые описываются предшествующей моделью. Модель 10 применяется при изучении процессов упадка, деградации.

Идентифицированные У. Муром модели, не охватывая всех возможных вариантов социальных изменений, существенно упрощают процедуры изучения последних. При этом к данным моделям следует относиться не как к конкурирующим обобщениям (абсолютизация одной из моделей вряд ли оправдана), а как к схемам, применимым к соответствующим ситуациям, аспектам социальных процессов и явлений (модели – инструменты познания, которые должны оцениваться по эффективности, плодотворности и эвристическим возможностям). Подбор адекватных моделей для анализа конкретных сторон социальной действительности – весьма сложный процесс, требующий глубоких знаний и даже интуиции от исследователя. Переплетенность социальных тенденций, их взаимодействие между собой, вызывает потребность в создании сложных модельных конструкций, модулями которых могут выступать более простые схемы социальных изменений (например, в длинноволновые модели экономической динамики могут инкорпорироваться свернутые модели логистического и экспоненциального роста, упадка и т.д.; многолинейная модель модернизации может быть представлена как суперкомпозиция, включающая прогрессивные, стадийные волновые

модели роста, схемы циклической безвекторной динамики и даже упадка и т.д.).

Многоаспектность социальных изменений существенно осложняет процедуру концептуализации данного понятия. Определение *социального изменения* зависит от дисциплинарных привязанностей авторов (социологи, экономисты, политологи, историки, демографы, этнологи и представители других специальностей обнаруживают склонность по-разному интерпретировать природу социальных изменений), от акцентуации внимания на различных сторонах социальных сдвигов. Теоретико-концептуальные и идеологические ориентации ученых также оказывают влияние на формирование исследовательского фокуса при решении данного вопроса.

Согласно одной из точек зрения (1), социальное изменение сводится к модификации (с течением времени) социальных практик и социальных ролей, выполняемых людьми в ходе социальных взаимодействий. Трансформация социальной структуры, то есть моделей социального действия и взаимодействия, воплощенных в нормах (правилах поведения), ценностях, культурных продуктах и символах (2), рассматривается другими исследователями как основная характеристика социального изменения («Социальное изменение, – по мнению Н. Смелзера, – можно определить как изменение способа организации общества»²⁷). Э. Гидденс характеризует социальные изменения как «перемены в базовых структурах социальной группы или общества»²⁸). Странники данного подхода обращают внимание на неустойчивость, противоречивость, гибкий характер агрегирования социальных структур, подверженных существенным изменениям. Ряд исследователей обращает внимание на то, что социальное изменение нельзя сводить только к структурным сдвигам, но необходимо также учитывать и перемены в характере функционирования общества (3). Так, по мнению Э.К. Аспа, под социальными изменениями следует понимать «прежде всего перемены в структуре и функционировании социальной системы»; «социальная переменная означает процесс, в ходе которого наблюдаются значительные изменения структуры и деятельности какой-то социальной системы»²⁹. Странники данной точки зрения считают, что игнорирование динамических процессов, важных для функционирования системы в целом (например, достижение целей или выполнение определенных условий), делает исследование социальных изменений односторонним. Порой социальные изменения трактуются как, в первую очередь, изменения социальных отношений (4). Существует мнение, что социальное изменение, помимо сдвигов в области социальных отношений, должно включать также структурные трансформации. В рамках данного подхода обращается внимание на множественность

уровней (от индивида до структуры), на которых протекают процессы социальных изменений (5)³⁰.

В рамках данных попыток концептуализации акцент делается на выделение той области социальной реальности, где, по мнению ученых, локализуются изменения. Подобные подходы неизбежно страдают определенной односторонностью и описательностью. Синтетическую попытку концептуализировать понятие социального изменения предпринял С. Ваго, включивший в орбиту рассмотрения сущностные параметры изменения. По мнению ученого, социальное изменение можно определить как процесс запланированных или незапланированных качественных или количественных сдвигов в социальных явлениях, который отображается в шестимерном континууме, составленном из взаимосвязанных аналитических компонентов (*идентичность, уровень, продолжительность, направление, масштаб, степень изменения*)³¹.

Идентичность изменения, в схеме С. Ваго, означает определение того социального явления, который подвергается трансформации – того, что меняется (это может быть норма, отношение, определенная практика, поведение, установка, мотивация, образец взаимодействия, структура власти, уровень производительности, престиж, система стратификации и т.д.). Например, изменение может иметь отношение к какой-либо социальной функции – специализация и дифференциация труда, понижение экономической роли (функции) семьи – или к социальной структуре (социальная дифференциация, кристаллизация власти, установление кооперативных либо конкурентных отношений и т.д.). Идентификация социального изменения – отнюдь не тривиальная процедура. «Неудача в определении идентитета или того, что меняется, – как пишет С. Ваго, – может легко привести к путанице».

Уровень изменения связан с локализацией того места в социальной системе, где происходит какой-либо сдвиг (например, уровень индивида, группы, организации, института, взаимоотношений подсистем или общества в целом). Изменение может быть локализовано на уровне индивидуального (сдвиг в области психологических установок, верований, стремлений) или группового уровня (скорее, механизмы взаимодействия, методы преодоления конфликта, достижения солидарности, конкуренции и т.д.). На уровне организаций придется рассуждать о сдвигах в ее структуре и функциях, иерархическом и коммуникационном устройстве, ролевых сетях, механизмах рекрутирования и социализации. Институциональный фокус требует изучения, например, изменений моделей семьи, образования, хозяйственной деятельности. Анализ изменений на уровне общества в целом может быть связан с рассмотрением динамики круп-

ных социальных подсистем – стратификации, экономики и т.д. – или взаимоотношений между ними – например, установление доминирующих позиций административно-политической сферы относительно экономики в условиях тоталитарного режима.

Параметр – *продолжительность* – важен для фиксации длительности изменения, которое может быть краткосрочным или долгосрочным. Использование данного индикатора приобретает особую актуальность в свете признания бесконечной множественности исторического времени (например, Э. Лабрусс, Ф. Бродель). Известно, что обычно более продолжительны изменения географического и материального контекста, быстрее происходят экономические изменения, еще быстрее – политические (соответственно, долгое, среднее и краткое время истории, по Ф. Броделю). О вариативности временной динамики различных исторических феноменов писал также М. Блок: «Ведь каждому типу явлений присуща своя, особая мера плотности измерения, своя, специфическая, так сказать, система счисления. Преобразования социальной структуры, экономики, верований, образа мышления нельзя без искажений втиснуть в слишком узкие хронологические рамки»³². Большую познавательную ценность имеет выяснение характера взаимодействий и взаимовлияний между социальными изменениями различной длительности, которые протекают одновременно, но в разных частях общества (различные институты, уклады, сегменты населения, регионы и т.д.). Представляется, что именно вследствие подобных взаимодействий крупномасштабные изменения приобретают неповторимый национальный (страновой) облик.

Направление изменения указывает на различие между начальной и конечной позицией социального феномена, подверженного изменению. Изменение может характеризоваться как развитие, прогресс или, наоборот, упадок, деградацию. Использование данного параметра позволяет квалифицировать изменение как линейное, эволюционное, стадийное, циклическое, зигзагообразное или подчиняющееся какой-либо иной модели. Траектории социальных изменений, как уже отмечалось, могут быть самыми различными. Сложность заключается в том, что обычно изменение включает множество менее масштабных изменений различной, в свою очередь, направленности. Положительные (имеющие в качестве следствия процессы развития) изменения внутри макросистемы должны резюмировать как положительные же, так и, вероятно, неизбежно отрицательные микроизменения (эрозия каких-то частей макросистемы, блокирующих положительный рост).

Масштаб характеризует размер, величину изменения. При этом С. Ваго предлагает придерживаться трехчастной модели (предло-

женной Р. Далем для измерения величины политических изменений³³), которая предусматривает восхождение от частных, маргинальных (инкрементальных) изменений к разносторонним и, наконец, к революционным. Инкрементальными С. Ваго квалифицирует такие изменения, которые повышают или понижают значение отдельных норм или поведенческих практик, не меняя базовых принципов общества, его структуры. Всесторонние изменения ученый характеризует как кульминацию взаимосвязанных частных изменений (по выражению Р. Даля, «радикальные инновации или решительная отмена установленных норм или образцов поведения»). Революционные изменения, по мнению С. Даля, связаны с полной, всеобъемлющей сменой прежних норм и форм поведения. Как можно видеть, граница между изменениями различного масштаба по С. Ваго не является четкой: накопление частных изменений может результироваться более обширными, в конце концов, революционными изменениями.

Использование показателя *степень* изменения указывает на скорость перемен (быстрое или медленное, непрерывное или спазматическое, организованное, упорядоченное или беспорядочное, неустойчивое изменение).

Степень сознательности, целенаправленности, планомерности, проективности (противоположностью в данном случае будет выступать стихийность, спонтанность, незапланированность), присущая социальному изменению, как нам кажется, заслуживает специального измерения, возможно, путем использования параметра *характера* социального изменения. Естественно, преднамеренность и стихийность не могут рассматриваться как абсолютно оппозиционные категории. Чисто планомерное изменение невозможно в силу действия феномена незапланированного планирования: «чем обширнее осуществляемые количественные изменения, тем значительнее их непреднамеренные и во многом неожиданные последствия, вынуждающие количественного инженера обращаться к приемам «поэлементной» импровизации»; «утопический инженер постоянно делает вещи, которых он делать не собирался»³⁴. Также невозможно, вероятно, и абсолютно спонтанное изменение – хотя бы потому, что любые социальные изменения предполагают (складываются) какие-то действия социальных акторов. Последние же, в свою очередь, склонны обдумывать свои поступки, «планировать» их (пускай и не всегда; возникли целые отрасли знания, в частности, психоанализ, обсуждающие человеческие действия, «проектируемые» подсознанием).

Тем не менее, различать степень сознательности (то есть фиксировать конкретное социальное изменение на шкале, ограниченной двумя идеализированными полюсами – абсолютной программируе-

мости и абсолютной стихийности) при анализе социальных и исторических процессов представляется полезным. Предсказание (информация о ситуации) оказывает определенное влияние на ситуацию, способствуя ее появлению или предотвращению. К. Поппер именуется связь между информацией о ситуации и развитием самой ситуации эдиповым эффектом, ссылаясь на легенду об Эдипе (убил своего отца, которого никогда не видел, в результате пророчества, когда-то заставившего отца покинуть сына)³⁵. Хотя проект действия не всегда аналогичен (обычно, как раз не аналогичен) свершившемуся действию, изучение зависимости между проектом и актом (социальным изменением) дает много нового материала о природе среды, о потенциальных планах ее трансформации, в конце концов, о том окончательном рисунке социального изменения, который оно приобретает. Исследуя социальные движения, революции, историки предпринимают попытки разделить проективные и спонтанные составляющие этих явлений, чтобы понять их сложность и многоплановость, те формы и масштаб, которые они принимали. При этом как раз игнорирование сложного характера социальных явлений (абсолютизация планомерности или, наоборот, стихийности) приводит к искажению воссоздаваемой исторической картины (можно вспомнить о модных в постперестроечный период попытках приписывать революционерам-большевикам все беды Октябрьской революции, основанных на невежественном забвении того факта, что революция отнюдь не является изолированным событием, происходящим по воле только ее лидеров; с другой стороны, стремление советской историографии установить прочную связь между стихийными крестьянскими движениями середины XIX в. и преобразованиями 1860–1870-х годов в ущерб «сознательной» деятельности «верхов» по их подготовке также не способствовало углубленному пониманию эпохи «Великих реформ»).

Как нам представляется, схему С. Ваго следовало бы дополнить также за счет подключения еще одного измерения, а именно *источника* изменения. В этом случае исследователь получает возможность идентифицировать отношение фактора изменения к тому социальному феномену, который подвергается изменению. В первую очередь, важно знать, является ли источник изменения внутренним (эндогенным) или внешним (экзогенным).

Эволюционистская парадигма

Рассмотрим несколько теоретических парадигм, акцентирующих внимание на социальных изменениях, но при этом предлагающих отличные интерпретации этих изменений. В XIX в. широкую

популярность приобрела эволюционистская парадигма, в основе которой лежала идея о предсказуемом, кумулятивном процессе изменений общества, движущегося от одной стадии к другой, обычно более совершенной, сложной, расширяющей возможности человека. Эволюционистские подходы нашли применение как в социальных науках, так и в биологии (наиболее влиятельным биологом-эволюционистом был Чарльз Дарвин, предложивший теорию естественного выбора для объяснения развития биологических видов).

Эволюционистская парадигма развивала идею прогресса; которая стала активно использоваться для объяснения динамики истории в эпоху Просвещения XVIII в. Считается, что наиболее полно прогрессистская концепция истории была разработана Ж.А. Кондорсе, который утверждал бесконечность и необратимость эволюции человеческого сообщества. По мнению Кондорсе, в историческом развитии человечества выделяется десять основных эпох: 1) эпоха племенной организации, когда основными занятиями людей были рыболовство, охота и собирательство; 2) эпоха перехода от скотоводства к земледелию, приведшая к росту производительности человеческого труда, появлению в итоге у человека досуга, развитию его разума и талантов; 3) эпоха «прогресса земледельческих народов до изобретения письменности», которая сопровождалась усилением неравенства, ростом городов, административной и судебной власти, возникновением новых форм политического устройства общества, впоследствии получивших наименование республиканских; 4) эпоха античности, для которой было характерно возникновение профессиональной группы людей, занимавшихся наукой, появление культуры теоретизирования и искусства; 5) эпоха «прогресса наук от их разделения до их упадка», в ходе которой начался процесс дифференциации научного знания, а затем распространение и возвышение христианской религии, послужившее, для Кондорсе, сигналом полного упадка наук; 6) эпоха упадка просвещения вплоть до начала Крестовых походов; 7) эпоха возрождения наук на Западе до изобретения книгопечатания, сопровождавшаяся быстрым развитием производства, появлением первых бумажных фабрик, ветряных мельниц, переворотом в военном деле, связанным с изобретением пороха и компаса; 8) эпоха с изобретения книгопечатания и до избавления науки и философии от ига авторитета, в течение которой прогресс становится окончательным и необратимым, разум и природа превращаются в единственных учителей и авторитетов для человека, осуществляются географические открытия и религиозная реформация; 9) эпоха от времени Декарта до образования Французской республики характеризуется, по мнению Ж.А. Кондорсе, тем, что «разум окончательно разбивает свои цепи», наблюдается стремитель-

ный прогресс науки (открытие законов природы Ньютоном; быстрое развитие изящных искусств; установление в обществе законов, гарантирующих личную и гражданскую свободу), смягчение нравов, ослабление религиозной нетерпимости; 10) эпоха прогресса человеческого разума, которая, согласно Кондорсе, приведет к уничтожению неравенства между нациями, прогрессу равенства между различными классами и действительному совершенствованию человека³⁶. Таким образом, «линейная концепция *прогрессивного развития* Кондорсе утверждала неуклонное, без остановок и падений, восхождение человечества к высотам разума, справедливости, мира и добра»³⁷. При этом необходимо отметить, что Ж.А. Кондорсе предполагал для отсталых народов возможность ускоренного развития, с минимальными издержками, благодаря использованию плодов просвещения более передовых стран мира (то есть благодаря диффузии).

В начале XIX в. французский социальный теоретик К.А. Сен-Симон сформулировал эволюционный закон, согласно которому общество в зависимости от господствующих типов знания проходит по восходящей лестнице три стадии: *теологическую* (переход от первобытного идолопоклонства к политеизму и связанному с ним рабству), *метафизическую* (смена политеизма монотеизмом христианской религии и утверждение феодально-сословного строя) и *позитивную* (постепенное утверждение с XV в. позитивного, научного мышления и индустриализма, искоренение паразитизма). Последняя совпадала с появлением *индустриальной системы* (термин был предложен самим Сен-Симоном), которая характеризовалась превращением общества во всеобщую ассоциацию людей; складыванием единого, хотя и многослойного, класса «индустриалов»; занятых в индустриальном производстве (объединявшего буржуазию и пролетариат); утверждением индустриальной технологии, завершившей борьбу общества за гегемонию над природой; обязательным для всех производительным трудом; равными для всех возможностями применения своих способностей; введением распределения «по способностям»; государственным планированием промышленного и аграрного производства; превращением государства из орудия лишь господства в инструмент организации производства и просвещенного благосостояния; постепенным утверждением всемирной ассоциации народов и всеобщего мира при стирании национальных границ³⁸.

Вера в социальную эволюцию, прогрессивное развитие социальных форм человеческого общежития составила кредо возникшей в XIX в. науки социологии, которая фокусировала внимание на динамику социальных классов, культур, нормативных систем, других институционализированных моделей поведения и, наконец, общества в целом.

Один из основателей социологии, предложивший собственно данный термин (1838 г.) для обозначения научной дисциплины, О. Конт (1798–1857) опирался на прогрессистские идеи просветителей XVIII в. и работы К.А. Сен-Симона, секретарем и помощником которого он был с 1817 по 1824 г. О. Конт верил в то, что общество движется от низших стадий к высшим, к совершенному устройству. При этом Конт полагал, что переход к совершенному обществу произойдет не посредством политической революции, а благодаря применению новой моральной науки (представляющей вершину наук) – социологии, пользующейся «позитивистским» научным методом (наблюдение, эксперимент, сравнение), который позволит понять порядок и обеспечить прогресс. Как и К.А. Сен-Симон, О. Конт полагал, что общество проходит (согласно «закону трех стадий») три исторические эпохи развития, соответствующие трем стадиям интеллектуальной эволюции человека: 1) *теологическую* или воображаемую (скрытые силы как первопричина развития; знание пронизано «теологическими» концепциями, а в примитивном обществе господствуют жрецы и монархия, военная элита; данная эпоха сама включает три стадии: а) анимизм и фетишизм; б) политеизм; в) вера в единого бога или возникновению христианства, что знаменует кульминационный момент развития в рамках данной стадии); *метафизическую* или абстрактную (абстрактная сущность как первопричина развития; господство спекулятивного знания, связанного с «негативной» эрой социального критицизма, а также политической революции; объяснение причинно-следственных связей в терминах абстрактных сил; промежуточное общество) и *позитивную* или научную (взаимоотношения как первопричина развития; эпоха социальной реорганизации на основе «позитивного», «надежного» научного знания, разрабатывающего объяснения в терминах естественных процессов и научных законов, утверждения нового рационального правительствa и «религии гуманизма»; индустриализм; научное общество). По мнению О. Конта, западная цивилизация достигла позитивной стадии в управлении природной средой и была на подступах к ней в деле управления социальными отношениями³⁹.

Г. Спенсер (1820–1903) полагал, что развитие является универсальным процессом, то есть всеобщим законом природы. Социальное развитие он рассматривал как линейный непрерывный кумулятивный процесс, посредством которого все постоянно синтезируется на более высоких уровнях сложности. Он утверждал, что человеческое общество, подчиняясь непреложным законам, следует путем естественного развития, от относительно примитивных форм организации к более сложным структурам, характеризующимся расширяющейся специализацией частей. Как и О. Конт, Спенсер признавал

стадиальность социальной эволюции (простые, сложные, двойной сложности и тройной сложности), в частности, движение от простой однородности в «военном» обществе (совместная деятельность по обороне и наступлению ради сохранения и увеличения территории, противоборство, агрессия; принуждение, принудительное сотрудничество; индивид для государства; государственная централизация; фиксированный статус; автономная и самодостаточная экономика; патриотизм, лояльность по отношению к власти, дисциплина) к сложной разнородности в *индустриальном* обществе (мирное производство индивидуальных деятельностей; добровольное сотрудничество; государство для человека; индивидуальное самоограничение; государственная децентрализация; пластичный и открытый статус; экономическая взаимозависимость; уважение, индивидуальная инициатива, сила убеждения, альтруизм). Кроме того, Г. Спенсер настаивал, что существует равновесие между населением и продовольственным снабжением: прирост населения, превышающий увеличение ресурсов, необходимых для выживания, вызывает борьбу за существование. Объясняя функционирование общества, Г. Спенсер, сторонник эволюционного учения Ч. Дарвина, прибегал к организмической аналогии (представление о взаимозависимости различных частей общества, которые стремятся обеспечить выживание и функционирование системы в целом) – признанию принципиального сходства изменений в социальных и биологических организмах (увеличение массы или размера какой-либо части в любом из этих организмов корреспондирует с соответствующими изменениями многочисленных взаимосвязанных частей данных организмов). Г. Спенсер не верил в возможность усовершенствования общества посредством законодательных инструментов, отводил государству минимальную роль в регулировании общества, полагая, что последнее должно развиваться естественным путем⁴⁰.

Во второй половине XIX в. в рамках эволюционного подхода нашла отражение «великая дихотомия» между традиционным и современным обществом. Фердинанд Теннис (1855–1936) предложил различать понятия *gemeinschaft* (небольшие по размерам, примитивные, традиционные, гомогенные, тесно связанные *общины*, в которых доминируют близкие, доверительные человеческие отношения, аналогичные отношениям в первичных группах типа семьи или между старыми друзьями – поскольку члены такого сообщества заинтересованы в благосостоянии соседа, они готовы помогать друг другу бескорыстно, нерасчетливо) и *gesellschaft* (большие, урбанистические, индустриальные *общества*, в рамках которых человеческие отношения приобретают безличный, индивидуалистический, формальный, договорной, прагматический, конкурентный, реалистиче-

териала, микроисторических ситуаций). В результате наметилась тенденция к диверсификации эволюционной парадигмы: одни ее сторонники пытались сохранить данный подход практически в неизменном виде (например, Р. Карнейро⁴⁷), другие вносили разнообразные изменения, способствовавшие некоторой трансформации парадигмы. Идея однолинейной эволюции в значительной степени дискредитировала себя и была потеснена мультилинейными (в том числе билинейными⁴⁸) моделями развития. Мысль о многолинейной природе эволюции в 1930-е годы высказал антрополог Дж.Х. Стюард, оппонирующий своего современника – Л.А. Уайта, продолжавшего защищать идею однолинейной эволюции (Л.А. Уайт в 1959 г. утверждал: «В настоящее время существуют некоторые признаки того, что эпоха антиэволюционизма в культурной антропологии завершается. Это подобно выходу из темного тоннеля или пробуждению после кошмарного сна. Драгоценное время было потеряно в противостоянии этой плодотворной научной концепции, но теория эволюции вновь займет свое место и докажет свою значимость в культурной антропологии, как это уже произошло в других областях науки»⁴⁹). Дж.Х. Стюард утверждал, что «некоторые базовые типы культуры могут развиваться сходными путями под влиянием аналогичных условий, однако немногие конкретные аспекты культуры будут появляться во всех человеческих обществах в упорядоченной последовательности». Сторонники мультилинейного подхода полагали, что модели эволюции (примерно равноценные) могут существенно варьировать, что динамики различных обществ не обязательно подчиняются одним и тем же закономерностям, а общества не всегда проходят одни и те же стадии в процессе своей эволюции. В 1960 г. М. Салинз и Э. Сервис пытались объединить перспективы линейной и многолинейной эволюции, предложив различать «*общую*» (прогрессивная эволюция человеческой культуры в целом посредством ее усложнения; развитие следующих друг за другом продолжительных стадий, таких, например, как эпоха охоты и собирательства, аграрное общество, период промышленной революции, атомный век и т.д.) и «*специфическую*» (качественные трансформации конкретных обществ, локальных культур или групп культур в течение относительно коротких временных интервалов; культурное разнообразие, обусловленное воздействием частных факторов, таких как среда, диффузия, новации, составляет главную особенность специфической эволюции) *эволюцию* – таким образом, идея многолинейности сводилась указанными авторами к признанию побочных траекторий развития⁵⁰.

Тезис об усложнении, совершенствовании как основных принципах эволюции также оценивается некоторыми исследователями

как неудовлетворительный. Х.Дж.М. Классен высказывает мнение о предпочтительности использования понятия *структурного изменения* как базисного, на основе которого можно было бы построить здание эволюционной конструкции. «Структурное изменение, – пишет он, – выражает тот факт, что в одной или нескольких сферах культурной системы происходят изменения, которые сказываются на всех (или большинстве) других сторон этой системы. Система как целое будет изменяться вследствие данных изменений. Нет необходимости в том, чтобы вся она трансформировалась сразу; процесс может растянуться на какое-то время»⁵¹.

В целом эволюционная парадигма, пользовавшаяся большой популярностью на протяжении XIX–XX вв., испытывает сегодня серьезные затруднения. В частности, вызывает вопросы эволюционистский телеологизм и фатализм, который вряд ли могут прояснить туманные ссылки на анонимные естественные законы развития. Не вполне ясно в рамках эволюционистской парадигмы место «человеческого фактора» (человек, наделенный волей и рассудком, – активный актер исторического процесса, творец истории), который обыкновенно редуцируется сторонниками эволюционизма до уровня зависимой переменной в силу признания естественного характера развития. Отсутствуют четкие критерии, позволяющие относить очередную трансформацию общества (переход от одного типа к другому) к числу общезволюционных сдвигов или к разряду неупорядоченных случайностей. Если пользоваться дихотомической схемой «общая»–«специфическая» эволюция, то опять же возникают затруднения при определении статуса социальных изменений – являются ли они *общими*, или же *специфическими*. Всегда может возникнуть опасение – не есть ли идентификация общего пути эволюции лишь некоторой интеллектуальной подгонкой, метафорой, за которой скрываются идеологические, политические, расовые или другие интересы. Некоторой метафорой представляется и обычное приращение эволюционному процессу положительного характера, статуса прогресса. Тезис о том, что социальные изменения способствуют расширению возможностей адаптации общества к среде, не является абсолютно очевидным. Хорошо известно, что усложнение социального устройства, колоссальные успехи в технологической и научной сферах не делают общество менее хрупким, менее уязвимым, более устойчивым. Напротив, «прогресс» расширяет диапазон и масштаб рисков, которые приобретают все более угрожающий для человека характер (понятие «общества риска», возможно, наиболее адекватно отражает существо современного социального порядка⁵²). Кроме того, само понятие «прогресс» имеет историческую и, вероятно, национальную природу. Содержание, которое в него вкладывалось,

например, в индустриальную эпоху или вносится в эру постмодерна, далеко не аналогично. Прогресс в советском обществе трактовался иначе, нежели в постсоветской России⁵³. В связи с тем, что темпы развития различных компонентов социума не совпадают, а возможны ситуации, когда их динамики имеют различную направленность (прогресс (и эволюция) в сфере технологической и, в меньшей степени, экономической представляется более понятным; ответить же на вопрос, что такое прогресс в сфере социальных, политических отношений, культуры, весьма затруднительно), сложно представить, что вообще должно обозначать понятие *эволюция общества или культуры в целом*.

Циклическая парадигма

Пик популярности циклических теорий социальных изменений пришелся на 1920–1930-е годы, то есть на период между Первой и Второй мировыми войнами⁵⁴. Данные теории в большинстве своем характеризовались крайним пессимизмом в оценках перспектив развития человека и общества, что, как принято считать, отражало ощущение катастрофичности, нарастания хаоса, распада человеческого сообщества, нарастания отчуждения и падения нравов, вызванных индустриализацией, урбанизацией, секуляризацией, девальвацией религиозных ценностей, пугающим рождением «массового общества» и т.д.

Циклическая парадигма нашла отражение в творчестве таких мыслителей как О. Шпенглер (1880–1936), А. Тойнби (1889–1975), П.А. Сорокин (1889–1968), В. Парето (1848–1923), А.Л. Кребер (1876–1960), которые преимущественно акцентировали внимание на формах динамики отдельных цивилизаций или культур. Созданные ими конструкции были по существу циклическими теориями исторического круговорота, согласно которым общество и его подсистемы двигаются по замкнутому кругу, регулярно возвращаясь вспять, к исходному состоянию. Указанные ученые стремились восстановить последовательность фаз в развитии мировых цивилизаций, которая обычно включала рождение, рост, зрелость и упадок. Предлагаемые ими схемы динамики не исключали присутствие в историческом процессе определенных закономерностей (ритмическая, рекуррентная регулярность, повторяемость в рамках, ограниченных, с одной стороны, деградацией, смертью, а, с другой, – расцветом, кульминацией развития), но не предусматривали векторности, направленности истории, которая цементировала эволюционистскую парадигму. Таким образом, в основе циклической парадигмы лежало убеждение, что все наличные современные социальные формы, ме-

ханизмы, практики уже могли быть прежде, на более ранних витках динамики человеческого сообщества, что вся история – это рецидивирующий, возвратный процесс. Данный подход явно обнаруживает аналогию с биологическим циклом – замкнутым циклом развития живого существа от его рождения до смерти, вечно повторяющимся вплоть до исчезновения популяции, к которой он принадлежит.

По мнению немецкого историка О. Шпенглера, общества (культуры)⁵⁵ – египетская, вавилонская, индийская, китайская, классическая или «аполлоновская» (греко-римская), византийско-арабская или «магическая», мексиканская (мая) и западная или фаустовская, подобно людям, проходят фазы детства, юности, зрелости («золотой возраст») и старости. Умирая, обладавшие душой культуры, по схеме О. Шпенглера, перерождаются в мертвые, бездуховные цивилизации.

В виде циклического процесса рассматривал динамику обществ (цивилизаций) известный английский историк А. Тойнби. Каждый цикл, по его мнению, начинался с «вызова» со стороны окружающей среды, на который следовал «ответ» общества. В случае успешного ответа общество выживало, и процесс социальной динамики продолжался вплоть до следующего вызова; если же ответ был неудачным, общество погибало. При определенных условиях (присутствие в данном обществе творческого меньшинства и наличие среды, которая не является слишком неблагоприятной, но, в то же время, и слишком благоприятной) возможно возникновение цивилизации (исследователь насчитывал более 20 цивилизаций). Рост цивилизации, согласно концепции А. Тойнби, это постоянный кумулятивный процесс ее внутреннего самоопределения и самовыражения, этерализации (возвышения) ее ценностей, экспонирования ее потенциалов (например, эстетических в античной цивилизации, религиозных – в индийской, научно-механистических – в западной), не связанный жестко с технологическим прогрессом. Но в конечном счете, неспособность справиться с очередным вызовом приводит к надлому (недостаток созидательной силы у творческого меньшинства, отказ большинства подражать меньшинству, распад социального единства в обществе), разложению и гибели цивилизации. Между надломом и гибелью цивилизации (стадия упадка), как считал А. Тойнби, могли проходить столетия и даже тысячелетия. Историк допускал возможность преобразования цивилизации, ведущего к рождению новой цивилизации. Таким образом, динамика цивилизации в концепции А. Тойнби включает возникновение, рост, надлом, распад и гибель. Однако историк не настаивает на фатальной предопределенности прохождения каждым обществом всех перечисленных фаз и допускает возможность выталкивания цивилизации с циклической дис-

танции истории в результате безответного вызова со стороны внешней среды.

Циклический подход при анализе социальных изменений применялся видным русско-американским социологом П.А. Сорокиным. Его книга «Социальная и культурная динамика», вышедшая в 4-х томах в 1937–1941 гг., – беспрецедентный по объему и эмпирическому охвату труд, была посвящена детальному исследованию греческой, римской и западной культур приблизительно с 600 г. до н.э. до 1920 г. (делаются также экскурсы в египетскую, индусскую, китайскую культуры). П.А. Сорокин выделил три главных типа социокультурных суперсистем – «идеациональную» (сверхчувственную), «чувственную» и «идеалистическую» (позднее получившую название «интегральной»), – каждая из которых «обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образом святости, собственными представлениями правого и недолжного, собственными формами изящной словесности и искусства, своими нравами, законами, кодексом поведения, своими доминирующими формами социальных отношений, собственной экономической и политической организацией, наконец, собственным типом личности со свойственным только ему менталитетом и поведением». Элементы «идеациональной» системы основываются на вере, интуиции, нечувственном восприятии, цели и потребности в рамках ее носят духовный характер («священная» система); «чувственная» система составлена из элементов, подчеркивающих чувственную сторону человеческой природы, непосредственно воспринимаемых органами чувств человека, изучаемых эмпирической наукой («светская» система). «Идеалистическая» система, промежуточная, смешанная по своей природе, комбинируется из элементов «идеациональной» и «чувственной» систем и характеризуется большим вниманием к творческой активности человеческого разума в области искусства, литературы и мысли. В конкретной истории лидирует та или иная суперсистема (поэтому подход П.А. Сорокина иногда называют теорией смены социокультурных типов). П. Сорокин на основе изучения различных культурных компонентов – музыки, литературы, живописи, науки, техники, философии, права, – которые он пытался измерять (при активном использовании статистических методов), построил множество графиков, призванных иллюстрировать динамику указанных областей культуры. Исследователь утверждал, что циклические колебания в области творческих достижений на Западе имели место с самых истоков истории. П. Сорокин соотнес динамику культурных практик с выделенными им социокультурными системами («идеациональной», «чувственной» и «идеалистической») и

картировал их подъемы и спады. П. Сорокин пытался ответить на вопрос, происходит ли перестройка культуры в целом как единой системы, или изменения различных элементов культуры осуществляются независимо друг от друга. По мнению П. Сорокина, циклы совокупной культуры и ее различных элементов взаимосвязаны между собой и направляются своего рода логическим принципом, который содержится в самой культуре в целом (при этом П. Сорокин противостоял экстерналистским интерпретациям причинности). Ученый утверждал, что «начиная с момента возникновения, каждая социокультурная система является главным фактором собственной системы. Судьба, или последовательные стадии жизненного пути системы, – это главным образом раскрытие потенциальных возможностей, присущих данной системе». «Поскольку в системе, с момента ее возникновения, – писал П.А. Сорокин, – заложен ее дальнейший путь, она является системой самодетерминированной. Так как будущее системы зависит главным образом от нее самой, подобного рода самодетерминация является свободной, проистекающей спонтанно, согласно природе системы, из ее глубин»⁵⁶.

По мнению П.А. Сорокина, общей моделью динамики социокультурных систем являются «непрерывно изменяющиеся повторяющиеся процессы». Исследователь отвергает как ошибочные односторонние строго циклические, однозначно линейные концепции, концепции абсолютной уникальности изменений (отсутствие повторяющихся ритмов, акцент на их новизне) и концепции статической тенденции (инвариантность, неизменность социокультурного мира). «Достоверной концепцией является та, согласно которой в мире происходит "непрерывное изменение" главных повторяющихся тем и которая включает в себя, как частный случай, все перечисленные концепции»⁵⁷. Социокультурное изменение, например, может принять первоначально линейную форму, затем, в результате внутренних преобразований, модифицировать направление динамики, в результате чего может появиться новая форма. Последняя может быть снова линейной, циклической или, возможно, колебательной (вибрирующей, осцилляторной). В процессе последующих нерегулярных флуктуаций культура может частично вернуться к состоянию, близкому, но все же не идентичному прежнему, уже когда-то пережитому. Такую сложную динамику культуры можно рассматривать как близкую к циклической.

В целом применение циклической парадигмы вызывает множество вопросов, порой схожих с теми, которые рождает использование эволюционной парадигмы. Самый главный вопрос, видимо, касается природы тех непреложных «законов», которые регулируют якобы ритмическую повторяемость исторического процесса. Социальные

изменения не всегда имеют циклический характер – данное обстоятельство тоже создает затруднения для сторонников циклической парадигмы. При этом не следует, думается, отбрасывать опыт, накопленный сторонниками циклической парадигмы, как абсолютно не имеющий значения. Представляется, что его изучение может пролить дополнительный свет на многие стороны социальной динамики, а некоторые аспекты социальных модификаций могут быть адекватно проанализированы только при посредстве циклических моделей.

«Равновесная» парадигма

В рамках «равновесной» парадигмы (структурно-функциональный анализ) динамика рассматривается как фактор, обеспечивающий сохранение социального порядка, структуры. Исследователи, работающие в русле данного подхода, существенное внимание уделяют объяснению функций, которые данная структура должна выполнять, чтобы стабильность социальной системы или ее подсистем не подверглась модификациям. К числу ключевых концептов и категорий, которые осваивались в рамках «равновесного» подхода, можно отнести такие как *структура, функция, равновесие, входы и выходы, среда, обратная связь*. При помощи данных концептов ученые формулировали всеобъемлющие теоретические модели социальных систем, которые могли выступать в качестве идеальных типов при идентификации и сравнительно-историческом изучении эмпирических общественных систем.

«Равновесная» парадигма формировалась под значительным влиянием органической метафоры – признания аналогии между социальным и биологическим организмами. Сторонники данной парадигмы исходят из того, что тесная связь между общественными институтами, гармоничная координация между ними напоминает взаимосвязь и взаимозависимость между частями биологического организма. По аналогии с биологическим организмом, каждая часть которого выполняет определенную функцию ради блага целого, социальные институты также имеют конкретные полезные функции, обеспечивающие стабильность и развитие общества.

Т. Парсонс (1902–1979), крупнейший и наиболее влиятельный представитель функционализма XX в., сформулировал концепт «функционального императива», согласно которому для нормального существования общества необходимо выполнение четырех решающих функций (в противном случае общество подвергается деградации): а) адаптации к окружающей среде, соотношения с окружающей средой при использовании ее ресурсов (выполняется экономическими институтами); б) целедостижения, то есть постановки

задач, стоящих перед системой (за реализацию данной функции ответственно правительство); в) интеграции (связывания институтов воедино, поддержания внутреннего порядка; данная функция выполняется правовыми и культурно-религиозными институтами); г) поддержания латентного образца (поддержания и передачи ценностей от поколения к поколению, что необходимо для выработки мотивации для выполнения задач; выполняется институтами семьи и образования).

Органическая аналогия, помимо прочего, привела Т. Парсонса к формулированию концепта «гомеостатического равновесия». В обществе, как и в биологическом организме, по мнению Т. Парсонса, имеют место постоянные взаимодействия между институтами с целью поддержания гомеостатического равновесия. Как только один из институтов провоцирует социальное изменение, это вызывает цепную реакцию перемен в прочих институтах, чтобы сохранить гомеостазис. С этой точки зрения, социальная система Т. Парсонса не является статичной, неизменной целостностью; напротив, институты, ее составляющие, постоянно меняются и приспособляются друг к другу⁵⁸.

Преимуществом «равновесного» подхода считается его «универсальность», «всеобщая» применимость. Однако у этого подхода имеются и свои недостатки. Дело в том, что он дает скорее некоторые концептуальные рамки, которые сами по себе не продуцируют проверяемые гипотезы или то, что обычно называют «обобщениями среднего уровня». Данный подход в общем слабо стимулирует стремление углубляться в эмпирический материал.

Фундаментальной проблемой «равновесного» подхода является то, что он не эластичен к динамике, изменениям. Само понятие «система» и сопутствующее ему понятие «равновесие» ориентируют исследователя на изучение структурных, более-менее стабильных, находящихся в состоянии относительного равновесия, а не динамических, компонентов исторического процесса. Конечно, возможно использование концепта «система» в динамическом контексте, с фокусировкой при этом на такие понятия как отставание, запаздывание, сдвиг фаз, руководство, инициатива, обратная связь. Однако в действительности большинство исследований, проведенных на базе системно-функционального подхода, не акцентирует внимания на данных динамических категориях. Акцент делается на разработке моделей различных типов систем, а не на исследовании различных типов изменений и переходов от одной системы к другой.

Конфликтологическая парадигма

Конфликтологическая парадигма в значительной степени противостоит «равновесной», акцентируя внимание не на стабильности, порядке, а на социальных изменениях, противоречиях, конфликтах, которые, как считается, имеют повсеместный характер. Таким образом, для представителей «равновесного» и конфликтологического подходов важными представляются различные стороны социальной реальности: для первых – это инвариантность, организованность, стабильность; для вторых – динамизм, изменчивость. Сторонники конфликтологического подхода (к числу крупнейших представителей данного направления следует отнести К. Маркса, Р. Дарендорфа, Л. Козера) рассматривают конфликт в качестве важнейшего фактора социальных перемен. К позитивным последствиям конфликта можно отнести: предохранение социальных систем от окостенения, создание стимулов для изобретательской деятельности, внедрения инноваций; укрепление взаимной связи внутри противоборствующих сторон; выявление целей и стремлений конфликтующих групп; уменьшение индивидуальных отклонений и аномии в группах; усиление тенденций созидания и обновления. В качестве отрицательных влияний конфликта рассматриваются следующие: упрощение и схематизация решения в том случае, если конфликтующие стороны хотят достичь компромисс; инкриминирование конфликтующей группе отклоняющегося поведения на основании зачастую одного не репрезентативного случая; создание трудностей в деле поддержания порядка и устойчивости⁵⁹.

Конфликтологическая парадигма вносит существенный теоретический вклад в разработку проблем социальных изменений. Тем не менее, она не может претендовать на всеобъемлющее объяснение истории. За ее рамками оказывается множество важных факторов и механизмов преобразований. Сторонники конфликтологической парадигмы обыкновенно оказываются в затруднении, когда пытаются придать своему подходу теоретически самостоятельный характер, – им нередко приходится прибегать к категориям, принадлежащим другим направлениям социальной мысли (например, «функция», «система», «формация», «стадия» и т.д.). Нередко конфликтологический подход встраивается в более сложные теоретические конструкции, построенные на основе использования различных перспектив (например, историко-материалистический подход).

Итак, мы рассмотрели ряд парадигм, применяемых при изучении процесса социальных изменений. Ни одна из них не может считаться всеобъемлющей. Наряду с достижениями, каждая из указан-

ных парадигм несет груз проблем. Вряд ли современного исследователя может удовлетворить органицизм, который лежит в основе «равновесного» подхода, и в определенной степени, – эволюционного и циклического. Немногие сегодня согласятся признать, что осуществляются строго и однозначно по однолинейной или, например, циклической модели. Перестройки, преобразования общества подчиняются гораздо более сложным механизмам, направление движения общества в целом может меняться, непрерывный прогресс – скорее фикция, художественный образ, чем реальность. Уповать на естественный характер социальной динамики также представляется легкомысленно. Выбор направлений развития находится в значительной зависимости от действий людей, наделенных сознанием и волей. Проблема взаимодействия между социальными структурами (экономическими, собственно социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т.д.) и субъектами истории, наделенными волей и свободой выбора, между структурной детерминантностью и человеческими возможностями выходить за рамки установленных прошлым ограничений заслуживает дальнейшей серьезной разработки. Тем не менее, выявление накопления нового качества, сдвигов в экономической, социокультурной, институционально-политической сферах жизни, определенных этапов, которые проходит общество в своем развитии, представляется оправданным (в качестве одного из подходов познания). Картина, которая получается в результате применения данного подхода, может напоминать набор дискретных отрезков, протянутых вдоль гипотетической линии, возможно, олицетворяющей движение от точки недостаточной развитости к прогрессу (но не обязательно). Необходимо также фокусировать внимание и на комплексе достаточно медленно меняющихся параметров, характеризующих социокультурное и цивилизационное ядро социальной системы. В рамках данного подхода исследователь акцентирует внимание на инерционность истории, на континуитет между историческим прошлым и настоящим. Различные по своему существу эти подходы взаимодополняют друг друга. Действительно, весь ход человеческой истории убеждает в том, что в ней присутствует динамика, развитие, несмотря даже на возможность серьезных кризисов и реверсивных движений. При этом очевидно, что различные компоненты общественной структуры меняются (и развиваются) неравномерно, с различными скоростями, и скорость развития каждого из них оказывает определенное воздействие на прочие компоненты (в свою очередь, ускоряя или замедляя их развитие). Общество на хронологически более ранней стадии обычно по целому ряду параметров отличается от общества через

определенный промежуток времени. В то же время изменения обыкновенно не способны целиком размыть характеристики, которые приписываются конкретному обществу. Сами трансформации зачастую приводят лишь к перегруппировке, перестановке акцентов в комплексе характеризующих его корневых параметров, к трансформации взаимосвязей, существующих между ними. История — это не только точки и паузы, но и последовательная строка, что необходимо учитывать при описании любых исторических процессов и «длительностей».

Примечания

¹ См.: Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. С. 27–28.

² Мнение, что проблема социальных изменений является центральной в обществоведении, также представлено в литературе. Например, см.: «Изучение социальных изменений — основное в социологии. Возможно, вся социология концентрирует внимание на изменениях» (Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 12).

³ Заслуживает внимания мысль Антуана Про о наличии связи между историей (процессом истории) и структуризацией (кристаллизацией структурных связанностей): «Время историков предстает, таким образом, как уже структурированное, уже артикулированное время. <...> Однако период представляет и подлинно научный интерес: он указывает на то, что одновременность не является случайным совпадением, простым рядом положением, связывающим факты разного порядка. Различные элементы, составляющие период, более или менее тесно связаны между собой. Они "идут вместе". Это — *Zusammenhang* немцев. Они объясняют друг друга. Целое учитывает части». (Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 120).

⁴ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

⁵ См.: Рогов К.Е. Россия и современный мир // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 182.

⁶ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 597.

⁷ Нефедов С.А. Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества. Автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 133; Т. 36. С. 146; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 597–598.

⁹ См.: Фурастье Ж. Технический прогресс и капитализм с 1700 по 2100 год. Какое будущее ожидает человечество? Прага, 1964; Легоста-

ев В.М. Наука в рамках технократической утопии Жана Фурастье // Вопросы философии. 1974. № 12.

¹⁰ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999; Тоффлер О. Третья волна. М., 1995; также см.: Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000; Асп Э.К. Введение в социологию. СПб.: Алетейя, 2000. С. 179–193.

¹¹ Топольский Е. Рефеодализация в экономике крупных землевладельцев в Центральной и Восточной Европе. М., 1970.

¹² О роли инноваций в процессах экономического развития см., например: Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М., 1990.

¹³ Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. С. 215.

¹⁴ См.: Алексеев В.В., Нефедов С.А., Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5–6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. С. 152–183.

¹⁵ Малиа М. Краткий XX век // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000. С. 122.

¹⁶ See: Rueschemeyer D. Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons / Ed. by J.C. Loubser et al. N.Y., 1976. Vol. 2. P. 756–772; Цит. по: Волков Л.Б. Теория модернизации — пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие (Обзор англо-американской литературы) // Критический анализ буржуазных теорий модернизации. Сборник обзоров. М., 1985. С. 72–73. Необходимо признать, что Р. Бендикс уже в 1960 гг. признавал, что реальный процесс модернизации протекает как «частичный» (See: Bendix R. Tradition and modernity reconsidered // Comparative studies in society and history. Hague, 1967. Vol. 9. № 1. P. 330). Также см.: Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические модели // Дни науки УрГИ. Гуманитарное знание и образование в контексте модернизации России. Материалы научной конференции. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2001. С. 19–20.

¹⁷ См.: Розов М.А. Методологические особенности гуманитарного познания // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986. С. 33–54; Побережников И.В. Методологические проблемы исторического исследования: природа исторической реальности и масштаб рассмотрения // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 7–25.

¹⁸ Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 399.

- ¹⁹ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1991; McClelland D.C. Business Drive and National Achievement // Social Change: Sources, Patterns and Consequences / Etzioni A. and Etzioni-Halevy E. (eds.). New York: Basic Books, 1973. P. 161–174; также см.: Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998.
- ²⁰ Moore W.E. Social Change. Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, 1974. P. 34–46; Also see: Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 75–79; также см.: Штомпка П. Социология социальных изменений... С. 31–37.
- ²¹ Длинные волны: Научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие. Новосибирск, 1991. С. 15.
- ²² Анчишкин А.И. Наука, техника, экономика. М., 1986. С. 177–178.
- ²³ See: Tiryakian E. The Changing Centers of Modernity // Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt / Cohen E., Lissak M., Almagor U. (eds.). Boulder, CO: Westview Press, 1985. P. 131–147.
- ²⁴ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. 1: От прошлого к будущему.
- ²⁵ См.: Длинные волны... С. 106–108.
- ²⁶ См.: Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 567–568.
- ²⁷ См.: Там же. С. 611.
- ²⁸ Гидденс Э. Социология. С. 673. В другом месте автор пишет: «Для определения значимости перемен необходимо установить, насколько изменилась глубинная структура данного объекта или ситуации в течение некоторого периода времени. Если говорить о человеческом обществе, то, чтобы решить, в какой степени и каким образом система подвержена процессу изменений, необходимо определить степень модификации основных институтов в течение определенного периода. Любой учет изменений также предполагает выделение того, что остается стабильным, так как это является основанием, на фоне которого определяются изменения». (Там же. С. 591.)
- ²⁹ Асп Э.К. Введение в социологию. С. 114, 172.
- ³⁰ See: Vago S. Social Change. P. 7–9.
- ³¹ See: Ibid. P. 4–6, 9–10.
- ³² Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 104.
- ³³ See: Dahl R. Pluralist Democracy in the United States: Conflict and Consent. Chicago: Rand McNally, 1967.
- ³⁴ См.: Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993. С. 81.
- ³⁵ См.: Там же. М., 1993. С. 20.
- ³⁶ См.: Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума // Философия истории. Антология. М.: Аспект-Пресс, 1994. С. 38–48.

- ³⁷ Философия истории / Под ред. проф. А.С. Панарина. М., 1999. С. 364.
- ³⁸ См.: Сен-Симон К.А. Собрание сочинений. М.; Л., 1923; Он же. Избранные сочинения. М.; Л., 1948. Т. 1–2.
- ³⁹ См.: Конт О. Основные законы социальной динамики, или общая теория естественного процесса человечества // Философия истории. Антология. С. 116–130; также см.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 86–147.
- ⁴⁰ См.: Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996. С. 28–38.
- ⁴¹ Toennies F. Community and Society: Gemeinschaft und Gesellschaft. East Lansing: Michigan State University Press, 1957; Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. С. 81–84; Скирбекк Г., Гилье Н. История философии. М., 2000. С. 650–654.
- ⁴² См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; также см.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. С. 315–401; Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992. С. 37–41.
- ⁴³ Морган Л.Г. Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934; Он же. Лига ходеносауни, или ирокезов. М., 1983.
- ⁴⁴ Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; Rostow W.W. The Takeoff into Self-Sustained Growth // Social Change. Sources, Patterns, and Consequences. P. 285–300.
- ⁴⁵ Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 13.
- ⁴⁶ См.: Там же. С. 7.
- ⁴⁷ См.: Карнейро Р.Л. Культурный процесс // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1: Интерпретации культуры. С. 421–438; Carneiro R.L. The Four Faces of Evolution // Handbook of Social and Cultural anthropology / Ed. by J.J. Honigman. Chicago: University of Chicago Press, 1973. P. 89–110.
- ⁴⁸ См.: Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути... С. 45–49.
- ⁴⁹ См.: Уайт Л.А. Концепция эволюции в культурной антропологии // Антология исследований культуры. С. 558.
- ⁵⁰ См.: Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма... С. 11–15; Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции... С. 49–61; Steward J.H. Evolution and Progress // Anthropology Today / Ed. by A.L. Kroeber. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 313–326; Idem. Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana: University of Illinois Press, 1955; Уайт Л.А. Концепция эволюции в культурной антропологии // Антология исследований культуры. С. 536–558; Он же. История, эволю-

ционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры // Там же. С. 559–590.

⁵¹ Классен Х. Дж. М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма... С. 7–8.

⁵² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; Beck U. Risikogesellschaft. Frankfurt, 1986.

⁵³ Например, см.: Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997; Dube S. C. Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms. Tokyo; London, 1988.

⁵⁴ Необходимо признать, что циклическая парадигма имеет длинную традицию. Циклические представления разделяли многие философы и историки древности, Средних веков, Нового времени (Гераклит, Аристотель, Полибий, Сыма Цянь, Ибн Хальдун, Н. Макиавелли, Дж. Вико, Н. Я. Данилевский и др.).

⁵⁵ «Культуры, – по мнению О. Шпенглера, – это организмы, а мировая история есть их коллективная биография».

⁵⁶ Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 748.

⁵⁷ Сорокин П. Социальная и культурная динамика... С. 779, 781; В целом о циклической парадигме см.: Сорокин П. О концепциях основоположников цивилизационных теорий // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1999. С. 38–47; Он же. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Там же. С. 47–54; Он же. Социальная и культурная динамика...; Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993; Он же. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. М., 1998. Т. 1–2; Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1996; Он же. Постигание истории. М., 1991; Кребер А. Л. Стиль и цивилизации // Антология исследований культуры. С. 225–270; Он же. Конфигурации развития культур // Там же. С. 465–496; также см.: Штомпка П. Социология социальных изменений... С. 186–201; Философия истории / Под ред. проф. А. С. Панарина. М., 1999. С. 340–361; Мелко М. Природа цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 306–327; Уэскотт Р. Исчисление цивилизаций // Там же. С. 328–344; Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Там же. С. 345–354.

⁵⁸ См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000; Он же. О социальных системах. М., 2002.

⁵⁹ См.: Асп Э. К. Введение в социологию. С. 147–150.

2. МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Модернизационное направление является междисциплинарной попыткой освещения проблем развития. Каждая дисциплина вносила свой вклад в определение ключевых проблем модернизационного перехода. Социологи фокусировали внимание на изменениях типовых переменных и структурной дифференциации, «социальных реквизиатах» демократического поведения; экономисты изучали технологическую, инвестиционную, внешнеэкономическую, распределительную политику, подчеркивали значимость увеличения производственных инвестиций для достижения самоподдерживающегося экономического роста; политологи рассматривали роль партий, элит, групповых интересов в процессе политической мобилизации, придавали большее значение росту возможностей политических систем, существенное внимание уделяли влиянию традиций, ценностных установок, традиционных лояльностей, национальных символов на стремление поддерживать демократические институты. Дифференциация подходов среди сторонников модернизационной перспективы настолько велика, что некоторых из них иногда выделяют в самостоятельные теоретические направления, в частности школу *девелопментализма*, школу *политического развития*, школу *«национального строительства»*¹. Итак, в модернизационной школе в рамках различных подходов, как теоретико-методологических, так и дисциплинарных, исследователи по-разному ставили вопросы, акцентировали внимание на различных аспектах перехода от традиционного к современному обществу². Это не могло не отразиться на концептуализации самого понятия – *модернизация*.

В своей работе «Динамика модернизации», впервые изданной в 1966 г., С. Блэк писал: «Современная литература по проблемам модернизации... еще находится в процессе определения своего предмета и установления фундаментальных различий между универсальными характеристиками современности и специфическими институтами конкретных обществ и культур. Целью этого относительного нового подхода является междисциплинарное изучение человечества посредством описания и объяснения во всей их сложности процессов изменения, которым сегодня приписывается мировое значение»³.

Данное утверждение в известном смысле справедливо по сей день. Несмотря на то что большинство исследователей видит за понятием «модернизация» процесс трансформации традиционного общества в общество, характеризующееся применением машинной технологии, рациональными и секулярными жизненными установками, а также высоким уровнем дифференциации социальной струк-

туры, существует множество нюансов в понимании содержания и масштабов самого этого процесса. Специалисты вынуждены признавать, что понятие модернизация не слишком четкое, допускает определенные двусмысленности в толковании его содержания, но, тем не менее, оно более удобно в использовании по сравнению с прочими терминами.

Можно привести несколько различных определений понятия модернизация. Так, Рейнхард Бендикс понимал под модернизацией «тип социальных перемен, имеющий корни в английской индустриальной и политической французской революциях. Он заключается в экономическом и политическом прогрессе отдельных обществ-первопроходцев и последующих перемен у отстающих»⁴.

«Модернизация, — считает известный специалист в области проблем развития Сирил Блэк, — может быть определена как процесс, посредством которого исторически эволюционировавшие институты адаптируются к быстро меняющимся функциям, что отражает беспрецедентное расширение человеческих знаний, позволяющее осуществлять контроль над своим окружением, которое сопровождало научную революцию. Этот процесс адаптации имел свои корни и первоначальное влияние в обществах Западной Европы, но в XIX–XX вв. данные изменения распространились на другие общества и результировались в мировой трансформации, затронувшей все человеческие отношения»⁵.

В работе 1966 г. Шмоэль Эйзенштадт определил модернизацию как «процесс изменения в направлении тех типов социальных, экономических и политических систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX век и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX веках — на южноамериканский, азиатский и африканский континенты»⁶.

По мнению Роберта Уорда, «модернизация... опирается на “систематическое”, непрерывное и целевое применение человеческой энергии для “рационального” контроля над природным и социальным окружением человека»⁷. В работе Р. Уорда и Р. Макридиса модернизированное общество характеризуется далеко идущими возможностями контролировать (или влиять на) природное и социальное окружение, а также ценностной системой, принципиально оптимистичной относительно желаний и последствий таких возможностей⁸. Модернизация влечет «стремительное расширение контроля над природной средой благодаря более тесной кооперации между людьми», — отмечает Дэнкварт Растоу⁹.

«Модернизация влечет за собой диффузию того, что один эксперт определил как “мировая культура” — основанная на передовой

технологии и духе научности, на рациональном взгляде на жизнь, светском подходе к социальным отношениям, чувстве справедливости в общественных делах и, кроме всего прочего, признании в качестве главной единицы в политической реальности национального государства», — пишет Люциан Пай¹⁰. Модернизированному обществу присуща культура, подчеркивающая ценности науки, знания и достижения, считают Рой Макридис и Бернард Браун¹¹.

По мнению Марион Леви, общество является «более или менее модернизированным в зависимости от того, как широко его члены используют неодушевленные источники энергии и / или применяют машины, чтобы умножить эффект собственных усилий»¹².

Фрэнк Тэчау пишет, что модернизация невообразима без технологического развития и экономического роста¹³. Подобное мнение разделяет Питер Бергер, полагающий, что модернизация включает рост и диффузию институтов, связанных с трансформацией экономики посредством технологий¹⁴.

Роль индустриализации в ходе модернизации подчеркивает Дэвид Эптер, связывающий ее осуществление с распространением и использованием ролей индустриального типа в неиндустриальном окружении¹⁵. В своей монографии «Политика модернизации» Д. Эптер вновь обращается к вопросу о значении индустриализации в процессе модернизации. Индустриализация, отмечает автор, меняет дисфункциональные институты и обычаи, создавая новые роли и социальные институты на основе использования машин. По его мнению, индустриализация, мощный аспект модернизации, более динамична и последовательна в своем осуществлении по сравнению с модернизацией¹⁶.

Рейнхард Бендикс также тесно увязывал процессы модернизации и индустриализации. Если термин — *индустриализация* — он использовал для объяснения экономических сдвигов, вызванных новыми технологиями, основанными на использовании неодушевленных источников энергии, и непрерывным совершенствованием прикладных научных исследований, то посредством термина *модернизация* он считал возможным объяснять широкий спектр социальных и политических изменений, сопровождавших индустриализацию в большинстве стран Западной цивилизации¹⁷.

«Модернизация, — пишет Стивен Ваго, — это процесс, посредством которого аграрные общества трансформируются в индустриальные. Данный переход влечет развитие передовой индустриальной технологии и политических, культурных, социальных механизмов, адекватных задачам поддержания, руководства и использования данной технологии»¹⁸.

Согласно Даниэлю Лернеру, модернизация – это своего рода ментальный сдвиг, достижение особого состояния рассудка, которое характеризуется верой в прогресс, склонностью к экономическому росту, готовностью адаптироваться к изменениям. Анализируя на эмпирическом материале модернизацию стилей жизни, Д. Лернер наибольшее внимание уделял росту мобильности населения, распространению грамотности и средств массовой информации¹⁹. Джеймс О'Коннел также видит сущность модернизации в трансформации ментальных установок. Комбинируя концепты инновации и порядка, он определяет модернизацию как утверждение *креативной рациональности*. Последняя предполагает наличие трех взаимосвязанных и взаимодействующих измерений: 1) твердая убежденность в существовании зависимостей и причин, которые поддерживают непрерывный, систематичный, изобретательный научный поиск; аналитико-каузальная установка на творческий поиск, расширение круга знаний; 2) мультипликация инструментов и технологий, вызываемая первым аспектом и одновременно поощряющая его; 3) готовность принимать непрерывные изменения на индивидуальном и социальном уровнях при одновременном сохранении (способности сохранять) индивидуальной и социальной идентичности²⁰.

Культурологический подход при концептуализации понятия модернизация применил шведский социолог Геран Терборн. По его мнению, *modernity* может быть понята как эпоха, повернутая в будущее, которое представляется как нечто отличное и лучшее по сравнению с современностью и прошлым. Контраст между прошлым и будущим управляет «семантикой времени» *modernity*, создает его «бинарный код». Согласно Г. Терборну, эпоха *modernity* завершается, как только люди прекращают локализовать поведение или формы жизнедеятельности на оси традиция – современность, неразвитость – развитость, когда различие между прошлым и будущим теряет свою актуальность в дискурсе по поводу общества и культуры. Конец эпохи *modernity* знаменуется девальвацией таких понятий как прогресс, развитие, эмансипация, рост, просвещение и т.д.²¹

Известный специалист по проблемам развития Ш. Эйзенштадт считает возможным говорить о *modernity* как о специфической цивилизации или новом типе цивилизации. Он пишет, что новая цивилизация, которая сформировалась в Европе, позже распространялась по всему миру, порождая совокупность международных систем, каждая из которых базировалась на некоторых общих принципах данной цивилизации и в то же время стимулировала тенденции к перманентным изменениям внутри себя. В процессе трансляции цивилизации *modernity* обнаружила себя тенденция к формированию всеобщих,

мировых институциональных и символических рамок, что вообще было явлением новым и уникальным в истории человечества.

При этом Эйзенштадт подчеркивает, что факт существенного институционального разнообразия современных и модернизирующихся обществ, причем не только переходных, но и высоко развитых, становится все более очевидным. В процессе модернизации нарастает разнообразие современных и модернизирующихся обществ, которые обладают множеством общих характеристик, но в то же время обнаруживают заметные различия между собой. Эти различия являются следствием выборочной инкорпорации, перегруппировки и трансформации основных символических и институциональных конструкций как собственно «западной», так и местных цивилизаций. Это особенно заметно при рассмотрении процесса модернизации за пределами Западной Европы. В данный процесс было вовлечено множество обществ и цивилизаций, которым были чужды многие базовые символические посылки и институциональные структуры новой цивилизации. Кроме того, модернизация оказывала разрушительное воздействие на местные символические системы и институциональные контуры этих сообществ, предоставляя новые возможности и право выбора различным социальным группам в них, а также порождая далеко идущие процессы изменений и реакций на них, взаимодействия между разными силами и кристаллизации нового символического и институционального устройства²².

Широко понимает модернизацию Вольфганг Цапф, рассматривающий ее в трехмерном плане: 1) как протяженный процесс, начатый индустриальной революцией, в ходе которой больших успехов в развитии достигла небольшая группа сегодня модернизированных обществ; 2) как многовариантный процесс, в ходе которого отстающие догоняют ушедших вперед; 3) как реакции модернизированных обществ на новые вызовы на пути инноваций и реформ²³.

Перечисленные определения, перечень которых далеко не исчерпывающий, отражают содержание процесса модернизации с разной полнотой, высвечивая порой отдельные, пускай весьма значимые, его измерения. С известной долей условности данные определения можно разделить на *универсальные* (чувствительные к изменениям в различных сферах общества) и *специализированные* (акцентирующие внимание на отдельных измерениях процесса). Далее, можно выделить определения *исторические* (описание процессов, посредством которых осуществляется модернизация: трансформации, революции и т.д.; например, Р. Бендикс, С. Блэк, Ш. Эйзенштадт, В. Цапф), *дихотомические* (модернизация как переход от одного состояния общества, традиционного, к другому – индустри-

альному или современному; например, *С. Ваго*), *инструментально-технологические* (модернизация как трансформация инструментов и способов освоения и контроля над окружающей средой, технологический прогресс, индустриализация; например, *М. Леви, Р. Уорд, Р. Макридис, Д. Растоу, Л. Пай, Д. Эптер, Р. Бендикс*), *ментальные* (модернизация как ментальная трансформация; например, *Д. Лернер*), *культурологические* (модернизация как особая социокультурная ориентация; например, *Г. Терборн*), *цивилизационные* (модернизация как распространение особой цивилизации *modernity*; например, *С. Эйзенштадт*). Как нам представляется, все разновидности определений научно оправданы. При этом исторические, дихотомические и цивилизационные определения претендуют на универсализм, инструментально-технологические, ментальные, культурологические определения более специализированы. Историческим понятиям в большей степени присуща описательность. Применение дихотомических и цивилизационных концептов, несмотря на их познавательную глубину и эффективность, вызывает некоторые сомнения с теоретической точки зрения. Дело в том, что противоположность традиционности и современности в процессе модернизации не настолько очевидна, как это может казаться. Традиционные институты и ценности вполне могут адаптироваться к современности; предпосылки же современности зарождаются в традиционных контекстах²⁴. Определение *modernity* в качестве специфической цивилизации также не безупречно, особенно в свете признания мультилинейности процесса модернизации, допущения возможности появления (открытия) новых центров *modernity* и даже трансформации самих моделей модернизации. Специализированные определения также открыты для критики вследствие присущей им тематической ограниченности.

Содержание процесса модернизации, определяемое разными понятиями, не всегда совпадает. Это можно проиллюстрировать небольшим примером. Если для *С. Блэка* (*историческое* определение) модернизация начинается примерно с 1500 г. (время падения Константинополя, открытия Америки и т.д.), то *Г. Терборн* (*культурологическое* определение) видит восход эпохи *modernity* приблизительно во второй половине XVIII в.; Ренессанс и Реформация для него — еще предмодернизация, поскольку представители указанных эпох искали образцы для подражания не в будущем, а в золотом прошлом.

Итак, модернизация, по мнению большинства исследователей, подразумевает рациональный контроль над природным и социальным окружением человека, тесную интеграцию в мировую культуру,

осуществление научной революции, распространение рационального взгляда на жизнь, строительство либерально-демократического государства. Модернизация связывается с использованием неодоушевленных источников энергии, индустриализацией, расширением прикладных научных исследований, распространением индустриальных ролей

В общем модернизацию можно охарактеризовать как процесс, посредством которого традиционные, аграрные общества трансформируются в современные, индустриальные. Данный переход приводит к появлению и развитию передовых индустриальных технологий, а также соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих указанные технологии поддерживать, использовать и управлять ими. Модернизационный переход редко протекает спокойно и равномерно; он оказывает воздействие на все социальные институты, всех членов общества. Термин *модернизация* таким образом должен описывать множество одновременных изменений на различных уровнях. Модернизация сопровождается расширяющейся дифференциацией экономической, организационной, политической и культурной сфер. Модернизация тесно связана с процессом индустриализации; тем не менее, их нельзя отождествлять.

Дело в том, что *индустриализация* (процесс замены ручного труда технологиями, основанными на неживых источниках энергии) действительно способствовала модернизации (и в известном смысле выступала как фактор модернизации) в Западной Европе XVIII–XIX вв. Однако индустриализация не всегда являлась и является решающим фактором и предпосылкой модернизации. Так, во многих государствах Африки и Азии модернизация начиналась как процесс «строительства нации» (*nation building*) и развития современных политических систем, трансформации социальных структур и распространении новых норм и ценностей посредством образования и развития средств коммуникации. Индустриализация могла следовать за этими процессами.

Модернизация: признаки и критерии

В рамках модернизационного подхода существенное внимание уделялось разработке системы признаков и критериев, позволяющих определять степень продвижения общества по пути модернизации, а также отличать модернизированные общества от немодернизированных или модернизирующихся. Среди обществоведов до сих пор пользуется популярностью описание атрибутов современного (*modern*)

общества, предложенное в свое время М. Вебером: 1) Модернизация предполагает развитие индустриального производства; 2) Эволюция рациональных форм власти и управления, формирование рациональной бюрократии; 3) Развитие гражданского общества, наличие мощных институтов (средства массовой информации), способных критиковать и контролировать политические и законодательные институты; 4) Расширяющаяся автономия индивидуума вследствие разрушения традиционных связей (религиозных, семейных, местных). Однако данная система критериев разрабатывалась лишь применительно к западному варианту модернизации и западной версии модернизированного общества рубежа XIX–XX вв. Последующая модернизация обнаружила такое разнообразие форм развития, которое не укладывалось в данную критериальную схему. В частности, советский опыт модернизации лишь в незначительной степени отвечал критериям, сформулированным М. Вебером. Форсированная индустриализация в СССР несомненно создала индустриальный способ производства. Структура занятости населения в Советском Союзе после 1950-х годов также соответствовала стандартам модернизированного общества. Однако применение второго критерия уже вызывало проблемы. Конечно, советский государственный аппарат был бюрократическим в повседневном смысле этого понятия. Но при этом исследователи отмечают присущие ему черты, существенно удалявшие его от веберовского идеального типа бюрократии: произвольное, деспотическое непостоянство процедур принятия и реализации управленческих решений; «непрозрачность» (нетранспарентность) деятельности публичных институтов и чиновников; в значительной степени «частный» и местнический характер политической и административной власти; коррумпированность власти, формирование патрон-клиентских отношений, «патримониальность» политического режима. Не приходится говорить о развитом гражданском обществе и об автономии индивида в СССР (третий и четвертый критерии)²⁵.

При разработке проблем модернизации осуществлялись попытки идентификации отличительных черт *традиционного* и *современного* обществ. Собственно, параметры того и другого и выступают критериями модернизационного процесса. Общество, обладающее характеристиками современного, рассматривается как модернизированное. Соответственно, традиционное общество такими параметрами обладать не должно. Существенное различие между современными и традиционными обществами заключается, как считает большинство теоретиков модернизационной парадигмы, в большем контроле современного человека над своим природным и социальным окру-

жением. В свою очередь, этот контроль основывается на более широком внедрении в практику научных и технологических знаний.

В работе 1955 г. Ф. Саттон суммировал параметры «агркультурного» и «индустриального» обществ. Первое, по его мнению, характеризуется: 1) доминированием аскриптивных (предписанных, а не усвоенных благодаря своим личным качествам, способностям), партикуляристских, диффузных моделей поведения; 2) стабильностью местных групп и ограниченной пространственной мобильностью; 3) относительно простой и стабильной «профессиональной» дифференциацией; 4) «почтительная» система стратификации. «Индустриальному» обществу, как считает Ф. Саттон, присущи: 1) доминирование универсалистских, специализированных, достижительских норм; 2) высокая степень социальной мобильности; 3) высоко развитая профессиональная структура, изолированная от прочих социальных структур; 4) «эгалитаристская» классовая система, основанная на общих моделях профессионального достижения; 5) превалирование «ассоциаций», функционально специализированных, неаскриптивных структур²⁶.

М. Леви была продолжена работа по идентификации параметров традиционного (относительно немодернизированного) и современного (относительно модернизированного) обществ. Сравнив те и другие, автор пришел к выводу о том, что они существенно различаются по ряду признаков. Традиционному обществу присущи 1) низкая специализация организации, компартиментализация (изоляция; замкнутость; от купе, отделение) жизни; 2) низкая взаимозависимость организаций (высокий уровень самообеспеченности, самодостаточности); 3) акцент в сфере социальных отношений и культурных норм на традицию, партикуляризм, функциональную диффузность; 4) низкая степень централизации; 5) неразвитость денежного обмена и рынка; 6) превалирование семейных связей, норм; nepoтизм (кумовство, семейственность, протекция родственникам) как ценность; 7) односторонний поток продуктов и услуг из сельской местности в города. К характеристикам относительно модернизированного общества, соответственно, можно отнести: 1) высокую специализацию организации; 2) высокую взаимозависимость организаций; 3) рационализм, универсализм, функциональную специализацию как ведущие социокультурные нормы; 4) высокую степень централизации; 5) высокую степень развития денежного обмена и рынка; 6) изолирование, отделение бюрократии от прочих контактов; 7) обоюдный поток товаров и услуг между городом и деревней²⁷.

Общими различиями между традиционными и современными обществами объясняются и отличия между традиционной и совре-

менной политической деятельностью. Согласно Р. Уорду и Д. Рас-тоу, современная политическая деятельность характеризуется следующими чертами, отсутствующими в традиционном мире: 1) высоко дифференцированная и функционально специализированная система управленческой организации; 2) высокая степень интеграции внутри управленческой структуры; 3) превалирование рациональных и светских процедур принятия политических решений; 4) большой объем, широкий диапазон, высокая эффективность политических и административных решений; 5) широко распространенное в массах и сильное ощущение своего тождества с историей, территорией и национально-государственным идентитетом; 6) широкое распространение заинтересованности и вовлеченности народонаселения в политическую систему, правда, не обязательно с участием в процессе принятия решений; 7) распределение политических ролей в соответствии скорее с принципом достижения, нежели аскрипции (т.е. врожденного статуса); 8) судебские и регуляторные технологии основываются преимущественно на светской и имперсональной системе закона²⁸.

Фактически все крупные теоретики, работающие в русле модернизационной перспективы, разделяют представление, согласно которому различия в степени контроля человека над своим окружением отражают дифференциацию фундаментальных установок человека и его ожиданий относительно окружающей среды. Идентификация различий между «традиционным» и «современным» человеком позволяет дифференцировать «традиционные» и «современные» общества. Считается, что представитель традиционного мира пассивен и уступчив. Он полагает, что природа и общество составляют неделимую целостность, и не верит в возможность изменить их или контролировать то или другое. Современный человек, напротив, верит в возможность и желательность изменений. Он убежден в том, что человек может контролировать изменения ради достижения собственных целей.

Ряд работ по проблеме «современный человек» подготовил А. Инкелес; пытавшийся выявить влияние модернизации на индивидуальные установки, ценности и образ жизни. Проведя исследования в Аргентине, Чили, Индии, Израиле, Нигерии, Пакистане, А. Инкелес обнаружил инвариантную модель «современного человека», независимую от государственных границ. К характерным чертам современного человека, по мнению Инкелеса, можно отнести: 1) открытость по отношению к экспериментированию; современный человек готов заниматься новыми видами деятельности или изобретать новые технологии производства; 2) расширение независимости от

авторитетов; современный человек не контролируется родителями, племенными вождями или государями; 3) вера в науку; современный человек верит, что люди могут завоевать (овладеть) природу; 4) ориентация на мобильность; современный человек очень амбициозен, он стремится подниматься по профессиональной лестнице; 5) использование долгосрочного планирования; современный человек всегда планирует свою жизнь намного вперед и знает, что он должен завершить в следующие пять лет и т.д.; 6) активность в сфере публичной политической жизни; современный человек по своей воле выбирает ассоциации и принимает участие в жизни местного сообщества²⁹.

Удачную попытку синтезировать систему характеристик модернизации на основе обобщения опыта других исследователей — М. Вейнера, Д. Эптера, Д. Лернера, С. Блэка, А. Инкелеса, Р. Бендикса, М. Леви, Н. Смелзера, Ш. Эйзенштадта, Дж. Неттла и др. — предпринял А. Десаи. Справедливо полагая, что модернизацию как процесс невозможно ограничить какой-либо одной областью социальной реальности, А. Десаи попытался обнаружить ее признаки во всех базовых аспектах социальной жизни.

Ссылаясь на С. Блэка, Десаи связывает процесс модернизации в *интеллектуальной сфере* с осознанием «возможности поиска рационального объяснения природных и социальных феноменов». Данный подход (*рациональный*), расшифровывает ученый, предполагает, что физические, социальные и психологические феномены подчиняются определенным законам, обладают регулярной, однообразной природой, причинно обусловлены и поэтому могут объясняться, изменяться и управляться человеком. Именно рациональная установка, по мнению Десаи, является ядром модернизации. С развитием рационального подхода логично связано развитие светского, в противоположность сакральному, взгляда на жизнь. Вследствие становления рациональных и секулярных установок утверждается представление о том, что все человеческие проблемы должны и могут решаться именно человеком, а не трансцендентными силами; на смену традиционализму приходит ориентация на перемену, на будущее.

Опираясь на Ш. Эйзенштадта, Десаи выделяет в качестве особенностей модернизации в *социодемографической сфере* социальную мобилизацию и социально-структурные сдвиги. При этом под социальной мобилизацией понимается «процесс, в ходе которого значительные кластеры старых социальных, экономических и психологических обязательств подвергаются эрозии и разрушению, и появляются новые модели социализации и поведения». Социально-структурные сдвиги включают: «высокую дифференциацию и спе-

циализацию применительно к деятельности индивида и институциональным структурам»; «разделение ролей, выполняемых индивидами, особенно профессиональных и политических ролей, а также ролей в области семейных и родственных отношений»; рекрутирование на различные роли посредством механизмов достижения, а не аскрипции.

Модернизация характеризуется четырьмя главными особенностями *в сфере политических отношений*, которые Десаи выделяет также вслед за Ш. Эйзенштадтом: 1) легитимность верховной власти в государстве обеспечивается не сверхъестественными, а мирскими санкциями, а также ответственностью власти перед гражданами; 2) непрерывная диффузия «политической власти по направлению к более широким массам населения – вплоть до каждого взрослого человека; их включение в консенсусный моральный порядок»; 3) рост территориального масштаба вследствие интенсификации реализации властных полномочий центральными, законодательными, исполнительными, политическими институтами; 4) правители в современных обществах, какова бы ни была их природа – тоталитарная, бюрократическая, олигархическая или демократическая, «признают уместность своих подданных в качестве целей, поддержки и легитиматоров политики».

В *экономической области* модернизация, по мнению Десаи–Эйзенштадта, сопровождается: 1) заменой силы человека или животного неодушевленными источниками энергии, такими как пар, электричество или атомная энергия, которые используются в производстве, распределении, транспорте и коммуникации; 2) отделение экономической деятельности от традиционалистского окружения; 3) расширяющаяся замена орудий труда машинами и сложными технологиями; 4) рост в количественном и качественном отношении вторичного (промышленность и торговля) и третичного (обслуживание) секторов экономики при одновременном сокращении первичного (добыча); 5) растущая специализация экономических ролей и кластеров экономической деятельности – производства, потребления и распределения; 6) обеспечение самоподдерживающегося роста в экономике; по меньшей мере, обеспечение роста, достаточного для одновременного регулярного расширения производства и потребления; 7) растущая индустриализация.

Экологическая сфера, по мнению А. Десаи, характеризуется урбанизацией.

Применительно *к сфере культуры* Десаи выделяет, опираясь на работы Эйзенштадта, Неттла, Блэка, следующие особенности модернизации: 1) дифференциация главных элементов культурных

систем; распространение грамотности и светского образования; создание сложной, интеллектуальной и институционализированной системы для подготовки к осуществлению специализированных ролей; 2) становление новой культурологической парадигмы, акцентирующей внимание на прогресс, усовершенствование, эффективность, счастье и естественное выражение своих возможностей и чувств, на развитие индивидуализма как особую ценность; 3) появление новых индивидуальных ориентаций, привычек, характеристик, обнаруживающих себя в большей возможности приспособляться к расширяющимся социальным горизонтам; расширение сфер интересов; растущая вера в науку и технологию; сознание того, что вознаграждение должно соответствовать вкладу индивидуума, а не каким-либо другим его особенностям; 4) возможность развивать гибкую институциональную структуру, способную приспособляться к постоянно меняющимся проблемам и потребностям³⁰.

Итак, усилиями сторонников модернизационной перспективы создана комплексная, всеобъемлющая, достаточно детальная система признаков и критериев, позволяющая идентифицировать ступени прохождения обществами модернизационного континуума. Необходимо при этом признать, что разработка данной системы наиболее активно осуществлялась в рамках классических модернизационных штудий. Между тем модернизационная парадигма, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма в 1950–1960 гг., прошла длительный путь развития, в ходе которого она подвергалась значительному усовершенствованию. Модернизационная перспектива – пример теории, которая развивалась в постоянном взаимодействии с реальными процессами развития, вносящими коррективы в ее содержание. Пересматривались как методология исследования, так и теоретические основы данного научного направления, что, в конце концов, способствовало превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схемами (можно, в частности, отметить кардинальную переоценку значения религиозного фактора в процессе модернизации); 2) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 4) инкорпорацию в

теоретическую модель фактора исторической случайности; 5) признание циклической природы процесса модернизации³¹. Усвоение указанных теоретических новаций требует определенной переделки системы критериев модернизации, устраняющей заложенный в ней дихотомизм и телеологизм.

Примечания

¹ See: Rush M. *Politics and Society: An Introduction to Political Sociology*. New York; London: Prentice Hall, 1992. P. 220–226; Dube S.C. *Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms*. Tokio: The United Nations University; London; Atlantic Highlands (New Jersey): Zed Books Ltd, 1988.

² См.: Побережников И.В. Модернизационная перспектива: теоретико-методологические и дисциплинарные подходы // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 16–25.

³ Black C. *The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 186–187.

⁴ Цит. по: Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // СОЦИС. 1998. № 8. С. 15.

⁵ Black C. *The Dynamics of Modernization...* P. 7.

⁶ Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. P. 1.

⁷ Cited in: Welch C.E. *Political Modernization: A Reader in Comparative Political Change*. Belmont, CA: Wadsworth, 1971. P. 4.

⁸ Ward R.W., Macridis R.C. *Modern Political Systems: Asia*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1963. P. 445 // Luke T.W. *Social Theory and Modernity: critique, dissent, and revolution*. Newbury Park; London: Sage Publications, 1990. P. 233–234.

⁹ Rustow D.A. *A World of Nations*. Washington, 1967. P. 3.

¹⁰ Pye L.W. *Aspects of Political Development*. Boston: Little, Brown, 1965. P. 8.

¹¹ Macridis R.C., Brown B.E. *Comparative Politics: Notes and Readings*. Homewood, IL: Dorsey, 1972. P. 428.

¹² Levy M. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966. P. 11.

¹³ Tachau F. *The Developing Nations: What Path to Modernization?* New York: Dodd, Mead, 1972. P. 9; Cit. in: Luke T.W. *Social Theory and Modernity...* P. 233–234.

¹⁴ Berger P.L. et al. *The Homeless Mind: Modernization and Consciousness*. New York: Random House, 1973. P. 9.

¹⁵ Apter D.E. *Political Systems and Developmental Change // Comparative Politics: A Reader / Ed. by H.Eckstein and D.E.Apter*. Glencoe, IL: Free Press, 1963. P. 157.

¹⁶ Apter D. *The Politics of Modernization*. Chicago, London, 1965. P. 68.

¹⁷ Bendix R. *Nation-Building and Citizenship*. Garden City, NY: Anchor, 1964. P. 6–7.

¹⁸ Vago S. *Social Change*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 129.

¹⁹ Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York, London, 1965. P. VIII.

²⁰ O'Connell J. *The Concept of Modernization // Comparative Modernization: A Reader / Ed. by C.E.Black*. New York, London, 1976. P. 13–24.

²¹ Therborn G. *European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945–2000*. London; New Delhi: Sage Publications, 1995. P. 4–5.

²² Eisenstadt S.N. Introduction: Historical Traditions, Modernization and Development // *Patterns of Modernity. Vol. I: The West / Ed. by S.N. Eisenstadt*. London, 1987. P. 1–11. Подробнее см.: Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С. 21–24.

²³ Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // СОЦИС. 1998. № 8. С. 14.

²⁴ См.: Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизация и традиция... С. 8–32.

²⁵ Piirainen T. *Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures and Everyday Life*. University of Helsinki, 1997. P. 16–18.

²⁶ Sutton F.X. *Social Theory and Comparative Politics // Comparative Politics: A Reader / Ed. by H.Eckstein and D.Apter*. New York, 1963. P. 67.

²⁷ Levy M.J. *Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization // Moore W. and Cook R.M. (eds.) Readings on Social Change*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. 196–201.

²⁸ Rustow D.A., Ward R.E. (eds.). *Political Modernization in Japan and Turkey*. Princeton, 1964. P. 6–7.

²⁹ Inkeles A. *Making Men Modern: On the Causes and Consequences of Individual Change in Six Developing Countries // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. New York: Basic Books, 1973. P. 342–361.

³⁰ Desai A.R. *Need for Reevaluation of the Concept // Comparative Modernization: A Reader / Ed. by C.E. Black*. N.; L., 1976. P. 89–103; See: Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change...* P. 2–5.

³¹ See: Vago S. *Social Change...*; Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 1995.

3. МОДЕРНИЗАЦИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ

Под модернизацией в общем понимается процесс, в результате которого аграрные, традиционные общества преобразуются в индустриальные, современные. Считается, что данный переход влечет за собой развитие передовой индустриальной технологии и политических, культурных, и социальных механизмов, соответствующих поддержке, регулированию и использованию этой технологии. Модернизационный переход, как принято считать, оказывает воздействие на каждый социальный институт, каждую группу населения, ощущается всеми слоями общества. Модернизация характеризуется как всесторонний процесс, который включает множество одновременных изменений на различных уровнях общественного организма. Для отставших в своем развитии обществ модернизация по существу приобретает формы имитации и трансплантации образцов, товаров и технологий из более развитых стран. Таким образом, коммуникация и контакт между различными культурами и обществами становятся важными предпосылками модернизации. В качестве генераторов модернизации нередко выступают лидеры развивающихся стран, которые выдвигают планы и проводят соответствующую политику, направленную на трансформацию общества в сторону современных развитых стран. Хотя в Европе XVIII–XIX вв. именно индустриализация порождала модернизацию, в современных условиях индустриализация не всегда выступает в качестве решающего фактора модернизации. Например, во многих африканских и азиатских странах процессы модернизации начинались с «формирования» наций и развития современных политических систем. Целью преобразований в подобных случаях выступали «осовременивание» социальной структуры и распространение новых норм и ценностей через систему образования; развитие же промышленности могло следовать за указанными процессами¹.

Некоторые теоретики описывают модернизацию в терминах расширения человеческих знаний и возможностей людей осуществлять контроль над окружающей средой. Так, С.Е. Блэк утверждает, что современные общества характеризуются ростом новых знаний, что, в свою очередь, подразумевает существование индивидуума с расширяющимися способностями понимать секреты природы и применять новое знание в прикладных целях. Р.Н. Беллах рассматривает модернизацию как способность «изучать, чтобы учиться»; он связывает процесс модернизации с расширением способности социальной системы обрабатывать информацию и уметь адекватно ей действовать².

Модернизационная парадигма (теория, или точнее – теории, модернизации) была сформулирована в середине XX столетия в условиях распада европейских колониальных империй и появления большого количества «молодых наций» в Азии, Африки и Латинской Америке. Перед последними встала проблема выбора путей дальнейшего развития. Собственно, программа модернизации (ускорения перехода от традиционности к современности) была предложена учеными и политиками США и Западной Европы странам «третьего мира» (далее – ТМ) в качестве альтернативы коммунистической ориентации. В 1950 – начале 1960-х годов различные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу на проблемы развития, которая казалась особенно полезной для обеспечения толчка в эволюции стран «третьего мира». В дальнейшем, на протяжении второй половины XX в., в рамках модернизационной перспективы был накоплен значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу. При этом модернизационная парадигма, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма, прошла длительный путь совершенствования. Можно выделить следующие этапы эволюции школы модернизации:

1) *вторая половина 1950 – первая половина 1960 гг.* – период рождения и быстрого роста модернизационных исследований в классической версии; по выражению Габриэля Альмонда, модернизационные штудии являлись «растущими индустриями» вплоть до середины 1960-х годов;

2) *конец 1960-х – 1970-е годы* – критический период, в течение которого модернизационная перспектива подверглась значительной критике, как внутренней, так и внешней – со стороны конкурирующих теорий отсталости (зависимости, зависимого развития; была сформулирована в 1960-е годы), миросистемного анализа И. Валлерстайна (вторая половина 1970-х годов), марксизма;

3) *1980-е годы* – посткритический период возрождения модернизационных исследований, в течение которого обнаружили себя тенденции конвергенции школ модернизации, зависимости и миросистемного анализа; модернизационные исследования данного периода Элвин Соу называет «новыми модернизационными штудиями»;

4) *конец 1980-х – 1990-е годы* – становление неомодернизационного и постмодернизационного анализа в значительной степени под влиянием грандиозных трансформаций в странах Центральной и Восточной Европы и Евразии.

Теоретические предпосылки становления парадигмы модернизации

Динамика социальных изменений остается в центре внимания социологической науки с самого ее становления в творениях К.А. Сен-Симона и О. Конта. Не является в этом плане исключением и модернизационная перспектива. Теории модернизации, появившиеся в 1950 гг., резко отличались от теорий исторической эволюции и социальных изменений, которые господствовали в западной общественной мысли в 1920–1940 гг. Последние в большинстве своем характеризовались крайним пессимизмом в оценках перспектив человека и общества, что в значительной степени обуславливалось кризисом западной цивилизации в межвоенный период (две мировые войны, экономические кризисы). Выделяются две «пессимистические» школы. Типичными представителями первой являлись такие мыслители как О. Шпенглер, В. Парето, П. Сорокин, А. Тойнби, которые интересовались формами развития отдельных цивилизаций или культур. Созданные ими конструкции были по существу циклическими теориями истории. Указанные ученые стремились восстановить последовательность фаз в развитии мировых цивилизаций, которая обычно включала рождение, рост, зрелость и упадок. Согласно данным теориям, западная цивилизация находилась (или уже прошла ее) в высшей точке своего развития, после которой должен был следовать распад. Проявлениями понижательной тенденции в эволюции Запада считались распад человеческого сообщества, ослабление религиозных ценностей, нарастание отчуждения и падение нравов, пугающее рождение «массового общества», которые, в свою очередь, объявлялись следствием процессов секуляризации, индустриализации, урбанизации и демократизации. Некоторые авторы датировали начало процесса разложения эпохой Реформации, другие – временем Возрождения, индустриальной или Французской революций. Отказ от религиозности, эрозия общества, считали мыслители, последовательно и неизбежно привели к «политике масс», мировым войнам, «чисткам», концлагерям. Другая группа ученых-пессимистов акцентировала внимание на феномене «массового общества» (К. Мангейм и Х. Арендт), становление которого связывалось с индустриализацией и демократизацией.

Если пессимистические теории межвоенного периода отражали ощущение катастрофичности, нарастания хаоса, которые, считалось, были вызваны индустриализацией, урбанизацией и тому подобными процессами, то модернизационные теории 1950–1960 гг., создававшиеся в противовес циклическим, стали отражением социальных, экономических и политических успехов западного общества, кото-

рые так же, как это не парадоксально, связывали с индустриализацией и урбанизацией.

В ходе теоретических поисков социальные мыслители обратились к знакомой западной интеллектуальной традиции изучения природы социальных изменений, но не непосредственно предшествующего периода (1920–1940 гг.), а скорее второй половины XIX – начала XX в. Известный социолог и политолог С. Хантингтон пишет о поразительном сходстве между теориями модернизации и оптимистическими эволюционистскими построениями второй половины XIX в. «Многие характеристики и следствия, которые теоретики послевоенного периода приписали Великому Процессу Модернизации, – подчеркивал С. Хантингтон, – можно обнаружить в сочинениях мыслителей XIX в., таких как Герберт Спенсер или Карл Маркс. В обоих случаях человеческое сообщество развивается главным образом под воздействием экономических факторов, проходя через идентифицируемую последовательность все более прогрессивных фаз».

Эволюционная теория и функционализм оказали наибольшее влияние на формирование теорий модернизации. Следы подобного влияния обнаруживаются во многих особенностях теорий модернизации. Модернизационная школа адаптировала эволюционную и функционалистскую теории. Поскольку эволюционная теория помогла в свое время объяснить переход от традиционного к современному обществу в Западной Европе XIX в., сторонники модернизационной школы считали, что она сможет пролить свет на процесс модернизации и в странах ТМ. Имело значение и то, что многие выдающиеся представители модернизационной перспективы воспитывались в рамках функционалистской теории. Соответственно, их модернизационные штудии неизбежно получили и функционалистскую окраску.

Эволюционизм

Эволюционная теория возникла в начале XIX в. как следствие «двойной революции» конца XVIII в. – Индустриальной (экономической) в Великобритании и Великой французской (политической). Эти революции не только разрушили старый порядок, но и заложили основы нового. Индустриальная революция с ее применением науки и новых технологий в промышленности привела к росту производительности, становлению фабричной системы и завоеванию мирового рынка. Французская революция создала новый политический порядок, основанный на принципах равенства, свободы и братства, и парламентскую демократию. Изучая этот меняющийся социальный, экономический и политический порядок, сторонники эволюционно-

го подхода использовали различные ярлыки для характеристики «старых» и «новых» обществ. Именно в этот период «Великая Дихотомия» между традицией и современностью получила оригинальную и влиятельную формулировку.

Так, в 1861 г. сэр Генри Мэн в своей работе «Древний закон: его взаимосвязь с ранней историей общества и отношение к современным идеям» рассмотрел в качестве полярных понятия «статуса» и «контракта». Фердинанд Теннис предложил различать понятия *gemeinschaft* (община) и *gesellschaft* (общество), т.е. сельскохозяйственное и индустриальное общества. В интерпретации Эмиля Дюркгейма формам социального порядка в примитивных (традиционных) и современных обществах соответствуют понятия механической (основанной на общих убеждениях и консенсусе, обнаруживаемых в пределах коллективной совести) и органической (взаимозависимость экономических связей, возникающих в результате дифференциации и специализации в современной экономике, новая сеть профессиональных ассоциаций, связывающих индивидов с государством, появление в этих ассоциациях коллективно создаваемых моральных ограничений эгоизма) солидарности.

Г. Спенсер различал «военное» (характеризующееся простой однородностью, конкурентной борьбой и агрессией) и «индустриальное» (характеристиками которого являются сложная однородность, сотрудничество, сила убеждения и альтруизм) общество. По мнению Огюста Конта, мышление в своем прогрессивном развитии проходит теологическую, метафизическую и позитивную стадии, а общество – примитивную, промежуточную и научную. Используя органическую аналогию, О. Конт утверждал, что общество в ходе собственной эволюции становится более сложным, дифференцированным и специализированным благодаря разделению труда; разделение труда ведет к упрочению социальной солидарности, порождая, однако, новое социальное разделение между классами, а также сферами частной и общественной жизни.

В качестве характерных черт классической эволюционной теории, усвоенных модернизационной парадигмой, можно выделить следующие: социальные изменения однонаправленны, т.е. человеческое общество безвариантно движется вдоль одной линии, от низших уровней к высшим, от примитивного к развитому, продвинутому государству, т.е. судьба социальной эволюции предопределена; движение к финальной стадии в развитии человечества оценивается положительно и означает прогресс, рост производительных сил, гуманизма и цивилизованности; социальные изменения характеризуются как медленные, постепенные, пошаговые, эволюционные, а не ре-

волюционные (необходимы столетия для завершения процесса перехода от простых, примитивных к сложным, современным обществам).

Веберовское наследие

Следует особо выделить теоретическое наследие М. Вебера², который не был ни эволюционистом, ни функционалистом, но предложил ярко выраженный систематический подход к понятийному аппарату социологической теории, оказавший существенное влияние на становление модернизационной перспективы (в частности, опосредованно – через функционализм Т. Парсонса, испытавший теоретическое воздействие М. Вебера). Далеко идущие последствия в плане становления школы модернизации имела предложенная М. Вебером дифференциация типов правления: традиционного, харизматического и рационального. По мнению ученого, традиционная модель правления, осуществлявшаяся на основе повседневной традиционной практики, неприкосновенной и освященной, была характерна для аграрного общества. Эпохи катастроф и бедствий, по М. Веберу, порождают образ так называемого харизматического правления, которое сопровождается появлением прирожденных вождей, обладающих экстраординарными личными качествами, которые, собственно, и обеспечивают мобилизацию масс. Наконец, Вебер полагал, что для индустриального общества более характерна рациональная модель правления, основанная на договоренностях между обществом и носителями власти. Невозможно переоценить значение для формирования модернизационного подхода концепта – *рационализация*, разработанного М. Вебером. В социологической схеме Вебера рационализация являлась ключевым понятием анализа европейского капитализма, обозначавшим множество взаимосвязанных процессов, превращавших каждый аспект человеческого действия предметом расчета, измерения и контроля³.

Функционализм

В литературе отмечается существенное влияние на модернизационную парадигму функционализма в версии Толкотта Парсонса. К числу наиболее значимых категорий, разработанных этим ученым, можно отнести: систему, функциональный императив, гомеостатическое равновесие, «типичные переменные». Ключом к пониманию теоретических построений Парсонса является органическая метафора, т.е. уподобление человеческого общества биологическому организму.

Для обозначения гармоничной координации между социальными институтами Т. Парсонс использовал концепт «система». Различные части биологического организма, согласно Парсонсу, соответст-

вуют разным институтам общества. Подобно частям организма, взаимосвязанным и взаимозависимым в процессе взаимодействия, общественные институты (например, общество и правительство) тесно связаны между собой. По аналогии с биологическим организмом, каждая часть которого выполняет определенную функцию ради блага целого, социальные институты, по мнению Парсонса, также имеют конкретные полезные функции, обеспечивающие стабильность и развитие общества. Парсонс формулирует концепт «функционального императива», согласно которому для нормального существования общества необходимо выполнение четырех решающих функций или функциональных потребностей (в противном случае общество погибает): а) адаптация к окружающей среде, потребность соотнесения с окружающей средой при использовании ее ресурсов (функция выполняется экономической сферой); б) целедостижение, т.е. постановка задач, стоящих перед системой (за реализацию данной функции ответственно правительство); в) интеграция (связывание институтов воедино, поддержание внутреннего порядка; данная функция выполняется правовыми и культурно-религиозными институтами); г) поддержание латентного образца (поддержание и передача ценностей от поколения к поколению, необходимая для выработки достаточной мотивации для выполнения задач; выполняется институтами семьи и образования). Эти четыре функции в совокупности составляют систему, известную как AGIL (for adaptation, goal attainment, integration, latency).

Органическая аналогия, помимо прочего, привела Т. Парсонса к формулированию концепта «гомеостатического равновесия». Биологический организм всегда находится в однообразном состоянии. Если одна его часть меняется, другие также должны меняться соответствующим образом, чтобы сохранить равновесие и уменьшить напряженность. В обществе, по мнению Т. Парсонса, имеют место постоянные взаимодействия между институтами с целью поддержания гомеостатического равновесия. Как только один из институтов провоцирует социальное изменение, это вызывает цепную реакцию перемен в прочих институтах, чтобы сохранить гомеостазис. С этой точки зрения, социальная система Т. Парсонса не является статичной, неизменной целостностью; напротив, институты, ее составляющие, постоянно меняются и приспособляются друг к другу.

Возможно, наибольшее влияние на формирование теорий модернизации оказала разработка в начале 1950-х (1951) годов. Т. Парсонсом и Эдвардом Шилзом так называемых «типовых переменных» для дифференциации «традиционности» и «современности». «Типовые переменные» — это ключевые социальные отношения, которые продолжаются, повторяются и внедряются в культурные системы.

«Типовые переменные» структурируют проблемы выбора, которые встают перед актором (действителем), и классифицируют возможные пути их решения. По Парсонсу—Шилзу, существует пять наборов типовых переменных.

Первый набор (дилемма) = *аффективность VS аффективная нейтральность*. Социальные акторы находятся в определенных отношениях по инструментальным, не затрагивающим их чувств (аффективная нейтральность), либо по эмоциональным причинам (аффективность). В традиционных обществах социальные отношения имеют тенденцию включать аффективный компонент: это отношения личностные, эмоциональные, лицом к лицу. Даже отношения работодателя-работника в традиционном обществе являются аффективными. Работодатель обращается с работниками как с членами домохозяйства и не увольняет их даже в том случае, если его предприятие терпит убытки. В современных обществах социальные отношения, скорее, строятся на аффективно-нейтральной основе — как неличностные, отчужденные, косвенные. Работодатели увольняют при необходимости работников, в противном случае пострадает экономическая эффективность, и предприятие потеряет прибыльность.

Второй набор = *партикуляризм VS универсализм*. Универсализм предполагает эквивалентную ориентацию индивида на объекты, обладающие равными параметрами. Партикуляризм же подразумевает внимание лишь к объектам, обладающим специфическими для индивида признаками. Участники взаимодействий должны решить, оценивать им человека с помощью общих (универсалистских) критериев или прибегать к критериям специфическим, применимым лишь в отношении конкретного человека (партикуляризм). Данная проблема может быть также описана как выбор между следованием безличным, абстрактным, всеобщим нормам права и правилам поведения или предпочтением им конкретных, личных, племенных отношений, вытекающих из конкретной ситуации. В традиционных обществах люди стремятся ассоциироваться с членами определенного социального круга. Например, они работают на одном предприятии или покупают в соседней лавке. Поскольку они очень хорошо знакомы, они относятся друг к другу партикуляристски. Они доверяют друг другу и считают необходимым выполнять социальные обещания. Обычно устного соглашения достаточно для заключения деловой сделки. Для современного общества, с его высокой плотностью населения и высокой мобильностью, люди часто вынуждены контактировать с незнакомцами, и они стараются при взаимодействиях руководствоваться универсалистскими принципами. Например, банковский кассир, прежде чем оплатить чек, просит предъявить необходимые документы, идентифицирующие личность. В современ-

ных обществах существуют писанные правила, которые определяют права и обязанности сторон в каждой деловой сделке.

Третий набор = *коллективистская ориентация VS индивидуалистская ориентация*. Данная дилемма актуализирует проблему выбора: достижение интересов индивида или коллектива. Традиционным обществам характерна верность, преданность коллективу: семье, общине, племенному государству. От людей требуется жертвовать своими собственными интересами ради выполнения коллективных обязательств. Этот акцент на коллективистскую ориентацию является средством избежания социальной нестабильности, которую могут вызвать индивидуалистические инновации, творчество, воображение. В современных обществах, напротив, акцентируется индивидуалистическая ориентация. Поощрение быть самим собой, развивать свои таланты, расти, строить собственную карьеру – распространено повсюду. Этот акцент на индивидуалистическую ориентацию стимулирует личность и способствует технологическим инновациям и росту производительности труда.

Четвертый набор = *приписка (от английского ascription – приписывание) VS достижение (или также: качество VS исполнение)*. Данная дилемма служит для обозначения одной из альтернатив социальных ориентаций. Участники взаимодействия оценивают людей либо по их поступкам (достижение), либо по их личным качествам, им приписанным (приписка). В соответствии с аскриптивной моделью мотивации об индивиде судят и ведут по отношению к нему, ориентируясь на приписанные ему качества (возраст, пол, престиж, расовую принадлежность и т.д.). Мотивационная модель, ориентированная на достижение (achievement), требует принимать во внимание в первую очередь реальное поведение и успехи индивида (как представителя определенной профессии, гражданина, налогоплательщика и т.д.). В традиционных обществах человек оценивается по статусу, который ему приписан. Принимая на работу, например, работодатель в первую очередь интересуется именами родителей и других родственников претендента. Прием на работу зачастую зависит от того, является ли работодатель хорошим другом или родственником кандидата. В современных обществах человек скорее ценится статусом, который ему удалось достичь благодаря собственным усилиям. Принимая на работу, работодатель больше интересуется технической квалификацией и прошлым трудовым стажем претендента. Острая рыночная конкуренция в современных обществах заставляет оценивать человека, опираясь на принципы достижения, т.е. оценивая его реальные успехи. Работодатель не может позволить себе брать на работу некомпетентных людей, иначе он будет «выдавлен» из бизнеса.

Пятый набор = *функциональная «диффузность» VS функциональная специализация*. «Диффузная» ориентация предполагает, что во внимание принимается личность в целом. Специцистская ориентация заставляет принимать во внимание лишь «часть» личности партнера, важную в контексте происходящего взаимодействия. Таким образом, данная дилемма актуализирует противопоставление между специализированным интересом к объекту, ориентацией на избранные его свойства и интересом к объекту и ситуации в целом. Индивид выбирает между вовлеченностью наряду с другими индивидами в широкий спектр социальной деятельности («диффузность») и концентрацией на достижении специфических, структурированных целей (специализация). В традиционных обществах преобладают функционально диффузные роли. Например, роль работодателя не сводится только к приему на работу; зачастую он также должен обучать работников; являться их опекуном, попечителем; обеспечивать им условия для проживания и т.д. Такая функционально диффузная роль, конечно, менее эффективна по сравнению с узкоспециализированной ролью. Работникам требуются годы, чтобы приобрести технические навыки, само обучение носит индивидуальный и несистематический характер. В современных обществах, напротив, преобладает функциональная специализация. Например, роль работодателя определяется достаточно узко. Его обязанности по отношению к работнику ограничены и редко выходят за сферу производства. Поскольку работодатель и работник могут избежать других обязательств по отношению друг к другу, они могут больше времени уделять росту эффективности и производительности⁴.

Классические модернизационные исследования (вторая половина 1950 – первая половина 1960-х годов)

Фактически все представители ранней модернизационной перспективы (50–60-х годов), несмотря на различную дисциплинарную принадлежность, разделяли ряд теоретико-методологических предположений эволюционистского и структурно-функционалистского толка, что обусловило создание в качестве первичной теоретико-методологической конструкции линейной модели изучения модернизации (У. Ростоу, А. Органский, М. Леви, Д. Лернер, Н. Смелзер, С. Блэк и др.).

Классические модернизационные исследования основывались на предположении, что социальное изменение – линейный процесс, включающий преобразование традиционных, аграрных обществ в современные, индустриальные общества. В рамках данного подхода процесс модернизации рассматривался как революционный, связан-

ный с «революционными», радикальными и всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и деятельности при переходе от традиционности к современности (С. Блэк сравнивал данный процесс с переходом от дочеловеческого состояния к человеческому или с переходом от примитивной стадии развития к цивилизации). Модернизации присваивался признак комплексности, что означало несводимость ее к какому-либо одному измерению. Сторонники линейной модели признавали, что модернизация вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. В рамках линейной модели модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связанное целое факторы и атрибуты модернизации, которые должны были появляться в кластерах, а не в изоляции. Сторонники линейной модели видели процесс модернизации как имманентное встраивание изменений в социальную систему. Как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, — полагали они, — это неизбежно вызывает адекватные реакции в других сферах. Как отмечал Д. Лернер, модернизация — «это процесс, обладающий собственным отличительным качеством, которое может объяснить, почему современность переживается как спаянная целостность среди людей, живущих по своим правилам». Различные элементы модернизации тесно связаны между собой, «потому что в определенном историческом смысле они должны приходиться вместе»⁵. Линейная модель порождает представление о модернизации как глобальном процессе, который обеспечивался как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ. Все общества, по мнению сторонников данной модели, можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности. Далее, модернизация рассматривалась как эволюционный, протяженный процесс по скорости осуществления «революционных» изменений. Эволюция осуществлялась в рамках определенных стадий или фаз модернизации, через которые должны были пройти все общества (например, обычно выделяемые стадии *традиционного, переходного и модернизированного* обществ; четыре фазы модернизации, идентифицированные С. Блэком: 1) *вызов modernity* — первоначальная конфронтация общества, характеризующегося традиционным уровнем знания, с современными идеями и институтами, появление в нем

сторонников модернизации, 2) *консолидация модернизаторской элиты* — переход власти от традиционных к модернизаторским лидерам в процессе обыкновенно ожесточенной революционной борьбы, которая может длиться несколько поколений, 3) *экономическая и социальная трансформация* — экономический рост и социальные изменения до момента, когда общество трансформируется из преимущественно аграрного с доминированием сельского образа жизни в преимущественно урбанизированное и индустриальное, 4) *интеграция общества* — фаза, на которой экономическая и социальная трансформация продуцирует фундаментальную реорганизацию социальной структуры общества⁶). В рамках линейной модели процесс модернизации рисовался как процесс унификации, постепенной конвергенции сообществ. Модернизация считалась необратимым и прогрессивным процессом⁷.

Объясняя, как и почему происходят социальные изменения, теория модернизации 1950–1960-х годов явно или неявно акцентировала внимание прежде всего на капиталистической модели развития, игнорируя или расценивая в качестве временной аберрации на пути к капитализму исторический опыт «второго мира» (социалистических стран). Тем не менее, уже в середине 1960-х годов Д. Эптер в монографии «Политика модернизации» попытался рассмотреть социалистический эксперимент в качестве одной из двух моделей модернизации. По мнению исследователя, модернизация требует наличия трех условий: 1) социальной системы, способной адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам; 2) гибких социальных структур, в том числе широкого разделения труда или структурной дифференциации; 3) социального контекста, способного обеспечить навыки и знания, необходимые для осуществления технологических трансформаций. Анализируя эмпирический материал по поводу присутствия данных условий, Д. Эптер выделяет две модели модернизации: 1) «секулярно либертарианская» или консенсусная система (система согласований): характеризуется плюралистическим, диверсифицированным распределением власти и лидерства, прагматическими, состязательными партиями и акцентом на компромиссе (США, Западная Европа и другие либеральные демократические государства); 2) «священная общность» или мобилизационная система: характеризуется политической «религиозностью», персонализированным или харизматическим лидерством и однопартийной системой (коммунистические страны и большинство стран «третьего мира»)⁸.

Примерно тогда же Б. Мур выделил три модели (траектории) модернизации: 1) под руководством буржуазии (Великобритания, США); 2) под руководством аристократии (Германия, Япония); 3) крестьянскую (Россия, Китай). Теоретически допуская возмож-

ность третьего пути (Индия), он очень сомневался в его осуществимости. Следовательно, для каждого модернизирующегося общества существует возможность выбора пути: через строительство, например, либерального капитализма, реакционного фашизма или революционного коммунизма⁹.

Доминировавшая в 1950–1960 гг. линейная модель была построена на основе структуралистского подхода; изучение «внутренней логики ситуации» не включалось в ее планы. Данная модель требовала рассмотрения модернизации как единого универсального восхождения обществ от недостаточной развитости (традиционности) к современности и развитости по одним и тем же стандартным ступеням стадий. Модель была разработана на основе опыта западной «атлантической» цивилизации и практически не учитывала многообразие цивилизационного опыта за пределами Западной Европы и Северной Америки. К существенным недостаткам данной модели необходимо отнести недооценку меняющихся условий международной среды для конкретных обществ, стремящихся модернизироваться. Упрощенным представляется и эволюционистское представление о единой для всех лестнице к высотам современности, исключающее возможности «параллельного» развития или «неразвития» («недоразвития»). В то же время, необходимо признать, что уже в конце данного историографического периода в литературе стала звучать мысль о возможности движения к modernity различными путями (Д. Эптер, Б. Мур).

Критический период (конец 1960-х – 1970-е годы)

Второй этап развития модернизационной парадигмы протекал в неблагоприятном международном контексте. Реализация на практике – в странах ТМ – программы модернизации столкнулась с непредвиденными трудностями. Несмотря на то что элиты «новых наций» в большинстве своем откровенно и настойчиво стремились модернизировать свои страны, институциональные структуры и коллективная ментальность последних зачастую оказывались неадекватными задачам модернизации. Отчасти это объяснялось тем, что небольшие и бедные страны не обладали ресурсами, необходимыми для обеспечения базы развития. Политические режимы в ряде развивающихся стран отдавали предпочтение политическим амбициям или идеологическим соображениям в ущерб экономическим потребностям. Нередко местные элиты, декларируя на словах приверженность программам модернизации, в действительности заботились лишь о собственном обогащении. Все это зачастую приводило к усилению традиционных структур и лояльностей.

Кроме того, осуществив формально политическую деколонизацию, бывшие имперские державы в лице «мультинациональных корпораций» (позднее эволюционировавших в «транснациональные корпорации» или ТНК) сохранили экономические интересы в эксклониях. Группы ТНК, как основные потребители и переработчики сырья, были в состоянии контролировать международный рынок, что крайне затрудняло возможности «молодых наций» аккумулировать капиталы для инвестирования их в развитие собственной инфраструктуры.

Сбои в осуществлении модернизационных программ, идеологические факторы, а также изменение политического климата на Западе в конце 1960-х и начале 1970-х годов сопровождались массовой критикой теорий модернизации, которые на некоторое время (в 1970-е годы) были отодвинуты в тень структурно-историческим анализом международной политической экономики.

Школа модернизации подверглась критике с разных точек зрения, как с позиций представителей основного течения западной академической науки, так и со стороны левых, в том числе марксистских, направлений. Сделанные замечания в первую очередь касались эволюционистских и функционалистских допущений сторонников школы модернизации. Серьезные возражения оппонентов вызвало предположение об *однаправленном характере развития*. Критически настроенные по отношению к модернизационной парадигме ученые утверждали, что понятия «развитой», «современный», «традиционный», «примитивный» являются элементарными идеологическими ярлыками, используемыми для оправдания превосходства Запада. Прозвучало замечание, что вера в однонаправленное развитие привела к игнорированию альтернативных путей развития традиционных сообществ. Поскольку сторонники модернизационной перспективы видели в качестве финальной ступени эволюции лишь западную модель, они практически вынесли за скобки возможность для стран ТМ выбирать другие маршруты развития. Между тем историческая реальность демонстрировала такие возможности (например, авторитарные модели развития Тайваня или Южной Кореи).

Критики обвиняли модернизационную школу в чрезмерном оптимизме. Сторонники модернизационного подхода, по их мнению, ошибочно полагали, что раз Запад стал развитым, то и страны ТМ в состоянии пройти тот же путь. Исследователи не изучали серьезно возможность «неразвития». Многие критики утверждали, что перспективы развития стран ТМ крайне неопределенны, что существует реальная опасность слома, сворачивания модернизации, например, как в Эфиопии, где люди столкнулись с проблемой голода, а нация

оказалась на грани вымирания. Оппоненты утверждали, что за последнее столетие положение многих стран ТМ ухудшилось.

Атаке также подверглось функционалистское предположение о несовместимости традиции и современности. Эмпирические исследования продемонстрировали не только частоту взаимодействий между традиционными и современными элементами в процессе модернизации, но и безусловную ценность традиций и традиционного наследия для обеспечения стабильного и эффективного перехода от аграрного к индустриальному обществу.

Критически оценивались и методологические установки классических модернизационных штудий. Оппоненты утверждали, что школе модернизации не хватает историзма, исторических исследований ситуаций до и после начала модернизации.

Неомарксисты критиковали сторонников модернизационной парадигмы за их идейно-политическую ангажированность. Модернизационная перспектива, по мнению левых, являлась идеологией холодной войны, которая использовалась для оправдания вмешательства США в дела стран ТМ.

Наступательные позиции по отношению к школе модернизации занимали сторонники теории зависимости и миросистемной перспективы.

Теория зависимости (отсталости, зависимого развития; сторонников теории зависимого развития иногда называют «депендентистами» от испанского слова *dependiente* = *зависимый*) была выдвинута П. Бараном, утверждавшим, что экономическое развитие западных индустриальных обществ основывается на экспроприации экономических излишков обществ ТМ. Последние оказываются в ситуации зависимого развития вследствие необоснованных надежд на свое сырьевое производство, ориентированное на экспорт. В дальнейшем теория зависимости разрабатывалась А.Г. Франком, рассматривавшим зависимое развитие с точки зрения глобальной сети эксплуатации, связывающей метрополию и общества-сателлиты¹⁰.

Теория зависимости, получившая наибольшее распространение именно в странах ТМ, утверждает, что представление о мировой экономике в духе А. Смита как о системе равных торговых партнеров является неверным, поскольку верховенство «центра» (то есть индустриальных обществ) в военной, экономической и политической области ведет к неравному участию «периферии» (то есть развивающихся обществ) в процессе обмена. Вследствие неравенства условий обмена капиталистическое развитие тормозит независимое экономическое изменение в периферийных регионах.

В современную эпоху, по мнению сторонников теории зависимого развития, индустриальные общества искажают и тормозят ин-

дустриальное развитие в странах ТМ путем навязывания конкуренции со своей промышленной продукцией собственно на внутренних и внешних рынках стран ТМ, а также путем размещения своих фабрик на территории этих стран с целью выгодного использования дешевой рабочей силы при перемещении туда исключительно «трудоемких и нетехнологичных производственных процессов». Все это поддерживает состояние технологической отсталости «периферии». Вследствие этого зависимые общества вынуждены придавать чрезмерное значение производству сырья. В зависимо развивающихся обществах доля индустриального сектора обычно незначительна, преобладают отсталые экономические сектора. Местные рынки блокируются импортом, низкими зарплатами и низкой производительностью. Таким образом, согласно данной теории, система зависимости между центром и периферией все еще поддерживается властью многонациональных корпораций, хотя она больше не связана с прямым колониализмом.

Сторонники теории зависимого развития критиковали школу модернизации за: 1) универсализм, всеобщие рецепты модернизации, которые не учитывали реалии стран ТМ; 2) непонимание того, что слаборазвитость и дуалистическая экономика в развивающемся мире в действительности, по мнению «депендентистов», являлись порождением мирового развития капитализма; 3) за неэффективность политики привлечения иностранных инвестиций в развитие стран ТМ («депендентисты» утверждали, что, напротив, капиталы утекают из отсталых стран в развитие, а наибольшие успехи в модернизации отсталых стран были достигнуты тогда, когда опора на импортный капитал была минимальной; 4) за непонимание того, импортзамещающая индустриализация, которая поощрялась адептами теории модернизации, не затрагивает систему зависимости и не может покончить и со слаборазвитостью.

Теория развития капитализма как глобальной экономической системы, предложенная И. Валлерстайном (миросистемный анализ), настаивала на невозможности анализировать жизнь одной нации-государства в отрыве от остального мира, поскольку «внутренние» экономические процессы всякого общества могут полностью определяться его местом в рамках мировой системы. Соответственно, сторонники миросистемного анализа критиковали школу модернизации за игнорирование международной ситуации, внешнеэкономического контекста¹¹.

Академическая и политическая критика обратила внимание на многие ошибочные и некорректные эволюционистские и функционалистские допущения, методологические проблемы и идеологическую тенденциозность модернизационной школы. Модернизацион-

ный анализ обвиняли в западно-центризме, упрощенчестве, наивном эволюционизме, дихотомическом – примитивном – видении проблемы взаимоотношений «традиции» и «modernity», «консервативной» приверженности парсонсовскому «функционализму», неспособному объяснять реальные социальные сдвиги. Данная критика оказалась полезной для развития и совершенствования школы модернизации. Впоследствии сторонники модернизационной перспективы направили собственные усилия на изживание неприемлемых теоретических посылок, в особенности эволюционного телеологизма и жесткого противопоставления традиционности и современности.

Перспективным направлением совершенствования модернизационной парадигмы стала разработка модели *парциальной (частичной) модернизации*. Представление о модернизации как длительном переходе от «относительно немодернизированных» к «относительно модернизированным» обществам, высказанное в одной из ранних работ по проблемам теории модернизации (М. Леви; 1966), получило углубленное развитие в более поздней концепции парциальной (или частичной, «фрагментированной») модернизации. «Во многих обществах, – писал автор концепции Д. Рюшмейер, – модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры. Часто такие социальные несообразности представляют собой временное явление, сопровождающее ускоренные социальные изменения. Но нередко они закрепляются и сохраняются на протяжении поколений. Именно такие устойчивые формы существования разнородных социальных структур являются предметом настоящего исследования. Если давать формальное определение, то частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур»¹².

Симбиоз внедренных в традиционный контекст элементов модернизированного общества, терявших в нем способность функционировать как рациональные, и эндогенных немодернизированных элементов, традиционное функционирование которых также блокировалось, рассматривался как малопродуктивный.

Возможность парциальной модернизации связывалась с проникновением современных социокультурных практик и ценностей в слаборазвитые общества, то есть с механизмом диффузии и наличием контакта между обществами, стоящими на существенно различных ступенях развития. При этом исторический материал свидетельствовал в пользу существования достаточно широких возможностей для восприятия даже сложных институциональных и культурных феноменов обществами-реципиентами, весьма далекими от того,

чтобы самостоятельно производить подобные феномены. Рюшмейер при этом обращал внимание на неоднородность общества-реципиента в плане возможностей усвоения импортных элементов: «При определенных обстоятельствах модернизация средств, ролей, организаций и норм может зайти очень далеко, а вера и ценностные ориентации остаются неизменными. Из этого правила, пожалуй, можно сделать исключение лишь для тех обществ, которые столь мало дифференцированы, что практически все важнейшие действия имеют религиозную форму, и наоборот, религия переплетена с повседневными ритуалами и правилами. В этом случае предшествующая модернизации система будет либо сопротивляться институционализации важнейших стереотипов в духе модернизации, либо полностью рухнет»¹³.

В процессе парциальной модернизации несоответствия могут возникать как между институтами, так и в них, а также в сознании конкретной личности, порождая «устойчивое фрагментарное развитие». В отличие от сторонников линейной модели авторы, придерживавшиеся парциальной модели, помещали процесс модернизации в международный контекст, признавая в качестве важнейших условий самой частичной модернизации противостояние инноваторов и «стран-последователей». Суть парциальной модели сводится к признанию возможности «застревания» некоторых обществ на стадии «частичной» модернизации. Таким образом, данный подход означал предоставление права на существование еще одному пути (ответвлению), пускай неполноценному, от традиционности к современности. В определенной степени выдвижение модели парциальной модернизации являлось шагом от линейного видения исторического процесса в сторону парадигмы, подразумевавшей возможность многолинейной динамики. Парциальная модель, как и линейная, основывалась на структурно-системном подходе, однако, она поставила под сомнение множество признаков линейной модели (революционный, комплексный, системный, глобальный, стадийный, конвергенционный, необратимый характер модернизации). Важнейшая характеристика линейной модели, связанная с жесткой систематизацией обществ по линии отнесения к «традиционности» или к «современности», была основательно пересмотрена в рамках парциальной модели, сводившей традиционные и модернизированные элементы в особую взаимосвязь.

Посткритический период возрождения модернизационных исследований (1980-е годы)

Как и в классических модернизационных штудиях, в новых исследованиях 1980-х годов внимание ученых также фокусировалось на проблемах эволюции развивающихся стран, хотя значительный пласт работ составили монографии и статьи, посвященные проблемам перехода от традиционного к современному обществу в странах Западной Европы и Северной Америки. Анализ велся преимущественно на национальном уровне с целью объяснить процесс развития через действие внутренних факторов, таких как культурные ценности и социальные институты. Новые модернизационные штудии использовали терминологию, во многом унаследованную от классических работ, выполненных в рамках школы модернизации («традиция» и «современность», например). В целом им также было присуще убеждение, что модернизация (и контакт с Западом) благотворны для традиционных сообществ. Однако существовали и серьезные различия между классическими и новыми исследованиями. В последних произошел переход от однозначно негативного отношения к социокультурной традиции к более гибкой и конструктивистской трактовке роли традиций в ходе модернизационного перехода. Благодаря более внимательному изучению широкого спектра национальных культурных традиций сторонники школы модернизации отказались от одностороннего представления о модернизации как движении в сторону западных институтов и ценностей и пришли к убеждению о возможности собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную культурную окраску). Традиция и современность в исследованиях конца 1970 и 1980-х годов уже не рассматривались как взаимоисключающие концепты; они не только сосуществовали, но и проникали друг в друга и смешивались между собой. Вместо прежнего третирующего традиций как препятствий для модернизации исследователи попытались рассмотреть конструктивное значение традиций в процессе модернизации. Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело к появлению ряда новых исследовательских тем, а также к большему вниманию по отношению к традиционным чертам (народные религии, семейственность).

Произошли и определенные методологические сдвиги. Вместо типологизирования и ведения дискуссий на достаточно высоком уровне абстракции сторонники модернизационного подхода стали проявлять склонность к рассмотрению конкретных ситуаций. Исследования 1980-х годов отличались более историческим подходом.

Вместо того чтобы иллюстрировать теорию конкретными примерами, специалисты использовали теорию для объяснения уникальных конкретных ситуаций. История возвращалась в работу, дабы продемонстрировать специфичность развития в конкретных странах. Нередко углубленные ситуационные исследования дополнялись компаративной перспективой с целью выяснения, например, почему один и тот же институт играет различные роли в разных странах. Больше, чем прежде, внимание стало уделяться внешним, международным, факторам. Гораздо больше места, чем прежде, стало отводиться феномену конфликтов. Нередко такие факторы, как классовый конфликт, идеологическое доминирование, религиозные революции, инкорпорировались в новые штудии.

Примером новых модернизационных штудий 1980-х годов может служить исследование С. Хантингтона, посвященное тенденциям развития демократии в развивающихся странах¹⁴.

В данной работе автор в известном смысле полемирует с прямолинейными схемами демократизации, распространенными в исследованиях классического периода, в частности, с оптимистической гипотезой Сеймура Липсета (1963 г.), согласно которой экономическое развитие непосредственно ведет к демократии. Хантингтон предложил более сложный анализ предварительных условий демократизации по сравнению с односторонней конструкцией С. Липсета. В дополнение к экономическому росту, Хантингтон включил в предмет изучения социальную структуру, внешнюю среду и культурный контекст.

Не отрицая роли уровня экономического развития (первый фактор) для перспектив демократического развития, С. Хантингтон отмечал, что исторически переход к демократии осуществлялся при очень разных значениях данного параметра. Кроме того, ученый обратил внимание на множество стран, особенно в Восточной Азии и Латинской Америке, которые успешно прошли определенные стадии экономического развития и при этом все же отворачивались от демократии. Пытаясь преодолеть концептуальные противоречия, представленные в литературе, С. Хантингтон предложил новую концепцию зоны перехода (транзиции; или выбора). Согласно этой концепции, по мере экономического развития, страны вступают в зону перехода, в которой традиционным политическим институтам становится все труднее обслуживать новые функциональные потребности. Экономическое развитие само по себе, считает ученый, не в состоянии детерминировать процесс замены традиционных учреждений определенной моделью политической системы (например, демократической). Вместо линейного движения к демократии западного типа страны в зоне перехода оказываются перед множеством выборов

среди различных альтернатив. Их будущее развитие оказывается в зависимости от исторического выбора, который должны совершить их политические элиты. Короче говоря, хотя экономическое богатство — необходимое условие для демократии, но явно недостаточное.

В связи с этим С. Хантингтон дополняет изучение демократического перехода рассмотрением других факторов. Существенное внимание он уделяет изучению социальной структуры (второй фактор). По мнению Хантингтона, демократизации благоприятствует наличие широко дифференцированной и отчетливой социальной структуры, в рамки которой включены относительно автономные группы (предпринимательские, профессиональные, религиозные, этнические группы и т.д.), которые в состоянии обеспечить контроль за государственной властью и становление демократических политических учреждений. Отсутствие подобных автономных промежуточных групп, по мнению ученого, приведет к полному доминированию централизованного аппарата над обществом в форме абсолютной монархии, восточного деспотизма или авторитарной (или тоталитарной) диктатуры. Из всех промежуточных социальных групп Хантингтон особо подчеркивает значение автономной буржуазии как наиболее существенной. Соглашаясь с Баррингтоном Муром (1966 г.), Хантингтон отмечает: «Нет буржуа, нет демократии».

Далее, Хантингтон подчеркивает значение для судеб демократизации такого элемента социальной структуры как рыночно-ориентированная экономика. Рыночная экономика, писал Хантингтон, требует дисперсии экономической власти, создавая таким образом более благоприятные условия для контроля за государственной властью. Кроме того, рыночная экономика, очевидно, способствует экономическому росту и более равномерному распределению дохода, что, в свою очередь, обеспечивает инфраструктуру демократии.

Третий фактор, анализируемый Хантингтоном, — внешняя среда. Как заявляет Хантингтон, демократизация — в большей степени является не результатом эндогенного развития, а следствием распространения Британского и Американского влияния (посредством колонизации, колониального управления, военных действий или прямого навязывания). В качестве примера он ссылается на ситуацию времен Второй мировой войны и послевоенного устройства мира: в странах, занятых американскими войсками, — восторжествовала демократия; в тех же странах, в которые вошла советская армия, — установились прокоммунистические режимы народной демократии (не демократические в западном смысле). В этом плане, по мнению С. Хантингтона, рост или упадок демократии в глобальном масштабе является функцией усиления или ослабления наиболее мощных демократических государств. Распространение демократии в

XIX столетии шло рука об руку с расширением Pax Britannica. Расширение же демократии после Второй мировой войны отразило рост Соединенных Штатов как супердержавы. Наоборот, упадок демократии в Восточной Азии и Латинской Америке в 1970-е годы был отражением затухания американского влияния. Как отмечает Хантингтон, демократическое влияние может осуществляться как прямым путем (усилия, например, американского правительства, направленные на ход политических процессов в различных странах), так и опосредованным (обеспечение мощной и успешной модели развития).

Четвертый фактор, обсуждаемый С. Хантингтоном, — это культурный контекст. Исследуя воздействие религии на политическую культуру, Хантингтон пришел к выводу о наличии высокой корреляции между протестантизмом и демократией. По мнению ученого, католицизм оказывает, скорее, умеренное и отсроченное воздействие на рост демократии; индуистские и синтоистские культуры не препятствуют демократизации; а ислам, конфуцианство и буддизм в большей степени способствуют развитию авторитарных форм правления. Чтобы объяснить различное влияние культурных контекстов на политическое развитие, С. Хантингтон дифференцирует два типа религиозных культур.

Консамматорная (Consummatory = конечный, совершенный) религиозная культура, — в рамках которой устанавливается тесная связь между промежуточными и конечными целями — менее благоприятна для развития демократии. В исламе, например, как считает Хантингтон, отсутствует какое-либо различие между религией и политикой (между духовным и светским); и политическое участие в мусульманских странах исторически считалось чуждой концепцией.

Инструментальная религиозная культура характеризуется разделением между промежуточными и окончательными целями. Индусская традиция, например, допускает разнообразие и конфликт среди групп, признает возможность компромисса и, таким образом, не устанавливает барьеров на пути к демократии.

В итоге, Хантингтон приходит к выводу, что предварительными условиями (предпосылками) демократизации являются — экономическое благосостояние, плюралистическая социальная структура (автономная буржуазия и ориентируемая рынком экономика), большее и непосредственное (vis-a-vis) влияние на общество со стороны уже существующих демократических государств и, наконец, наличие культуры, терпимой (толерантной) по отношению к разнообразию и компромиссу. Он доказывает, что за исключением рыночной экономики, ни одна из перечисленных предпосылок не может считаться единственно необходимой для того, чтобы обеспечить демократическое развитие. Требуется определенная комбинация вышеупомяну-

тых предварительных условий для того, чтобы был установлен демократический режим. При этом конфигурация такой комбинации может существенно варьировать в каждом конкретно-историческом случае. Как можно видеть аналитическая картина, которую рисует С. Хантингтон отличается большим историзмом, многосторонностью, многофакторностью; для нее не характерен примитивный телеологизм ранних версий модернизационных исследований.

Как уже отмечалось, в процессе эволюции модернизационной перспективы пересматривались концептуальные схемы, объясняющие сами механизмы взаимодействия традиции и модернизации. В ранних прямолинейных конструкциях традиционные институты и формы интерпретировались как барьеры, препятствующие переходу от традиционного к современному обществу. Считалось, что для осуществления модернизации необходимо преодолеть, во-первых, экономические преграды, чтобы внедрить такие модернистские качества собственно капиталистической системы как рациональность, аскетизм, непрерывный процесс производства и обмена, и рынок формально свободной рабочей силы. Во-вторых, в социально-политической области требовалось заменить патримониализм и экономические структуры, основанные на родственных отношениях, на рациональную административную организацию и правовые институты, отделить бизнес от местожительства, разграничить общественную и частную собственность. В 1980-е годы были разработаны другие схемы для изучения природы интеракций между модернизацией и традицией, в частности, концепция баррикад Винстона Дэвиса. Последний попытался посмотреть на традиционные «пояса защиты» с точки зрения традиционализма, а не модернизма. Его подход можно интерпретировать следующим образом: каким образом традиционные сообщества организуют защиту от разрушительного воздействия модернистских ценностей. Исследователь при этом подчеркивал, что традиционными обществами организуется защита не против прогресса вообще, а именно против социальной турбулентности и морального упадка, которые вызываются безудержным развитием коммерции.

Согласно В. Дэвису, традиционное общество может быть представлено в виде трех concentрических кругов. Внутренний круг воплощает экономику и экономические ценности. Средний круг представляет собой «иммунитетную баррикаду», которую традиционное общество воздвигает для «предохранения» экономики от развития (эта «баррикада» включает разнообразные табу, традиционную религию, этику, право, философию, народные верования и т.д.). Наконец, внешний круг включает общество с его ценностями, статусными ролями, властными отношениями. Инструменты, которые скон-

центрированы в среднем круге, держат экономику под контролем, ограничивая возможности рынка традиционными ритуалами и церемониями, позволяя ему функционировать только в довольно узких границах. По схеме Дэвиса экономическое развитие может начинаться не только вследствие того, что «враг» (модернизация, развитие) взбирается на валы и вторгается в «цитадель» традиционного общества, но и в результате того, что стареют и ветшают сами эти барьеры и в конце концов начинают разрушаться. Возможна и такая ситуация, когда сами защитники баррикад утрачивают былое мужество и добровольно капитулируют.

Используя разработанную схему, В. Дэвис попытался дать свою интерпретацию развития капитализма в Западной Европе. По мнению ученого, становление рациональной экономики произошло не только потому, что энергичные протестанты заполнили рынок, но и потому, что не особенно ревностные хранители ценностей традиционного общества оказывали слишком слабое сопротивление росту эксплуатации. Так, например, в Англии церковь практически не реагировала на растущую нищету, огораживания, работные дома, — следствия деятельности модернизаторов. Модель баррикад Дэвиса предлагает новый подход к изучению взаимоотношений между религией и развитием. Вместо того чтобы фокусировать внимание на том, как акторы модернизации преодолевают традиционные барьеры, исследователь предлагает сконцентрировать усилия на анализе защитников традиционной религии и традиционных ценностей¹⁵.

Неомодернизационный анализ (конец 1980-х – 1990-е годы)

В 1970–1990 гг. мир стал свидетелем двух сдвигов глобального значения, которые создали значительные трудности для теорий, концентрировавшихся с модернизационной парадигмой.

Во-первых, необходимо указать на грандиозные трансформации в Восточной Азии, которые сопровождались ускоренной модернизацией стран «конфуцианско-дальневосточной цивилизации», следующих по японскому пути (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзия), и превращением их в серьезных конкурентов для наиболее развитых стран мира. Ориентируясь на японский стандарт, эти страны стали демонстрировать настолько высокие темпы экономического и промышленного развития, что позволило им если не догнать Японию, то во всяком случае заметно приблизиться к ней, оказаться вместе с ней флагманами экономики всего развивающегося мира, а в недалеком будущем, возможно, вообще всего мира. При этом социально-экономический рост «азиатских тигров» не сопро-

вождался серьезным усилением в них социального неравенства, что было характерно для многих других развивающихся современных регионов и для большинства стран Запада в XIX в. Восточно-азиатское «чудо» нанесло существенный удар по миросистемной теории, поскольку оно плохо вписывается в ее концептуальные рамки. Действительно, страны периферийной зоны мировой системы смогли найти внутренние ресурсы для обеспечения роста и модернизации, повышения уровня жизни, качества здравоохранения и образования перед лицом развитого «ядра» западных капиталистических стран.

Вторым важным сдвигом, еще менее ожидаемым и даже более стремительным (польский социолог П. Штомпка определил данную трансформацию как «антитеоретическую революцию» = «a-theoretical revolution»), по сравнению с первым, явилась социально-политическая трансформация советской империи, которая началась с признания провала прежней политики в сфере экономики и поиска путей экономической и политической модернизации («перестройка»). Затем последовал каскад политических событий, приведших к объединению Германии, падению коммунистических режимов в СССР и странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Несмотря на то что все эти процессы в определенной степени стимулировались внешними факторами (сопоставление жизненных уровней в социалистических и западных странах; война в Афганистане, ставшая для Советского Союза чем-то вроде Вьетнама или Алжира), главными движущими силами трансформации стали причины внутреннего происхождения. События последнего десятилетия в ЦВЕ дали новый толчок модернизационным исследованиям.

Постсоциалистические страны ЦВЕ рассматриваются многими исследователями как прекрасная лаборатория для теоретического совершенствования и проверки модернизационной перспективы. «Эмпирические аномалии», которые демонстрируют эти страны, заставляют ученых задуматься: вместо «адаптивного подъема» наблюдается экономический коллапс; вместо более тесной интеграции — усиление этнической и религиозной демаркации; вместо формулирования последовательных ясных целей на политическом уровне — противоборство хрупких политических коалиций, не способных справиться с неуправляемым обществом.

После падения коммунизма в странах ЦВЕ развернулись исследования проблем перехода («транзиции») постсоветских обществ, которые проводились в широком дисциплинарном диапазоне. При этом признавалось продуктивным использование модернизационной перспективы. Можно утверждать, что трансформация стран ЦВЕ способствовала гальванизации теорий модернизации. Однако одно-

временно раздавались предостережения против буквального использования устаревшей версии модернизационной перспективы образца 1960-х годов. Трансформация стран бывшего социалистического лагеря потребовала дальнейшего развития модернизационной перспективы. При этом, как и прежде, переосмысление модернизационного комплекса продвигалось во многом в русле критики эволюционизма и функционализма, заложенных в теоретической матрице перспективы, а также эволюции от высокого уровня абстракции к эмпирическим исследованиям. Разработка современной версии модернизационных исследований (неомодернизационный или постмодернизационный анализ) связана с именами Э. Тириакаяна, П. Штомпки, В. Цапфа, К. Мюллера и др.

Теоретическое ядро современной версии модернизации включает следующие положения.

1. Отказ от односторонней трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей; признание возможности собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску). Как утверждает Э. Тириакаян, не существует какого-то фиксированного «центра modernity», напротив, возможно наличие нескольких «эпицентров» модернизации, число которых может пополняться. В работе 1985 г. он пишет о перемещении центра модернизации в Восточную Азию.

2. Признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; придание ей статуса дополнительного фактора развития. В частности, Э. Тириакаян предлагает пересмотреть в свете новых исторических реалий вопрос о роли религии в процессе модернизации. Эта роль может быть весьма значительной, по его мнению. Религия может выполнять функцию легитимизации и мобилизации масс на свершения. Она же обеспечивает делегитимизацию неэффективного политического строя и стимулирует сопротивление авторитарным или тоталитарным режимам. Тириакаян ссылается на процессы в Польше, Никарагуа, Иране, Чили, на Филиппинах и в других странах на протяжении последних 15 лет или около того, которые, по его мнению, подтверждают потенциальную и актуальную роль религии как «рычага социальных изменений».

3. Больше, чем прежде, внимание внешним, международным факторам, глобальному контексту. Хотя исследования по-прежнему фокусируются во многом на внутренние факторы модернизации, ученые не отрицают роли, которую играют внешние факторы в модификации процессов развития. Модернизация рассматривается современными исследователями скорее как эндогенно-экзогенный

процесс (Р. Робертсон). Подобное видение существенно отличается от классического, в рамках которого ученые анализировали преимущественно внутренние переменные, такие как социальные институты и культурные ценности.

4. Отход от эволюционистского телеологизма. Акцентирование внимания не на анонимных законах эволюции, а на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства.

5. Историчность подхода. Инкорпорация в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание необходимости рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «исторической констелляции» (К. Мюллер). Акцент на пространственно-временной горизонт акторов, в соответствии с которым выстраиваются новые линии развития. Признание зависимости между результативностью модернизации и гармонией между культурными, политическими, экономическими ценностями и приоритетами и наличным ресурсами.

6. Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации. Как отмечает Э. Тириалян, отдельные сектора или группы акторов действительно могут сознательно постоянно следовать по пути модернизации; некоторые группы могут делать это лишь на протяжении какого-то временного отрезка; отдельные акторы вообще могут отвергать движение по пути модернизации (например, те, кто имеет доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства).

7. Осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса, даже если конкретным обществом пройдена стадия «взлета» («take-off» в терминологии У. Ростоу). Признание необходимости более внимательного отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса. Как пишет Э. Тириалян, «существуют периоды расширенной деятельности по изменению или совершенствованию социальных структур или институционального устройства не только внутри, но и между обществами, и имеют место другие периоды, когда наступают удовлетворенность и усталость, сопровождаемые лишь слабыми попытками подъема и обновления». Такие периоды кажущейся неактивности могут быть эпохами упадка (например, последовавший после грандиозного взлета период стагнации в истории Нидерландов в XVIII в.) или медленного скрытого вызревания инноваций и новой ментальности, еще не проникших в официальный институциональный порядок и властные структуры¹⁶.

Созданная в результате своего рода теоретического синтеза на основе классических моделей с учетом критики со стороны конкурирующих структуралистских мироцелостных подходов, а также элементов деятельностного подхода многолинейная модель (возможно, характеристика группы исследований, связанных с именами указанных авторов, в качестве единой модели чересчур условна – в данном случае мы стремились указать на некоторые общие черты, присущие весьма разноплановым работам) расширила познавательные возможности модернизационного анализа. По-прежнему ориентированная преимущественно на анализ макросоциальных явлений (необходимо признать, что данная модель более восприимчива, по сравнению с классической, и к микроанализу), многолинейная модель была более «историчной», характеризовалась большей эластичностью по отношению к изучаемой реальности, что было достигнуто за счет принесения в жертву теоретической чистоты и однородности первоначальной модели модернизационного анализа. В рамках данного подхода намечалось оживление внимания к деятельностным аспектам развития, вышедшим на передний план в рамках акторной модели модернизации.

Акторная модель модернизации

Попытка совместить модернизационную перспективу с деятельностным (акторным) подходом была предпринята финским исследователем Тимо Пиирайненом в целях объяснения перехода от плановой к рыночной экономике в постсоветской России¹⁷. В основе авторской концепции лежит тезис о фундаментальном сходстве двух революций: Французской – конца XVIII в. – и российской «революции» – конца XX в., приведшей к распаду СССР и ликвидации советского социализма. Обе революции, по мнению Пиирайнена, обязаны своим происхождением накапливавшемуся в обществе давлению, обусловленному его усложнением и приобретением им характеристик, которые обычно приписываются современным обществам. Чем более сложным становится общество, чем более разнообразная система разделения труда утверждается в нем, тем труднее оказывается поддержание иерархического социального порядка, основанного на жесткой концентрации власти в руках правящей группировки. Общество, структура и параметры которого становятся все более сложными, теряет, по мнению Т. Пиирайнена, способность к управлению и начинает окостеневать под давлением нормативов, принуждения и пропаганды. В подобной ситуации возникает потребность в более универсальных и сложных механизмах, которые позволили бы интегрировать общество. Пиирайнен считает, что именно рынок яв-

ляется таким универсальным и сложным механизмом, адекватным условиям современного общества. В контексте движения к более универсальным механизмам социальной интеграции (трактуемого автором как модернизация) Т. Пиирайнен рассматривает либерализацию советского общества и утверждение рыночных отношений (marketization), запущенные перестройкой М.С. Горбачева. Для исследователя переход от плановой экономики и советского социализма к рыночной экономике и многопартийной демократии в России предоставил уникальную возможность для изучения стремительного и крупномасштабного процесса социальной реструктуризации.

Человеческая возможность выбора особенно актуализируется в периоды больших исторических трансформаций, к числу которых относится процесс модернизации. Именно в такие эпохи человек действительно превращается в «точку бифуркации»; контуры будущего общества, траектории развития в подобные периоды оказываются в существенной зависимости от воли и выбора самого человека. Памятуя об этом, Т. Пиирайнен выбирает в качестве наиболее адекватного для условий собственного исследования деятельностный подход, понимающую социологию, основанную на веберовской традиции. Дело в том, — рассуждает автор, — что в течение «революции» социальные структуры только формируются, выглядят аморфными, постоянно меняющимися до такой степени, что их основы очень трудно проследить; именно люди создают новые структуры, подвергают общество реструктуризации; социальный порядок формируется как коллективный результат индивидуальных выборов и действий — реструктуризация общества в подобной ситуации может рассматриваться как взаимодействие старых коллективных достижений и новых выборов и действий, осуществляемых индивидуальными членами общества.

Общие системно-структурные теории (например, функционализм Т. Парсонса или теория систем Н. Лукманна) обычно постулируют существование саморегулирующихся социальных систем, стремящихся к равновесию. Между тем полезность подобных теорий применительно к изучению обществ, находящихся в состоянии нарушенного равновесия, например, в результате кризиса или революции, по мнению Пиирайнена, весьма сомнительна. В связи с этим исследователь считает методологически корректным перенести исследовательский фокус с социальных структур (что характерно, по его мнению, для традиционного подхода в социологии, в рамках которого первоначально исследуются и идентифицируются некоторые социальные структуры, а затем определяется место индивидуумов или других социальных акторов в этих гипотетических структурах) на изучение индивидуума (индивидуального актора).

Предлагаемый ученым подход сводится, таким образом, к сосредоточению внимания в первую очередь на повседневной жизни обычных людей, выявлению основных путей и стратегий, которые они используют, чтобы справиться с трудностями переходного периода. Выборы в пользу определенных жизненных стратегий, которые делают конкретные семейства, и действия, в которых они участвуют, равно как возможности и ограничения, с которыми они сталкиваются, — становятся предметом анализа Т. Пиирайнена на первой стадии исследования. На следующей стадии рассматриваются структурные импликации подобных индивидуальных выборов и действий. Сопоставление выборов и стратегий различных семейств, по мнению исследователя, дает возможность представить контуры нового социального порядка, коллективные результаты индивидуальных действий акторов.

Теоретические схемы, описывающие поведение индивидуальных деятелей, например, упрощенные суждения неоклассической микроэкономики, полагает Т. Пиирайнен, характеризуются более универсальной применимостью. В частности, их использование для изучения критических ситуаций, сопровождаемых разложением структур, представляется автору вполне обоснованным и даже, возможно, единственно корректным. Базовый подход и основные концепции при формировании собственной теоретико-методологической модели изучения постсоветской модернизации Т. Пиирайнен черпает из социологии М. Вебера и частично из более современной школы социологической мысли, которая обычно именуется теорией рационального выбора.

Автор исследует, каким образом действия и выборы индивидуальных акторов объединяются, дабы произвести социальные результаты. Центральным в рамках используемой Пиирайненом модели является понятие оптимизации: предполагается, что акторы будут вести себя рационально в том смысле, что они будут стремиться выбирать действие, которое максимизирует разницу между выгодами и затратами.

Действуя рационально, актер всегда участвует в своего рода оптимизации, которая в некоторых случаях может восприниматься как стремление к достижению максимизации полезности или минимизации затрат, а в других случаях может приобретать иные выражения. Коллективный результат этой тенденции к оптимизации на уровне индивидуальных акторов, однако, не обязательно должен быть социально оптимальным. В этом плане парадигма рационального выбора радикально отличается от, например функционалистских социальных теорий, постулирующих оптимизацию (или равновесие) на сис-

темном уровне и стремящихся выяснить, каким образом различные социальные институты способствуют ее поддержанию.

Поскольку индуктивная познавательная стратегия, которой придерживается Т. Пиирайнен, не может функционировать без некоторых теоретических предположений или гипотез вообще, постольку автор выдвигает ряд предварительных общих суждений, касающихся деятельности, с целью направить, структурировать исследовательский процесс, обеспечить его руководством для сбора и анализа данных:

1. Индивидуумы и домохозяйства рассматриваются как акторы, которые осуществляют рациональные выборы. Рациональность проявляется в стремлении акторов к оптимизации, т. е. в стремлении получить доступ к максимальному количеству жизненных шансов при одновременной минимизации затрат и риска.

2. Акторы обладают разнообразными активами (ресурсы, собственность, квалификация или действия, которые позволяют расширить жизненные возможности актора), которые могут быть вложены в различные объекты. Акторы стремятся при этом размещать инвестиции таким образом, чтобы получать максимальную прибыль, т. е. максимум жизненных возможностей при минимальных затратах.

3. В условиях неопределенности акторы стремятся ограничивать риски, включенные в инвестиции, разделяя последние между несколькими объектами (т. е. используя различные инвестиционные стратегии — «стратегия домохозяйства», «инвестиционная стратегия», «стратегия выживания»). Форма этих стратегий находится в зависимости от количества и качества активов, которыми располагают акторы. Различные стратегии дают доступ к различным комбинациям жизненных возможностей.

4. Наконец, в период перехода развиваются новые социальные отношения, чтобы заменить старые. Новые отношения возникают как коллективный результат индивидуальных инвестиционных стратегий. По мере институционализации эти социальные отношения приобретают характеристики социальных структур¹⁸.

«Стратегии» — ключевой концепт в теоретико-методологической модели Т. Пиирайнена, который связывает микроуровень индивидуальных акторов и макроуровень социальных структур. Изучение инвестиционных стратегий индивидуальных домохозяйств дает представление о формировании нового социального порядка и социальных структур. Домохозяйства и группы домохозяйств в зависимости от применяемых типов стратегий могут быть сгруппированы в «социальные классы» (сегменты населения, имеющие доступ к существенно различающимся наборам жизненных возможностей).

Другим значимым концептом в работе Пиирайнена является понятие «преобразование активов». Дело в том, что активы, которые давали актору доступ к широкому диапазону жизненных возможностей в рамках советского общества, не могут выполнять те же функции в рыночных условиях; они должны быть преобразованы (конвертированы) в активы, уместные в рыночном обществе. Например, обширная сеть социальных отношений, несомненно важный актив в советском обществе, вряд ли позволит гарантировать в новых условиях то же качество жизни, которое она обеспечивала прежде; этот актив должен быть конвертирован в деньги или частную собственность. Но поскольку общественные богатства подвергаются перераспределению в процессе перехода, социальный капитал может оказаться полезным и даже необходимым для приобретения экономического капитала.

Существенное место в модели рационального выбора занимает понятие «структуры возможностей». Стратегия всегда включает различные компоненты и формируется в рамках структуры возможностей, уникальной для каждого актора. Формат структуры возможностей обусловлен количеством и характером активов, которыми обладает актор. Структура возможностей — это потенциал, который включает всю тотальность возможных экономических действий, доступных актору. Структура возможностей может быть интерпретирована как множество объектов (то есть конкретных учреждений, предприятий, видов деятельности и т.п.), в которые акторы могут вкладывать собственные активы. В рамках данной структуры возможности предпочтения актора приводят к выбору фактических инвестиционных объектов, т. е. фактической стратегии. Культурные факторы, которыми может руководствоваться актор в процессе принятия решения в данном контексте могут расцениваться как предпочтения. Итак, акторы взвешивают цены возможных выборов в процессе поиска, исходящего из определенного набора предпочтений, актуальной стратегии из диапазона структуры возможности.

Институциональные и культурные аспекты как непосредственные объясняющие факторы остаются за пределами аналитического пространства, очерченного четырьмя постулатами, которые выдвинул Т. Пиирайнен. Им предоставляется возможность проникать в аналитический процесс лишь косвенно, через посредство концептов предпочтения, структуры возможностей, обладания активами.

Применение парадигмы рационального выбора способствовало расширению познавательных горизонтов модернизационного анализа, проникновению его в сферу межличностных взаимодействий, которая реконструировалась на основе изучения действий отдельных людей и

небольших групп на микроуровне. В то же время необходимо признать наличие определенных ограничений данного подхода.

Характеризуя теорию рационального выбора, Ричард Мюнч (1992) писал: «Теория рационального выбора – долгожданное усовершенствование в социологической теории. Она способствует улучшению объяснительной мощи социологической теории в той мере, в которой нас интересуют экономические аспекты социальной жизни. Более того, мы можем с известной долей свободы допускать, что экономика присутствует повсюду, особенно в нашей современной социальной жизни, где экономический рационализм проникает фактически во все сферы общества. В связи с этим теоретики рационального выбора склонны применять свой подход к широкому массиву социальных явлений за пределами экономической сферы в ее узком смысле. Однако они терпят неудачу, как только берутся на основе собственного подхода воссоздать социальную жизнь в совокупности. В рамках теории рационального выбора они просто редуцируют тотальную сложность социальной жизни к понятиям экономического расчета и сделки, сложность современного общества – к простоте либерального общества. В действительности, теория рационального выбора объясняет лишь ограниченную область социальной жизни. Ее объяснительная способность ограничена экономическим измерением этой жизни. Всесторонняя социологическая теория должна связать теорию рационального выбора в более широком контексте с теориями, которые более адекватны применительно к областям социальной жизни за пределами экономической сферы»¹⁹.

Признавая ограниченность подхода рационального выбора, Т. Пириайнен стремится применять его только к той области, где его использование допустимо и где он дает твердую точку опоры для анализа постоянно меняющейся социальной действительности, то есть к изучению рыночных ситуаций, в рамках которых происходит перераспределение жизненных возможностей в постсоветской России. Акторная модель ориентирована на исследование преимущественно микросоциальных ситуаций и деятельностных практик. Структурные конструкции в значительной степени выпадают из орбиты ее внимания, выступая лишь в качестве некоторых условий или импликаций социальных действий. Таким образом, акторная модель вряд ли может рассматриваться в качестве теоретического конкурента многолинейной модели. Та и другая имеют специфические, лишь отчасти пересекающиеся, исследовательские ниши. Данные модели следует рассматривать в качестве дополняющих друг друга схем, применимых к соответствующим ситуациям, аспектам социальных процессов.

Структурационная модель

Структурационный подход, как уже отмечалось, представляет попытку синтеза структуралистской и деятельностной перспектив. В рамках структурационного подхода историческая (социальная) реальность рассматривается как следствие структурирования социальных отношений во времени и пространстве в процессе постоянной интеракции предшествующей структуры и индивидуальной воли. Собственно, вечное противоречие между социальными структурами (экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т.д.) и субъектами истории, наделенными волей и свободой выбора, между структурной детерминантностью и человеческими возможностями выходить за рамки установленных прошлым ограничений является фундаментальным вопросом современного обществознания (в западной социологии данное противоречие репрезентируется в виде дихотомии *структура и воля* или *структура и деятельность* – structure and agency). Суть проблемы, иначе говоря, сводится к объяснению того, как социальные субъекты («акторы»), сформировавшиеся в социальных структурах прошлого, приобретают способность выстраивать новые формы социальной организации и социальных отношений. Несмотря на то что в ходе исторического процесса человек оказывается в своеобразной тюрьме структур, его роль в истории невозможно свести к значению винтика, слепого исполнителя требований, предъявляемых силами, которые стоят над ним и от него не зависят. Человек обладает достаточно большими возможностями эксплуатации непоследовательностей, несвязностей давящих на него структур, он может выбирать контексты, его окружающие, и, таким образом, постоянно формировать и перестраивать свое окружение²⁰. Сторонники структурационного подхода стремятся оценить вклад в конструирование исторического процесса как структур, так и социальных действий, гармонизировать взаимодействие этих фундаментальных социальных факторов, замкнув их в своего рода логическом цикле структуры.

Попытку расширить горизонты модернизационного анализа за счет использования структурационного подхода предпринял шведский исследователь Г. Терборн в историко-социологическом исследовании «Европейская современность и за ее пределами: пути развития европейских обществ, 1945–2000» (Лондон, 1995)²¹. Обсуждая проблему идентичности европейской «современности» (сопоставление ее с другими «современностями», а также с «постсовременностью»), Г. Терборн, разработав на основе теорий действия (структурационная перспектива) и структурного подхода собственную ана-

литическую модель («компас, необходимый для ориентации в мирадах продолжающихся социальных процессов»), которую условно можно назвать *структурационной*.

По мнению Терборна, на социальный мир можно глядеть с двух выгодных позиций, высвечивающих свойственные человеку как актору составляющие – культуру и структуры. Человеческие общества, поясняет свой подход исследователь, состоят из индивидуальных и коллективных акторов, действующих в контексте (и воздействующих на) культуры и структур.

Под *культурой* автор понимает то, что усваивается и разделяется людьми, что относится к универсуму значений и символов, что обеспечивает внутреннее руководство к действию в рамках общества. *Структура* же рассматривается Терборном как способ типизации (структурирования) ресурсов и ограничений, доступных (или присутствующих) людям как социальным акторам. Люди действуют определенным образом именно потому, что они принадлежат к специфической культуре и / или потому, что они располагаются в специфическом месте в структуре ресурсов и ограничений. Вследствие того, что культурная принадлежность и структурная позиция рассматриваются в качестве главных объяснительных схем действия в социологии, Г. Терборн также уделяет существенное внимание культурным и структурным характеристикам.

В качестве наиболее значимых измерений структуры и культуры он идентифицирует следующие аспекты. *Структура*, по его мнению, прежде всего включает: 1) границы социальной системы и механизмы регулирования членства в ней; 2) позиционные модели в рамках социальной системы, которые, в свою очередь, определяются институционализированным обеспечением ресурсами и ограничениями; неинституционализированным, «неофициальным», возможно «девиантным», но тем не менее структурированным доступом или, напротив, недостатком доступа к ресурсам действия; структурированием вероятных наборов шансов, рисков или возможностей, на будущее. Ресурсы и ограничения приобретают ряд конкретных форм, которые, по мнению исследователя, могут быть определены как задачи, права и средства.

В состав *культуры* Г. Терборн включает: 1) ощущение тождества, понятие «Я» и «мы», которое подразумевает границу по отношению к другому или другим; 2) познание или познавательную компетентность, язык, обеспечивающий мышление, приобретение знаний и способность устанавливать коммуникацию с окружающим миром; 3) образцы оценивания, состоящие из наборов ценностей и норм, которые позволяют определять хорошее или плохое, что можно, а что

нельзя делать. Функционирование культуры обеспечивается символическими системами посредством процессов коммуникации.

Человеческие сообщества и социальные системы существуют во времени и пространстве, которые определяют ограниченность, конечность социальных процессов. Структуры и культуры человеческих сообществ, соответственно, имеют пространственные и временные измерения. Пространственные аспекты социальных структур и культур находят выражение в территориальном распространении, границах, территориальном распределении ресурсов и ограничений, идентификаций, знаний и ценностей. Время же характеризуется протяженностью, длительностью, временными рамками (границами), определяющими начала и окончания процессов, их согласованность или несогласованность, последовательность и ритмику. Ресурсы так же как, например, и идентичности могут характеризоваться продолжительностью, иметь начала и завершения во времени, располагаться в определенной последовательности, подчиняться определенному ритму, регулярному или нерегулярному.

Пространство и время имеют специфическое значение в перспективе исследования Европы и современности. Темпоральность анализируется Г. Терборном в ракурсе социальных концепций времени и их возможных трансформаций в течение исторического периода, т. е. в культурном контексте познания времени. Пространство рассматривается Г. Терборном с двух точек зрения: 1) как структурная, прежде всего экономическая, организация континента, 2) как территориально изменчивые культурные зоны. В первом случае акцент делается на проблемы интеграции, конвергенции или, напротив, дивергенции. Во втором – на распространение и взаимосвязь различных культурных показателей поверх существующих государственных границ.

На абстрактно-теоретическом уровне динамика социальных систем формулируется Терборном в терминах асимметричных отношений элементов, где ключевой элемент выделяется автономной вариативностью и преобладающим воздействием на другие. Что касается структуриации, то здесь роль ключевого элемента отводится Г. Терборном *средствам*, менее институционализированным по сравнению с задачами и правами, доступным в момент принятия решения, в отличие от шансов, которые проецируются в будущее. Наиболее динамическим элементом социальной системы исследователь считает знания. При этом, согласно предположению Г. Терборна, фактическая социальная динамика в значительной степени определяется экзогенными случайными факторами.

Структуры задач, прав, средств и рисков и культурные комплексы идентификаций, познавательных моделей и ценностей рас-

сма­три­ва­ют­ся Тер­бор­ном как базовые кон­сти­ту­и­ру­ю­щие из­ме­ре­ния соци­аль­ных систем. Струк­ту­ра­ция и ин­куль­ту­ра­ция (enculturation; дан­ный тер­мин – в от­ли­чие от «инерт­но­го» по­ня­тия *культура* – ис­поль­зу­ет­ся, ви­ди­мо, что­бы под­чер­кнуть актив­ность, под­виж­ность соци­о­куль­тур­ных про­цес­сов) трак­ту­ют­ся им как важ­ней­шие систем­ные про­цес­сы.

Струк­ту­раль­ные по­зи­ции (ло­ка­ли­за­ции в рам­ках струк­тур) и куль­тур­ные при­над­леж­но­сти соци­аль­ных ак­то­ров, в свою оче­редь, оп­ре­де­ля­ют властные потен­ци­алы послед­них. Раз­де­ле­ние за­дач, рас­пре­де­ле­ние прав, доступ к сред­ствам, глу­бина ощу­ще­ния иден­тич­но­сти, объ­ем релевантных знаний, – все это ока­зы­ва­ет ре­ша­ю­щее воз­дей­ствие на рас­пре­де­ле­ние вла­сти. Г. Тер­борн интер­пре­ти­рует вла­сть как способ ре­зю­ми­ро­вать на­бо­ры соци­аль­ных от­но­ше­ний или ре­сур­сов и огра­ни­че­ний соци­аль­ных ак­то­ров.

Струк­ту­ра­ция и ин­куль­ту­ра­ция, в рам­ках концеп­ции Г. Тер­бор­на, оп­ре­де­ля­ют на­прав­ле­ние и форму соци­аль­но­го дей­ствия, кол­лек­тив­но­го или ин­ди­ви­ду­аль­но­го, сила ко­то­ро­го детер­ми­ни­ру­ет­ся вели­чи­ной вла­ст­но­го потен­ци­ала ак­то­ров. Соци­аль­ное дей­ствие, в свою оче­редь, ока­зы­ва­ет воз­дей­ствие на соци­аль­ную систему, вос­про­из­во­дя или транс­фор­ми­ру­я ее, а со­от­вет­ствен­но, и прису­щие ей про­цес­сы струк­ту­ра­ции и ин­куль­ту­ра­ции. Струк­ту­раль­ные и куль­тур­ные след­ствия соци­аль­но­го дей­ствия мо­гут обес­пе­чи­вать под­дер­жа­ние, рас­ши­ре­ние, сжа­тие и даже ис­че­з­но­ве­ние соци­аль­ных систем. Та­ким об­разом, при­чин­ная логическая петля в рам­ках теоретической схемы Г. Тер­бор­на за­мы­ка­ет­ся, воз­вра­щая­ся вновь к соци­аль­ной системе, ре­гу­ли­ру­е­мой по­сред­ством про­цес­сов струк­ту­ра­ции и ин­куль­ту­ра­ции.

Ав­тор стре­мит­ся, опираясь на раз­ра­бо­тан­ную им теоретическую модель (адап­ти­ро­ван­ная к за­да­чам ис­сле­до­ва­ния модель, соз­дан­ная на основе модер­ни­за­ци­он­но­го и струк­ту­ра­ци­он­но­го под­хо­дов), эм­пи­ри­че­ские дан­ные и систематическую аргументацию, по­нять осо­бен­ности раз­ви­тия Евро­пы второй по­ло­ви­ны XX в., оп­ре­де­лить ее место в кон­тек­сте ми­ро­вой ис­то­рии. Фо­кус ис­сле­до­ва­ния Г. Тер­бор­на на­прав­лен на из­ме­не­ния струк­тур­ных и куль­тур­ных кон­тек­стов и форм су­ще­ст­во­ва­ния (об­разов жизни) жи­те­лей по­сто­во­ен­ной Евро­пы. Ав­тор рас­сма­три­ва­ет струк­тур­ные и куль­тур­ные усло­вия, формы соци­аль­но­го дей­ствия, по­след­ствия его для струк­тур и куль­тур. Про­из­во­дит­ся со­по­став­ле­ние мо­делей струк­ту­ри­ро­ва­ния и ин­куль­ту­ра­ции ре­зуль­та­тов соци­аль­но­го дей­ствия в ис­ход­ный (1945–1950 гг., в не­ко­то­рых слу­чаях ав­тор де­ла­ет экс­курсы и в более ран­ние пе­ри­оды вре­мени, в част­но­сти, в пред­во­ен­ную эпо­ху) и в конеч­ный (начало 1990-х годов) мо­мен­ты вре­мени. Ав­тор оза­бо­чен про­бле­мой специ­фи­ка­ции *совре­мен­ных* про­цес­сов струк­ту­ра­ции и ин­куль­ту­ра­ции, их

от­ли­чия от *пост­совре­мен­ных*. Одним из признаков за­вер­ше­ния эпо­хи со­вре­мен­но­сти (modernity), по м­не­нию Г. Тер­бор­на, может счита­ться эрозия ори­ен­ти­ро­ван­ной в бу­ду­щее концеп­ции вре­мени. Од­на­ко, как счита­ет ис­сле­до­ва­тель, это­го не­до­статоч­но, не­об­хо­ди­мо также иден­ти­фи­ци­ро­вать основ­ные струк­ту­раль­ные и куль­тур­ные осо­бен­ности исторической эпохи.

Совре­мен­ные про­цес­сы струк­ту­ра­ции, счита­ет Тер­борн, от­ли­ча­ют­ся стремительным ростом – не ли­ней­ным, но вклю­ча­вшим кон­ьюн­ктур­ные ко­ле­ба­ния – ре­сур­сов, в том числе тех, ко­то­рые пред­на­зна­че­ны огра­ни­чи­вать дру­гих. Г. Тер­борн утвер­жда­ет, что пре­к­ра­ще­ние роста может рас­сма­три­вать­ся как сви­де­тель­ство за­вер­ше­ния исторической эпохи. В усло­ви­ях со­вре­мен­но­сти струк­ту­ра­ция за­дач вклю­ча­ла пре­жде всего диф­фе­рен­ци­а­цию или специ­а­ли­за­цию и деа­гра­ри­а­ни­за­цию (т. е. па­де­ние значе­ния за­дач обес­пе­че­ния про­до­воль­ст­ви­ем). В дан­ном ра­кур­се евро­пей­ская специ­фика на­шла вы­ра­же­ние в осо­бом под­чер­ки­ва­нии значе­ния ин­ду­стри­аль­ных за­дач в рам­ках поста­гра­р­но­го об­ще­ства. Что ка­са­ет­ся средств, то в об­ще­стве modernity они про­де­мон­стри­ро­ва­ли чрез­вы­чай­ный рост, более рав­но­мер­ное рас­пре­де­ле­ние по срав­не­нию с тради­ци­он­ным аграр­ным об­ще­ством. Тем не менее, значительные вариации и различия дан­но­го по­ка­за­те­ля со­хра­ня­лись в раз­ные пе­ри­оды исторической эпохи и в раз­ных го­су­дар­ствах.

Совре­мен­ность ха­рак­те­ри­зо­ва­лась расту­щей эман­си­па­цией, что вы­ра­зи­лось в рас­ши­ре­нии прав лич­но­сти, гра­ждан, жен­щин, тру­дя­щих­ся, эт­но­сов. Пре­к­ра­ще­ние дан­но­го про­цес­са, по м­не­нию Г. Тер­бор­на, и упа­док обя­зан­но­стей мо­гли бы озна­чать смену исторической эпохи.

Для Евро­пы, как счита­ет ис­сле­до­ва­тель, в го­раз­до боль­шей сте­пени, чем для дру­гих ре­ги­о­нов со­вре­мен­но­сти, была прису­ща струк­ту­ра­ция за­дач, средств и прав в классовой терми­но­ло­гии (класс оп­ре­де­ля­ет­ся со­во­куп­но­стью эконо­ми­че­ских за­дач и под­дер­жи­ва­ет­ся мно­же­ством средств и прав, обес­пе­чи­ва­ю­щих осу­ще­ст­в­ле­ние эконо­ми­че­ских за­дач). Дан­ная модель струк­ту­ра­ции го­раз­до боль­ше от­ли­ча­ет­ся от об­раз­цов, основанных на принципах эт­ни­че­ской при­над­леж­но­сти или род­ства, не­жели от тех, ко­то­рые ба­зи­ру­ют­ся на ин­ди­ви­ду­аль­ном прин­ци­пе.

Рост рисков непосредственно связан с рас­ши­ре­нием «второй природы», т. е. ис­кус­ст­вен­ной, скон­ст­ру­и­ро­ван­ной че­ло­ве­ком, среды. Значимость рисков, их не­рав­но­мер­ное рас­пре­де­ле­ние пре­вра­ти­лись в важ­ные ха­рак­те­ри­сти­ки со­вре­мен­ной эпо­хи со вре­мен ур­ба­ни­за­ции и кон­цен­тра­ции ра­боче­го класса, соз­дав­ших серь­ез­ные угрозы здо­ро­вью лю­дей. Кар­ди­наль­ное из­ме­не­ние в дан­ной области

также, по мнению Г. Терборна, можно было бы рассматривать в качестве важной трансформации современности.

В культурном плане современность включила, прежде всего, изменения, изменчивость идентификаций, познавательных моделей и ценностных установок между поколениями и группами людей. Утверждение одного устойчивого образца, альтернативного беспорядочным вариациям, полагает Г. Терборн, можно было бы квалифицировать как знак завершения эпохи современности. Становление современных моделей идентификации способствовало обеспечению тождеств индивидуальности и избранных коллективов. В то же время современные концепции идентификации допускали возможность поиска подлинного тождества в открытии себя и признания значимости собственной жизни, в реализации индивидуальных интересов. Стирание граней между подлинностью и неподлинностью, по мнению Г. Терборна, влечет за собой появление новых механизмов идентификации, отличных от тех, которые сопровождали становление общества модерна. Познание эпохи *modernity* было подчинено непрерывному росту и накоплению, процессам. Долговременный застой в области познания или опровержение накопленных знаний могли бы означать познавательный разрыв в культуре современности. Что касается ценностей и норм, то современная эпоха, в отличие от предшествовавшего периода, обеспечила их «просвещение», т. е. обоснование, опирающееся на рассудок, а не на божественное предначертание или унаследованную традицию, а также дифференциацию ценностей от познания и различных типов норм. Соответственно, расширение обращений за помощью к власти и де-дифференциация ценностей и норм, как полагает Г. Терборн, могли бы означать трансформацию процессов, типичных для современности²².

Структурационная модель в теоретическом плане более содержательна по сравнению с структуралистскими и акторными моделями, ее отличают более широкие теоретические рамки, которые позволяют исследовать те стороны социальной действительности, на познание которых раздельно претендовали структуралистские и акторные подходы. Проблемой структурационного подхода является практическая организация исследования, интеграция анализа различных уровней социальной реальности, который зачастую по-прежнему осуществляется дифференцированно.

Указанные теоретические инновации заставили по-новому взглянуть на такие приписываемые изначально модернизации характеристики, как *необратимость*, *прогрессивность*, *протяженность* и *эволюционность*, *гомогенизирующий эффект*. В литературе отмечается теоретическая сомнительность и дискуссионность, и других характеристик процесса модернизации. Так, С. Дьюб критически оце-

нивает приписывание процессу модернизации параметра *глобальности*. Исследователь справедливо пишет, что, несмотря на широкую диффузию, блага модернизации по-прежнему недоступны для значительной части населения земного шара. Он сомневается в возможности реализации идеала равномерной модернизации в глобальном масштабе. Пользуясь метафорой А. Тоффлера, он пишет, что в то время как небольшая часть человечества движется от «второй волны» к «третьей», две трети его все еще вынуждены оставаться частью «первой волны». Аспект *гомогенизации* также, по мнению С. Дьюба, вызывает вопросы. Он противопоставляет ставшему привычным описанию современного мира как «большой деревни» рост национализма и многообразие культурного сознания, указывает на политику супердержав, водоворот напряженности и конфликтов, в которые погружены развивающиеся страны, как на препятствия на пути к глобальной гомогенизации. Рост фундаментализма и контрмодернизационных идеологий во многих обществах ставит, по мнению С. Дьюба, под сомнение такую характеристику модернизации, как *необратимость*. Наблюдающийся рост индивидуальной отчужденности и социальной аномии, дисфункциональности множества социальных институтов, насилия, ослабление нормативной структуры общества превращают в дискуссионную и такую характеристику модернизации, как ее *прогрессивность*²³.

Использование модернизационной парадигмы в качестве познавательной модели ставит ряд дилемм. Одна из них может быть сформулирована как *системность VS односторонность*. Классическая версия модернизационной перспективы исходила из того, что модернизация – комплексный и системный процесс инновационных изменений фактически во всех областях человеческой мысли, поведения, общественного устройства. *Системность* предполагала соотношение и взаимосвязь изменения одной из движущих сил модернизации с прочими факторами. Атрибуты модернизации, согласно представлениям сторонников данной парадигмы, формируют связанное целое, появляясь скорее в кластерах, нежели в изоляции; как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, это неизбежно вызывает соответствующие изменения в других сферах; взаимосвязанные изменения происходят более-менее одновременно; трансформация одной из общественных подсистем должна стимулировать адекватные преобразования других подсистем, что в конце концов резюмируется в общем ходе эволюции общества. Сама эволюция в данном теоретическом контексте дирижируется некими объективными, не зависящими от человека, детерминантами, в которые вложена своеобразная цель – более высокий уровень общественного развития.

Между тем вряд ли есть основания рассматривать модернизацию как телеологическую эволюцию. Исторический процесс осуществляется как конструирование социальных отношений в пространстве и времени в результате интеракции между структурной детерминантностью и индивидуальной волей. Объясняемая объективность не отражает его содержания во всей полноте. Поддающееся пониманию волеизъявление индивидуальных агентов, способных трансформировать социальную структуру, — также неотъемлемая составляющая исторического процесса. Данное обстоятельство объясняет существование проблем методологического характера относительно характера связей между социальными, экономическими, демографическими, политическими и прочими переменными. Например, проблемой является установление характера причинной зависимости между экономическими и социальными изменениями (которые в каком-то смысле являются «объективными») и политическими сдвигами, которые обычно являются результатом сознательных человеческих усилий и проявлением свободы воли. Взаимоотношения между макросоциально-экономическими изменениями и макрополитическими сдвигами опосредуются микроизменениями на уровне установок, ценностей, поведения индивидов. Участие произвольной компоненты (деятельность) в организации исторического процесса существенно увеличивает риски эскалации несистемности модернизационных сдвигов. «Объемы» сдвигов в различных областях — величины не скалярные, а векторные, и они вступают в резонанс лишь в том случае, если направления их действия совпадают.

На самом деле, системные сдвиги осуществляются далеко не всегда (можно вспомнить афоризм Станислава Ежи Леца «в действительности все не так, как на самом деле»). Историческая конкретика предоставляет множество примеров, когда модернизационные изменения в одной из социальных сфер не вызывают адекватных трансформаций в общественном теле *in concreto*, или когда адекватные реакции настолько запаздывают (временной лаг может достигать как десятилетий, так и столетий), что вопрос о системности модернизации просто теряет смысл. Динамика развития стран т. н. «догоняющей» модернизации — это непрерывный процесс односторонних, односторонних трансформаций или реакций, далеко не соответствующих стандартам модернизации. Можно вспомнить такие механизмы мобилизации населения в имперской и советской России как крепостничество, отработочная система, принудительный труд в условиях социализма, который квалифицируется некоторыми авторами как «неофеодализм».

Изучение роли образования в ходе модернизации в странах «третьего мира» даст многочисленные примеры несоответствия об-

разовательных институтов и их функционирования импульсам модернизации, которое может длиться достаточно долго и в перспективе приводить к сбоям модернизации: непропорциональное распределение ограниченных ресурсов между сферой образования и прочими подсистемами общества; несоответствие качества и профиля подготовки, количества выпускаемых специалистов потребностям национальной экономики и в целом общества; противоречия между характером и ценностными установками системы образования, с одной стороны, и общественными потребностями, с другой стороны (например, ориентация учащихся и специалистов на ценностные установки иной страны, не соответствующие актуальным проблемам внутреннего развития); уродливое воздействие образовательного фактора на распределение доходов, приводящее к воспроизведению и даже росту неравенства и абсолютного обнищания; стимулирование миграции населения из деревни в город, приводящее к росту городской безработицы; «утечка умов» из бедных в богатые страны; несоответствия и противоречия между субкультурой и идеологией образовательных институтов и общенациональной культурой (например, космополитизм высших учебных заведений, VS национализм как идеология модернизации во многих развивающихся странах)²⁴.

Следующая дилемма выглядит как *эндогенность VS экзогенность*. Модернизационная перспектива, выросшая из эволюционизма, традиционно уделяла преимущественное внимание эндогенным факторам развития. Классическая модернизационная парадигма отводила незначительное место проблемам международного порядка, интерсоциальных взаимоотношений, «динамики сопоставлений различных обществ», ее исследовательский фокус был направлен в первую очередь на внутренние, эндогенные факторы модернизации. В орбиту внимания представителей ранней школы модернизации практически не входили международные аспекты национализма и национальной идентичности. Немногие авторы пытались исправить этот недостаток²⁵.

Между тем экзогенные аспекты невозможно было обойти при обсуждении вопросов смены традиционных институтов и ценностей новыми, модернистскими, даже несмотря на то, что, как оказалось, традиционные формы обладают колоссальным трансформативным и адаптивным потенциалом, позволяющим им гибко приспосабливаться к новым — модернистским — функциям. Конкретно-исторические исследования показали, что широкое распространение индустриализации (перенос технологий, организационных систем) во многом обязано именно экзогенным аспектам, в частности диффузии, а не внутреннему независимому процессу социальных изобретений²⁶. Общеизвестна существенная роль диффузии, импорта институтов в

ходе петровской модернизации в России и мэйдзийской – в Японии. Оба случая в высшей степени интересны как исторические примеры преднамеренных, очевидных и систематических процессов копирования и избирательного включения институциональных практик и идей, заимствованных за рубежом.

При этом Д. Уэстни считает, что мэйдзийская Япония являлась лишь примечательным примером исторически гораздо более распространенного явления. Она утверждает, что фактически все общества, по крайней мере, все нации-государства с конца XVIII в. и начала XIX в. широко копировали «организационные формы» в других обществах. По мнению Д. Уэстни, межсоциальное подражание («cross-societal emulation») уже в конце XIX столетия тесно связало западные общества и обеспечивало их определенную конвергенцию: «значительным было подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами (особенно в военной сфере) и оправдываемое идеологиями, которые подчеркивали однонаправленность и «прогресс» исторической эволюции»²⁷.

Реализация на практике (в странах «третьего мира») программы модернизации столкнулась с непредвиденными трудностями. Помимо «внутренних» барьеров, существовали и «внешние». Дело в том, что осуществив формально политическую деколонизацию, бывшие имперские державы в лице «мультинациональных корпораций» (позднее эволюционировавших в «транснациональные корпорации» или ТНК) сохранили экономические интересы в экс-колониях. Группы ТНК, как основные потребители и переработчики сырья, были в состоянии контролировать международный рынок, что крайне затрудняло возможности «молодых наций» аккумулировать капиталы для инвестирования их в развитие собственной инфраструктуры. Недооценка представителями модернизационной перспективы этого международного экзогенного контекста стала основной причиной острой критики со стороны ученых, разделявших представления *миросистемной* школы и *теории зависимости*.

Несомненно стимулирующее воздействие внешних факторов (изматывающая конкуренция между социалистическим и капиталистическим лагерем; сопоставление советскими людьми жизненных уровней в социалистических и западных странах; война в Афганистане, ставшая для Советского Союза чем-то вроде Вьетнама или Алжира; целенаправленная политика США на подрыв могущества СССР; импорт зарубежного институционального и политического опыта; неэквивалентный обмен ресурсами с зарубежьем) на процессы грандиозных трансформаций, приведших к распаду СССР и формированию нового социально-политического порядка на постсоветском пространстве.

В 1990-е годы, после окончания холодной войны, ученые в полной мере стали осознавать значение кросс-социетальной коммуникации, межрегиональных, кросс-социетальных и кросс-коммунальных заимствований²⁸. Роланд Робертсон, опираясь на понятие «селективной восприимчивости» (ориентированный на определение способов, посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами), разработывает свой концепт «селективной инкорпорации», которым предлагает дополнить «межсоциетальное подражание» Д. Уэстни. Как считает Р. Робертсон, именно подражание и / или инкорпорации стали центральными компонентами в процессах формирования и трансформации обществ во всем мире. Он вводит в научный оборот еще одно понятие – «сравнительная динамика» – для обозначения процесса, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ. Именно «сравнительная динамика», считает Р. Робертсон, дает преимущественно отдельным сообществам, способствует их росту в отдельные периоды времени, превращению в общества-лидеры и образцы для копирования. Вообще, по мнению Р. Робертсона, систематическое, насколько это возможно, понимание путей, посредством которых сравнение стало естественным аспектом строительства и трансформации наций-государств, является главной задачей социальных мыслителей конца XX в. Лишь выполнив эту задачу, считает он, мы сможем «вернуть модернизационную перспективу обратно» в сферу социальной науки. При этом решение указанной задачи требует от исследователей комплексного постижения того, каким образом в действительности осуществляются сравнения с так называемыми «референтными обществами» (терминология Р. Бендикса); каким образом в обществе происходит конкурентная борьба и возникают конфликты по поводу того, что и до какой степени необходимо заимствовать; каково при этом институциональное положение влиятельных акторов; какую роль играют интеллектуалы и т.д.²⁹

В целом современная модернизационная школа уделяет большее, чем прежде, внимание экзогенным, международным, факторам; учеными не отрицается существенная роль, которую они играют в модификации процессов развития. Однако, как нам представляется, экзогенной переменной должен быть придан равноправный теоретический статус, наряду с эндогенными переменными, и она должна быть интегрирована в теоретическую модель, взаимоувязана с прочими переменными.

Третья дилемма может быть сформулирована как *дихотомичность VS непрерывность*. Представители классической модернизационной перспективы исходили из жесткого противопоставления

«традиционности» и «современности», традиционных и современных обществ. Однако многочисленные исследования историков, антропологов, экономистов убеждают в необоснованности подобного дихотомического ригоризма. Доказано, что, с одной стороны, многие модернистские институты и ценности зарождаются в традиционном контексте, а с другой стороны, традиционность, интегрируясь в модернизационный процесс, обеспечивает его стабильное протекание и эффективность. Современные ученые уже не рассматривают *традицию* и *современность* как взаимоисключающие концепты; в исследованиях последнего времени *традиция* и *современность* не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой; ученые обнаружили запутанный клубок взаимоотношений между *традицией* и *современностью*. Вместо прежнего третирования традиций как препятствий для модернизации исследователи делают попытку рассмотреть конструктивное значение традиций в процессе модернизации. Модернизационные траектории различных обществ, как это показали проведенные эмпирические и компаративные исследования, в большинстве случаев конгруэнтны своим традиционным социокультурным и институциональным наследиям. Концепция «зависимости от пути развития», разработанная в рамках экономической неоинституциональной теории³⁰, акцентирует внимание на этой особенности исторического процесса. В свете вышесказанного представляется научно оправданным и перспективным, наряду с дихотомическим разведением *традиционности* и *современности*, рассмотрение процесса модернизации как непрерывного, преемственно связанного.

Примечания

¹ Moore W.E. Social Change. N.Y., 1974; Germani G. The Sociology of Modernization. New Brunswick, N.Y., 1981; Chirot D. The Rise of the West // American Sociological Review. № 50. 1985. P. 181–195; Chodak S. Societal Development. N.Y., 1973; Kerr C. The Future of Industrial Societies. Cambridge, Mass., 1983.

² Black C.E. The Dynamics of Modernization. N.Y., 1967; Bellah R.N. Religion and Progress in Modern Asia. N.Y., 1965.

³ См.: Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991; Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998; Она же. Модернизация и хозяйственная культура (концепция М. Вебера и современные теории развития) // СОЦИС. 1997. № 4. С. 46–54.

⁴ Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader / Ed. by C.E. Black.

New York; London, 1976. P. 28; So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 18–23; также см.: Ковалев А.Д. Формирование теории действия Толкотта Парсонса // История теоретической социологии. М., 1998. Т. 3. С. 176–178; Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998. С. 37–39; Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. Казань, 1997. С. 212–214.

⁵ Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York; London, 1965. P. 438.

⁶ Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 67–68; В другой работе С. Блэк предлагает несколько отличную схему периодизации: 1) предпосылки модернизации; 2) социетальная трансформация; 3) продвинутая модернизация; 4) международная интеграция (See: Comparative Modernization: A Reader / Ed. by C.E. Black. N.Y., London, 1976. P. 8).

⁷ Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; Idem. Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971; Lerner D. The Passing of Traditional Society...; Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966; Black C.E. The Dynamics of Modernization...; Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. При описании линейной модели модернизации мы опирались на исследование С. Хантингтона, охарактеризовавшего данную модель девятью признаками (Huntington S.P. The Change to Change... P. 30–31).

⁸ Apter D.E. The Politics of Modernization. University of Chicago Press, 1965.

⁹ Moore B., Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966.

¹⁰ See: Frank A.G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. N.Y., 1969.

¹¹ See: Wallerstein I.M. The Modern World System. N.Y., 1974–1980. Vol. 1–2.

¹² Rueschemeyer D. Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons / Ed. by J.C. Loubser et al. N.Y., 1976. Vol. 2. P. 756–772; Цит. по: Волков Л.Б. Теория модернизации – пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие (Обзор англо-американской литературы) // Критический анализ буржуазных теорий модернизации. Сборник обзоров. М., 1985. С. 72–73. Необходимо признать, что Р. Бендикс уже в 1960 гг. признавал, что реальный процесс модернизации протекает как «частичный» (See: Bendix R. Tradition and modernity reconsidered // Comparative studies in society and history. Hague, 1967. Vol. 9. № 1. P. 330).

¹³ Цит. по: Волков Л.Б. Теория модернизации... С. 74.

¹⁴ Huntington S. Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly. 1984. № 99. P. 193–218.

¹⁵ Davis W. Religion and Development: Weber and East Asia Experience // Understanding Political Development. Boston, 1987. P. 221–279.

¹⁶ Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; New York: De Gruyter, 1995; Со А.У. Social Change and Development...; Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // СОЦИС. 1998. № 8. С. 16–17; Штомпка П. Социология социальных изменений; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998; Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 267–268.

¹⁷ Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. University of Helsinki, 1997.

¹⁸ Ibid. P. 41.

¹⁹ Ibid. P. 45.

²⁰ См.: New Perspectives on Historical Writing / Ed. by P. Burke. Cambridge, 1993. P. 233–248; Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.

²¹ Therborn G. European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945–2000. London, New Delhi: Sage Publications, 1995.

²² Ibid. P. 7–15.

²³ Dube S.C. Modernization and Development... P. 4–5.

²⁴ Тодаро М.П. Экономическое развитие. М., 1997. С. 348–353; Shils E. Modernization and Higher Education // Modernization: The Dynamics of Growth. New York, London: Basic Books Inc., 1966. P. 83–97.

²⁵ Nettl J.P., Robertson R. International Systems and the Modernization of Societies: The Formation of National Goals and Attitudes. New York: Basic Books, 1968.

²⁶ See: Vago S. Social Change... P. 134.

²⁷ Westney D.E. Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns to Meiji Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.

²⁸ Robertson R. Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization... P. 218.

²⁹ Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications, 1992; Idem. Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization... P. 216–218, 226–231.

³⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: Институциональный анализ. М., 2004; Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Институционализм в новой экономической истории // Институциональная экономика. М., 2005. С. 242–289.

Глава 2. ВРЕМЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

1. МОДЕЛЬ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу был накоплен на протяжении второй половины XX в. в рамках модернизационной перспективы. В целом модернизационной парадигме присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятий «традиция и современность», оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей. При этом модернизационная парадигма, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма, прошла длительный путь совершенствования¹. В рамках парадигмы модернизации было разработано множество теоретико-методологических и дисциплинарных подходов, призванных объяснять различные аспекты процессов развития.

Классическая версия структурно-функциональной дифференциации (Н. Смелзер)

Большую популярность в рамках модернизационного подхода получила модель структурно-функциональной дифференциации, призванная объяснить механизм перехода от традиционного к обществу модерна. В рамках данной модели процессы структурной и функциональной дифференциации трактуются как неизбежные, «естественные». Сторонники данной модели признают возможность некоторого замедления, торможения или даже временной приостановки модернизации, которая, тем не менее, все равно в конце концов должна найти продолжение (для этого необходимо лишь выявить и устранить, минимизировать воздействие тормозящих структурно-функциональную дифференциацию факторов).

В основе теоретической схемы, предложенной в середине XX в. для объяснения процессов модернизации, лежал дихотомический принцип, радикальное противопоставление традиционного («агркультурного») и современного («индустриального») обществ, параметры которых обычно описывались как диаметрально противоположные (например, Ф. Саттон, М. Леви)². Предполагалось, что в ходе модернизации происходит полная перестройка общества, касающаяся его институциональных и социокультурных основ.

Подобный дихотомический подход формировал крайне пессимистический взгляд на перспективы использования интегративных механизмов, существовавших в традиционном обществе, в процессе модернизации. Традиционные институты и ценности рассматривались в качестве барьеров, которые в ходе модернизации должны подвергнуться эрозии, мутации, трансформации. Проблема барьеров модернизации получила широкую разработку в литературе. Возможно, наиболее детальную инвентаризацию препятствий переменам в социальном, культурном и психологическом аспектах предпринял американский социолог Джордж М. Фостер. Последний выделил *социальные* (групповая солидарность: взаимные обязанности в рамках семьи, фиктивное родство (fictive kin), дружественные связи, малые группы, общественное мнение, клановые разборки, статусные интересы; устоявшиеся местные авторитеты: семейные, политические, неординарных личностей; кастовые и классовые барьеры и т.д.), *культурные* (ценности и ориентации: традиции, фатализм, культурный этноцентризм, чувства гордости и достоинства, нормы скромности, локальные ценности; структура культуры: логическая несовместимость культурных характеристик и непредвиденные последствия планируемых инноваций; моторные образцы и привычные телесные позиции) и *психологические* барьеры, относимые к категории межкультурного восприятия (восприятие характера власти, отношение к подаркам, дифференциации ролей и т.д.; коммуникативные трудности: языковые, демонстрируемые предупреждения об опасности и т.д.; проблемы переобучения и т.д.)³.

Вызовы модернизации по отношению к традиционным социальным единицам выступали как разрушительные. Модернизация и сопровождавшие ее интенсификация социальной мобилизации и социально-структурные сдвиги понимались как процессы, в ходе которых «кластеры старых социальных, экономических и психологических обязательств подвергаются эрозии и разрушению, и появляются новые модели социализации и поведения» (Ш. Эйзенштадт, Э. Десаи).

Для описания процесса перехода от традиционного к индустриальному, современному обществу была предложена концептуальная

схема структурно-функциональной дифференциации. В основе данной схемы лежала идея разделения труда Э. Дюркгейма, которой был придан всеобъемлющий социетальный характер в работах Т. Парсонса 1950–1960-х годов. Согласно Т. Парсонсу, развитие общества может быть измерено в понятиях «общей адаптивности» человечества к условиям внешней среды. Он доказывал, что достижение большей адаптивности возможно путем увеличения функциональной дифференциации социальной системы или организации⁴.

Окончательное оформление схема структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации получила в трудах Нейла Смелзера⁵. Н. Смелзер определяет структурную дифференциацию как процесс, посредством которого «одна социальная роль или организация... дифференцируется в две или более роли или организации, которые функционируют более эффективно в новых исторических условиях»; «новые социальные единицы структурно различны, но в совокупности являются функциональным эквивалентом первоначальной (неразделенной. – И.П.) социальной единицы»; т.е., согласно Н. Смелзеру, это переход от многофункциональной ролевой структуры к набору более специализированных структур⁶.

Смелзер предлагает рассматривать структурную дифференциацию широко, не ограничивая ее лишь технологической специализацией. По мнению ученого, структурная дифференциация тесно связана с социальным процессом модернизации в целом; данная связь обнаруживает себя в том, что для каждой социальной функции можно подобрать определенный набор структуральных условий, при наличии которых достигается оптимум в ее обслуживании.

Таким образом, модель структурной дифференциации позволяет представить модернизацию как процесс приобретения структурной независимости социальными функциями. Традиционные социальные единицы, по мнению Н. Смелзера, выполняли множество разнообразных функций. По мере же модернизации возникают специальные социальные единицы для сепаратного осуществления социальных функций.

Использование модели структурной дифференциации позволяет продемонстрировать, как в процессе модернизации происходит трансформация традиционных социальных структур – семьи и общины. Так, согласно Н. Смелзеру, традиционная семья, имевшая условленную структуру (большая и многопоколенная, включавшая родственников, живущих под одной крышей), выполняла множество функций, была многофункциональной. Она отвечала не только за репродукцию и эмоциональную поддержку, но и за производство (домохозяйство), образование (неформальная родительская социализация).

зация), социальное благополучие (забота о старших), отправление религиозных потребностей.

В процессе модернизации семья подвергается структурной дифференциации. Существенно упрощается ее структура: происходит переход от расширенной семьи к небольшой по размерам, нуклеарной; ослабевает влияние и контроль со стороны стариков и родственников. Модернизированная семья освобождается от выполнения множества социальных функций, которые прежде реализовывались в рамках традиционной семьи, и таким образом сама становится более специализированной социальной единицей.

Вероятно, один из наиболее важных subprocessов модернизации связан с отделением экономической деятельности от семейных, родственных связей и зависимостей. В традиционных обществах функция производства осуществляется преимущественно в родственных коллективах — домохозяйствах; преобладает потребительское сельское хозяйство; прочие виды производства, например, промыслы, играют вспомогательную роль и обычно размещаются в рамках семьи и деревенской общины. Последние также являются также основным местом осуществления операций обмена (реципрокного) и потребления, лишь в незначительной степени выходящих за границы семьи и селения (например, стратификационная редистрибуция в соответствии с кастовой принадлежностью; выплата налогов, дани, принудительный труд, осуществляемые в рамках политической системы). Таким образом, в условиях традиционного общества товарно-денежные отношения развиты слабо, роль денег как дирижера экономического развития, регулировавшего потоки товаров и услуг, была невелика.

В процессе модернизации начинается отделение производственных функций от семьи (домохозяйства) и общины. Внедрение товарных культур в сельском хозяйстве содействовало дифференциации между социальными контекстами производства и потребления; распространение наемного труда в аграрной сфере подрывало основную производственную единицу традиционного общества — семейное домохозяйство.

В сфере промышленности Н. Смелзер, опираясь на работу Ж. Боека, выделяет несколько фаз (уровней) дифференциации: 1) домашняя промышленность, существующая параллельно с потребительским аграрным производством для обеспечения собственных потребительских нужд трудящегося; 2) ремесленное (кустарное) производство, связанное с разделением производства (вероятно, на заказ) и потребления (при этом нередко потребление локализуется в пределах той же сельской общины); 3) рассеянная промышленность (мануфактура) связывается Смелзером с дифференциацией между по-

треблением и поселением (продукция производится на рынок, для анонимного потребителя; путь от производителя до потребителя опосредуется оптовым торговцем, который аккумулирует в своих руках сырье, необходимое для изготовления конечных товаров); 4) мануфактурное и фабричное производства, осуществляющие окончательное отделение работника от капитала и зачастую от семейства.

Определенный интерес представляет сопоставление схемы структурной дифференциации в промышленности Смелзера-Боека и фаз перехода от феодального к индустриальному обществу, разработанных в рамках концепции протоиндустриализации. Последняя явилась итогом поиска аграрных корней процесса индустриализации и обсуждения развития промышленного производства (обычно в сельской местности) в период, предшествующий промышленному перевороту. Само понятие протоиндустриализации было введено Ф. Мендельсом в начале 1970-х годов; его исследование взаимоотношений между крестьянскими домохозяйствами и текстильной промышленностью во Фландрии послужило моделью для многих последующих работ. Важными вехами в разработке концепции протоиндустриализации стали коллективный труд геттингенской группы «Индустриализация до индустриализации» (П. Кридте, Х. Мэдик, Ю. Шлюмбом) и сборник «Производство в городе и в деревне» английских ученых (М. Берг, П. Хадсон, М. Соненшер). В 1980–1990 гг. вклад в развитие концепции протоиндустриализации внесли экономические историки из университета Упсалы (Швеция). Сторонники концепции протоиндустриализации акцентировали свое внимание на проблемах расширения рынка, взаимодействий между городом и деревней, между аграрным и промышленным секторами, а также между демографическим поведением и менявшимся материальным положением трудящихся. Ю. Шлюмбом предложил идентифицировать несколько этапов в процессе протоиндустриализации, используя в качестве критерием проникновение капитала в сферу производства с целью получения прибыли. Предложенная им схема также может быть интерпретирована в терминологии структурной дифференциации; при этом дифференцирующим фактором выступает капитал, постепенно присваивающий различные компоненты процесса производства и оттесняющий непосредственного производителя (в дальнейшем данная схема была детализирована шведским исследователем А. Флореном, рассмотревшим динамику отношений власти-контроля над элементами производства со стороны производителя и не-производителя). Согласно Ю. Шлюмбому, в ходе протоиндустриализации выделяются этапы: 1) простого товарного производства (производитель приобретает свое собственное сырье, владеет орудиями производства и готовой продукцией, полностью распоряжает-

ся как собственным трудом, так и оставшейся рабочей силой домохозяйства; он продает результаты своего труда на рынке за деньги, которые использует для приобретения нового сырья и потребительских товаров; целью производства является потребительская стоимость); 2) «кауфсистем» (капитал вступает во взаимодействие с производителем путем приобретения у него готовой продукции для ее дальнейшей продажи на удаленных рынках; данная фаза характеризуется установлением первых контактов между производством и обращением (капиталом); при этом производство еще играет решающую роль); 3) «путтин-аут-систем» или «ферлагсистем» (на данной стадии капитал выходит за пределы обращения, то есть торговли, и усиливается процесс его проникновения в сферу производства; торговец, становящийся поставщиком сырья производителю, превращается в «путтера»; в некоторых случаях «путтер» становится владельцем орудий труда, которыми пользовались сельские ремесленники, в результате чего последние постепенно превращались в работников, вынужденных продавать свой труд за часть стоимости); 4) мануфактура централизованная (на данной стадии происходит централизация производства в одном производственном центре — капиталистической мануфактуре; ныне владелец капитала осуществлял контроль над производителями, которые уже не могли самостоятельно продавать товары и были вынуждены продавать свой труд; данная модель давала возможность капиталисту начать посредством интенсификации разделения труда модификацию производственного процесса, ликвидируя его ремесленнические корни). Реагируя на замечания оппонентов по поводу телеологического характера предложенной схемы, Ю. Шлюмбом утверждал, что ее следует рассматривать в качестве тренда, не отрицающего возможности других маршрутов динамики. Фазы Ю. Шлюмбома сопоставимы с уровнями структурной дифференциации Смелзера-Боека. Так, простое товарное производство Шлюмбома соответствует домашнему и ремесленному производству Смелзера-Боека; «кауфсистем» и «путтин-аут-систем» — находят соответствие в рассеянной промышленности Смелзера-Боека; наконец, последние фазы обеих схем (мануфактурное производство) совпадают почти зеркально⁸.

Итак, производственная функция в значительной степени делегируется предприятиям и учреждениям; члены семьи покидают домохозяйство (а нередко и свою деревенскую общину) в поисках трудоустройства на рынке рабочей силе; семья, таким образом, постепенно перестает быть производственной единицей.

Процессы дифференциации одновременно охватывают и сферу обмена. Обмен товарами и услугами все в большей степени опосредуется рынком; рыночные (денежные) механизмы экономического

развития вытесняют прежние традиционалистские (религиозные, политические, семейные, кастовые регулятивы), что способствует относительной автономизации экономической системы.

Функция формального обучения переходит к школе; роль ученичества в рамках семьи понижается. Правительство берет на себя функции социальной защиты стариков, инвалидов, нетрудоспособных и т.д. Семья, освободившаяся от множества прежних функций, концентрируется на обеспечении эмоциональной поддержки и социализации.

Каждое из социальных учреждений (институтов), взявших на себя выполнение какой-либо из функций, прежде реализуемых в рамках традиционной семьи (или общины), создает собственную властную структуру, собственный комплекс поведенческих норм, системы поощрений и наказаний. Каждый институт специализируется на выполнении одной функции, и в совокупности они выполняют эти функции более качественно, чем это делала прежде семейная структура. Соответственно, считал Н. Смелзер, модернизированное общество характеризуется более высокой производительностью труда, более качественной системой обучения и более совершенной системой социального обеспечения по сравнению с традиционным обществом. Таким образом, структурная дифференциация, согласно схеме Н. Смелзера, подрывает традиционные социоинтегративные механизмы.

Смелзер утверждает, что хотя структурная дифференциация расширяет функциональные возможности институтов, одновременно она создает проблему интеграции, т. е. координации деятельности разнообразных новых институтов. Так, традиционный институт семьи в значительной степени избавлял от необходимости интеграции. Множество функций, таких как экономическое производство и защита, выполнялось в самой семье. Дети работали в домохозяйстве и зависели от семьи, которая обеспечивала им защиту.

Однако в современном обществе остро стоит проблема координации, например, активности институтов семьи и экономики, поскольку подростки вынуждены искать работу за пределами семьи. Существует также проблема координации деятельности институтов семьи и защиты (охраны прав), поскольку семья уже не может больше защищать своих членов от несправедливости на месте работы. По мнению Смелзера, в современных обществах возникает потребность в новых институтах и ролях, которые бы координировали вновь возникшие дифференцированные структуры. Например, для того чтобы облегчить поиск работы, необходимы такие институты, как бюро трудоустройства или системы газетных объявлений, которые бы координировали деятельность институтов семьи и производ-

ства. Для защиты работников от злоупотреблений со стороны работодателей были созданы такие организации, как профсоюзы, призванные выполнять функции защиты прав.

Тем не менее, даже после этого проблема интеграции все равно не может быть решена вполне удовлетворительно, рассуждал далее Н. Смелзер. Во-первых, существует проблема конфликта ценностей. Новая структура может иметь набор ценностей, отличных и находящихся в состоянии конфликта с ценностями старых структур. Новые агентства, например, биржи труда, могут действовать, исходя из принципа аффективной нейтральности, в то время как семья по-прежнему придерживается принципа аффективности социальных отношений. Дети, выросшие в семье, могут испытывать трудности в процессе адаптации к отличным ценностным системам, господствующим в сфере трудоустройства или на производстве. Во-вторых, существует проблема неравномерности развития. Поскольку институты развиваются с разными скоростями, возможна ситуация, когда необходимые институты еще не появились, в то время как потребность в них назрела. Например, вероятное явление – отсутствие профсоюзов, призванных защищать интересы трудящихся, притом, что злоупотребления со стороны работодателей имеют место. По мнению Смелзера, социальные беспорядки как раз и являются следствием недостатка интеграции новых дифференцированных структур.

Используя концептуальные рамки структурной дифференциации, проблем интеграции и социальных конфликтов, Смелзер таким образом демонстрировал, что модернизация отнюдь не обязательно протекает как гладкий и гармоничный процесс.

Для ранней (классической) школы модернизации было присуще несколько упрощенное понимание перехода от традиционного к индустриальному обществу. Целью модернизации объявлялось приближение к характеристикам экономически развитых и относительно стабильных наций (подразумевались США и развитые страны Западной Европы). Сущность модернизации сводилась таким образом к имитации и переносу западных моделей, товаров и технологий в менее развитые страны. Соответственно, модернизация рассматривалась как процесс гомогенизации сообщества, порождающий тенденции и импульсы к конвергенции. Ранней парадигме модернизации было присуще жесткое противопоставление традиционного и рационального экономического поведения, отношение к традиционным институтам и обычаям как к препятствиям развития общества. Модернизация трактовалась как процесс трансформации, подрывающий и вытесняющий традиции, в том числе традиционные формы общежития (семья, сельское сообщество). Традиция рассматривалась как архаичное, отмирающее явление, неспособное противо-

стоять современным формам жизни и вступать с ними в симбиоз. При этом традиция характеризовалась как застывшая, статичная форма, динамика которой может быть вызвана только внешними обстоятельствами и вопреки природе самого традиционного общества.

Пересмотр классической концепции структурно-функциональной дифференциации в современных модернизационных студиях

Уже в 1960-е годы построения представителей ранней школы модернизации стали подвергаться критике с разных теоретических и идеологических позиций. Принципиально изменилось вообще отношение к традиции, которая стала рассматриваться в качестве неотъемлемого элемента любой социальной структуры – как социальной организации в целом (в независимости от того, принадлежит она традиционному или современному обществу), так и ее каждого отдельного элемента (С. Эйзенштадт). Постепенно пришло осознание того, что в модернизирующихся обществах существует множество взаимосвязей между традиционностью и современностью в социальной, экономической, политической сферах. Мишенью критики стал тезис о несовместимости традиции и модернизации. Прежнее убеждение о неизбежной конфликтности между традицией и инновацией в свете новых данных стало выглядеть абстрактным и не подтверждаемым фактами. Оппоненты сделали попытку более внимательно и глубоко проанализировать сами эти традиции.

Получила развитие концепция так называемых переходных систем (модель парциальной или частичной модернизации), причудливо сочетающих элементы традиции и современности и вполне жизнеспособных. Было признано, что в развитии переходных систем присутствует своя собственная логика, обусловленная в значительной степени традициями, что переходным обществам присуща способность к реорганизации и непрерывности, разработке собственной внешней и внутренней политики, обеспечивающей их жизнедеятельность.

Итак, в целом в литературе произошел отказ от прежнего представления о модернизации как линейном процессе вестернизации (европеизации) и гомогенизации обществ, переживающих модернизацию. Процесс модернизации стал рассматриваться, скорее, как «перманентная революция, не имеющая предустановленной конечной цели» (Дж. Джермани). Была признана возможность многовариантного перехода от традиционного к современному обществу; получил распространение взгляд, согласно которому в процессе модернизации сохраняется значительная национальная специфика, а в

результате сложного взаимодействия между традициями и новациями разнородность модернизирующихся обществ даже увеличивается. Отныне традиция и современность уже не рассматривались как взаимоисключающие концепты. В исследованиях 1970–1990 гг. традиция и современность не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой. Соответственно, получила распространение точка зрения о совместимости с современным, модернизированным обществом различных форм организации в социальной сфере, поскольку они допускают необходимые перемены в типе личности, социокультурных нормах, социальных отношениях и институтах. Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело к появлению ряда новых исследовательских тем, а также к большему вниманию по отношению к традиционным аспектам социальной жизни (народные религии, семейственность)⁹.

Вопрос о месте и роли механизма структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации был существенно пересмотрен в статье Я. Мураками, посвященной японскому варианту перехода от традиционного к индустриальному обществу¹⁰. Ученый утверждает, что любое человеческое общество основано на двух главных принципах – принципах интеграции и дифференциации. При этом автор отмечает, что в теориях модернизации до сих пор внимание акцентировалось на дифференциации в ущерб понятию интеграции. Я. Мураками указывает на относительное значение дифференциации как показателя прогресса. Дело в том, что, с одной стороны, необходимо учитывать цену реинтеграции подсистем новой социальной системы, возникшей в результате дифференцирования прежней системы. Функциональная эффективность системы, как отмечает Я. Мураками, в целом улучшится или ухудшится в зависимости от того, будет ли выгода дифференциации превосходить или уступать цене реинтеграции. Я. Мураками приводит исторические примеры чрезмерного, убыточного дифференцирования (бесчисленные субкасты (джати) в Индии; сложившаяся в рамках британской традиции рабочего движения трудовая организация по типу ремесленных союзов). Автор таким образом доказывает, что большая дифференциация системы не всегда способствует росту ее адаптивного потенциала – точнее, эффект увеличения адаптивности может быть произведен лишь соответствующим комбинированием дифференциации и интеграции.

Я. Мураками подчеркивает существенную роль в процессах модернизации механизмов интеграции. Например, выделение экономической и политической подсистем в результате дифференциации общества было значимым процессом на ранних стадиях капитали-

стической индустриализации, но все это сопровождалось – фактически предшествовалось – политической интеграцией, становлением «национального государства», развитием современной бюрократии. Модерное (или индустриальное) общество таким образом должно быть охарактеризовано двумя противодействующими силами: тенденцией дифференциации, отделением экономики от государства; ростом разделения рабочей силы, с одной стороны, и тенденцией интеграции в национальное государство, сопровождающейся бюрократизацией.

Более того, Мураками предлагает в целом рассматривать эволюцию человеческих обществ как процесс, подталкиваемый силами дифференциации и интеграции, сосуществующими и вступающими в постоянное взаимодействие. Исследователь выделяет в истории человечества эпохи доминирования сил дифференциации или интеграции. Так, период от неолитической революции до становления протоцивилизаций характеризуется, по мнению ученого, превалированием тенденции дифференциации (Мураками имеет в виду, в первую очередь, «выделение» различных организационно-управленческих единиц – от клановых структур до чифдома, царства и теократии). Эпоху исторических цивилизаций или «осевого времени» (по терминологии К. Ясперса), включающую греко-римскую, индскую и китайскую цивилизации, Я. Мураками рассматривает как период, в течение которого тенденция интеграции доминировала над силами дифференциации, что, по его мнению, может объяснить очевидную стагнацию этих исторических образований. Тенденция дифференциации вновь возобладала в Европе примерно в XVI в. в процессе индустриализации. Однако данный процесс, как подчеркивает Я. Мураками, не может осуществляться без некоторого уровня постоянных интегративных усилий¹¹.

В эпоху индустриализации тенденция дифференциации наиболее отчетливо проявляется в экономической системе, в то время как первоначальным и окончательным рычагом для интеграции выступала политическая система. Именно хронологическая последовательность политической интеграции и индустриального взлета отличает модернизирующиеся общества друг от друга. В связи с этим Я. Мураками выделяет два региональных типа модернизации. Первый тип нашел воплощение в Англии и многих бывших британских «белых колониях», особенно в Соединенных Штатах Америки, где политическая интеграция предшествовала индустриальному взлету. Такая положительная синхронизация обеспечивала, как иллюстрирует пример Англии, наиболее типичный, эволюционный, автономный рост базирующейся на развитых рыночных отношениях индустриализации в относительной гармонии с парламентской демократи-

ей. В этом англо-американском случае основной аксиомой для социального развития выступал принцип *laissez-faire*, т. е. невмешательства государства в сферу экономики.

В случае более поздних европейских последователей модернизации типа Германии, Франции, Италии политическая интеграция отставала если не по форме, то по существу от индустриализации. Процесс политической интеграции должен был совпадать с процессом «догоняющей» индустриализации. Соответственно, в этом континентальном варианте государство не только осуществляло прямое вмешательство в экономику с целью ускорения процессов развития, но и развитие самой политической системы неоднократно прерывалось, заканчиваясь в некоторых случаях перестройкой системы¹². В незападных обществах соотношение между политической интеграцией и индустриализацией было, как полагает Я. Мураками, еще менее благоприятным.

Существенное внимание ученый уделяет интеграции на так называемом промежуточном уровне. Дело в том, что любое индустриальное общество по своей природе является крупномасштабным и сложным. Национальное государство создает рамочную структуру, а рыночный механизм и парламентская система выступают в качестве обычных инструментов для координации разнообразных интересов в пределах этой структуры. Однако зачастую данных механизмов оказывается недостаточно, чтобы интегрировать многообразные интересы и мнения. Следовательно, как считает исследователь, любое крупномасштабное общество нуждается в определенной интеграционной системе на промежуточном уровне (организация между обществом в целом и минимальной базовой единицей вроде семьи).

Хорошо известно, что в доиндустриальных обществах каждая сельскохозяйственная община играла по существу интегративную роль в качестве промежуточной организации. Однако этим современным организациям преимущественно была присуща аскриптивная ориентированность (то есть они базировались на родственных отношениях или привязке к земле) и «диффузность» (отсутствие специализации). Следовательно, такая промежуточная организация аграрного общества не обладала возможностями модифицироваться в ключевую организацию индустриального общества типа фирмы, бюрократических институтов, которые должны были быть функционально рациональными (то есть ориентированными на достижение) и функционально-специализированными. Другими словами, организационная традиция в большинстве случаев при переходе от традиционного к современному обществу должна была прерываться.

Японское общество, по мнению Я. Мураками, в этом отношении представляло исключение. Японская история разработала уни-

кальную промежуточную организацию – это общность *йэ*, буквально: домашнее хозяйство, была диффузной, подобно сельским общинам в других обществах, но в то же время для нее была характерна ориентация на достижение. Первоначально *йэ* являлась военной (самурайской) организацией, возникшей в восточной Японии* в XI в. Восточная Япония в то время была пограничной территорией, где контроль со стороны центрального правительства был неэффективным, а большинство земель еще не обрабатывалось. Военные столкновения были частыми, иногда они выражались в восстаниях, направленных против центрального правительства в Киото. Только сплоченная организация, обладающая достаточной способностью к самообороне, а также к производству продовольствия, могла выжить в такой пограничной ситуации. Таким образом некоторые самураи организовывали свои поместья, объединяя группы людей, составленных из родственников, слуг и крестьян. В подобной организации все члены, включая воинов и крестьян, должны были сотрудничать как в ирригации, так и в военном деле: воины непосредственно управляли сельским хозяйством и особенно ирригационными работами и распределением воды, в то же время крестьяне были заняты в военных действиях в качестве пехотинцев.

«Тесное сотрудничество среди всех членов, от вершины до основания, неполное отделение военных профессионалов от земледельцев, и сильное чувство внутригрупповой однородности являлось характерной особенностью этой японской общности, представляющей контраст по сравнению с европейским аграрным обществом, в котором военные профессионалы (рыцари или феодалы) и крестьяне были уже четко отделены к VIII столетию и феодалы культивировали свой отчетливо отличный образ жизни», – заключает Я. Мураками¹³.

При этом автономия или независимость каждой *йэ*-организации была намного большей по сравнению с сельскими общинами в Европе. Например, судебная власть в пределах каждой *йэ* была полностью сосредоточена в руках главы этой организации. *Йэ* развивалась на протяжении нескольких столетий. Будучи первоначально небольшой по размерам со временем она разрасталась, пока не появилась сменявшая ее большая и более сложная организация дайма. При этом в процессе эволюции, как подчеркивает Я. Мураками, основной образец *йэ* поддерживался путем «репликативного расширения». Суммируя характеристики *йэ*, сохраненные в течение этого процесса, Мураками сводит их к следующим:

1. Коллективная цель: преемственность и расширение группы, которая символизировалась непрерывной последовательностью лидеров группы.

2. Членство: «kintractship» (термин, объединяющий родство – kinship и контракт), что означает, что никто не должен оставлять организацию, если он / она выбрали ее; фактически основные члены были в значительной степени связаны родством. Однако приняты были и другие методы рекрутирования на работу способных новых членов, помимо родственных связей.

3. Баланс иерархии / однородности: все члены были организованы в иерархическую структуру, главной целью которой прежде всего была военная эффективность. В то же самое время однородность среди членов подчеркивалась, чтобы сохранить солидарность группы – через ряд мер типа содействия продвижению по службе, ритуала поклонения предкам (точнее, поклонения основателю *йэ*) и т.д.

4. Автономия: группа выполнила все функции, необходимые для ее сохранения, т. е. аграрное производство, военные, судебные и другие функции¹⁴.

Отличительной особенностью *йэ* была присущая ей ориентация на достижение, обусловленная ее военизированным характером. Каждая *йэ* должна была всегда быть готовой к предупреждению вторжения со стороны соседей. Таким образом, в начале индустриализации японцы уже достаточно привыкли к ориентируемой на достижение организации.

При этом Я. Мураками отмечает, что адаптация принципа *йэ*-типа к современной экономической организации стала видимой лишь на второй стадии индустриализации, то есть после Первой мировой войны. На рубеже XIX–XX вв. индустриальный мир в целом входил в эпоху «организованного капитализма». В период классического капитализма XIX в. организационный принцип не мог играть существенной роли.

Именно в XX в. организованный капитализм востребовал организационную традицию Японии, разработанную в предшествующее время. В 1920-х годах индустриальная структура в Японии сделала большой сдвиг по сравнению с прежней системой. Тогда же возникла «японская система управления», характеристики которой корреспондируют с характеристиками *йэ*-организации:

1. Вечное продолжение и расширение: стремление избегать ликвидации фирмы любой ценой и избегать увольнения рабочих.

2. Kintractship: пожизненная занятость, то есть рабочий остается в фирме до предписанного срока отставки; склонность принимать на работу новых дипломированных специалистов.

3. Баланс иерархии / однородности: продвижение как в заработной плате в зависимости от статусного роста. Акцент на обучение на рабочем месте в маленьких групповых модулях. Высокая профессиональная подвижность в пределах каждой фирмы (поддерживае-

мая обучением на рабочем месте). Низкий барьер между беловоротничковыми и синеворотничковыми рабочими.

4. Автономия: система благосостояния внутри фирмы. Фирменные профсоюзы. Ограниченное влияние акционеров¹⁵.

Примером реализации нового подхода к изучению места и роли в процессе модернизации традиционных социальных структур может служить работа Сиу-Лун Вонга (1988), которая начинается с критики классической модернизационной интерпретации роли традиционной китайской семьи. В классической литературе по проблемам модернизации китайская семья рассматривалась как мощный традиционалистский фактор, который стимулировал непотизм (кумовство), ослаблял трудовую (рабочую) дисциплину, мешал свободному рыночному выбору труда, растворял индивидуальные стимулы к накоплению, блокировал рационализацию и модернизацию, и тормозил появление универсалистских деловых норм. В результате классические исследователи модернизации пропагандировали отказ от традиционных китайских семейных ценностей с целью обеспечения экономического роста в Китае.

Однако Вонг доказывает, что отрицательный экономический эффект традиционных китайских семейных ценностей был чрезмерно преувеличен. Изучая влияние семьи на внутреннюю организацию китайских предприятий в Гонконге – особенно в сфере патерналистской идеологии и практики менеджмента, непотистской системы обеспечения занятости и в области семейной собственности, – Вонг демонстрирует, что традиционная семья оказывает положительное воздействие на экономическое развитие.

Во-первых, Вонг исследует практику патерналистского управления на предприятиях Гонконга. Изучение прядильных предприятий продемонстрировало наличие своего рода «индустриальных патриархов, которые осуществляли плотное управление, избегая применения силы, используя меры материального поощрения работников, действуя как моральные охранители своих подчиненных». Вонг указывает, что метафора семейства обеспечивает уже готовую культурную риторику, чтобы узаконить патрон-клиентские отношения между предпринимателем и работником. В экономическом плане этот доброжелательный (выгодный) патернализм помогает предпринимателю привлекать и сохранять рабочих в отраслях промышленности с высокой флуктуацией производства. В политическом отношении последствие патернализма заключается в том, что он тормозит рост классового сознания среди рабочих. Вонг утверждает, что когда патернализм работает, недовольство рабочих чаще выражается в форме индивидуальных действий типа абсентеизма и

увольнения, чем в коллективных действиях по достижению соглашений и в забастовках.

Во-вторых, кумовство – предпочтение нанимать родственников на предприятие, – как считает Вонг, – также может способствовать успеху фирм Гонконга. Вообще, по его мнению, большинство китайцев приглашают родственников на работу лишь как последний резерв. В действительности, родственники составляют крошечную часть персонала в «непотистских» компаниях. С другой же стороны, для маленьких предприятий члены семейства поставляют надежную и дешевую рабочую силу. Есть основание полагать, что семья, родственники будут готовы работать более интенсивно и за меньшую плату, что позволит укрепить конкурентоспособность фирмы в период спада. Если члены семейства исполняют организаторские (менеджерские) функции, китайские предприниматели вообще заботятся, чтобы дать им формальное образование, а также обучать на рабочем месте. Поэтому, утверждает Вонг, администраторы-родственники редко бывают посредственными служащими с низкими способностями.

В-третьих, Вонг обращается к обсуждению проблемы семейной собственности. Он отмечает, в частности, что в 1978 г. почти 60% маленьких фабрик в Гонконге принадлежало индивидуальным владельцам и их семействам. Автор указывает, что принцип патрилинейного наследования результировался в прочности семейных предприятий. Даже если раздел семейства происходил, он скорее приобретал форму разделения прибыли, а не физической фрагментации семейного предприятия. В связи с этим Вонг утверждает, что конкурентоспособные силы китайских семейных фирм весьма значительны: «Там существует намного более сильная степень доверия среди членов *jiā* [семьи], чем среди не связанных родственными отношениями деловых партнеров; проще достигается согласие; потребность во взаимном контроле минимизируется. Указанные факторы дают семейным фирмам большие возможности для адаптации в ходе их деятельности. Они могут принимать быстрые решения в ситуациях, когда быстро меняются обстоятельства, и обеспечивать большую секретность, поскольку в меньшей степени обращаются к письменным отчетам. В результате, они особенно хорошо приспособлены выживать и процветать в ситуациях, связанных с высоким уровнем риска».

Вместо третирувания семейственности, как чего-то противоположного экономическому развитию, Вонг приводит доводы в пользу экономически динамичного этоса «предпринимательского фамилизма». Этот этос включает семейство как основной модуль экономической конкуренции, обеспечивающий стимулы к принятию рискованных решений и внедрению новшеств. Кроме того, Вонг доказывает,

что данный этос существует не только среди предпринимателей, но и повсюду в гонконгском обществе.

Предпринимательский фамилизм, по мнению Вонга, имеет ряд характеристик. Первая – высокая степень централизации в принятии решений, но при одновременно низкой степени формализации организационной структуры. Вторая – высокая оценка автономии и предпочтение самозанятости. Самому стать собственным боссом, как утверждает Вонг, – типичный идеал как администраторов, так и рабочих в Гонконге.

Если семейство играет такую положительную роль в Гонконге, почему оно оказалось не в состоянии реализовать свой потенциал в прошлом в континентальном Китае? Для Вонга ответ на данный вопрос лежит в плоскости внешней социополитической обстановки, в которой обитало семейство. Хотя семья является экономически активной силой, в прошлом она, вероятно, по его мнению, в значительной степени контролировалась (и ограничивалась) государством, озабоченным задачей интеграции, и специфическими экологической и экономической средами, которые отличались крайней неравновесностью. В Гонконге же эти внешние ограничения со стороны государства и среды были удалены, поскольку Гонконг управлялся колониальным государством, которое не конкурировало с семейством за талант. Именно благодаря этому, по мнению Вонга, в условиях Гонконга семейству удалось реализовать свой потенциал двигателя экономического развития. Подводя итоги, Вонг критикует классических теоретиков модернизации за то, что они не заметили динамической роли китайской семьи в обеспечении экономического прогресса. Их склонность видеть только острую дихотомию между европейским универсализмом и китайским партикуляризмом не позволила им понять роль семейства.

Вонг полагает, что европейский опыт капиталистического развития вряд ли будет копироваться в Китае; напротив, отличная от европейской модель китайской социальной структуры обязательно приведет к своеобразному типу модернизации. Далее Вонг предостерегает, что китайский фамилизм может также отличаться от своих корейских и японских аналогов из-за различий в социальных структурных контекстах¹⁶.

Наблюдения социологов по поводу семейных отношений в современной Японии, добившейся во второй половине XX в. огромных успехов в модернизации, индустриализации, урбанизации, также подтверждают положение о сложном характере взаимодействия традиций и новаций в данном процессе. «Японское семья, – пишет Н. Глэйзер, – несомненно изменяется; но для развитой страны она все еще поддерживает замечательную стабильность, в основе кото-

рой лежит постоянство ценностных моделей». Сопоставляя семейные отношения в США и Японии послевоенного периода, американский социолог С.М. Липсет подчеркивает непрерывность традиционных элементов, характерную для японской семьи данного периода. В частности, отмечаются низкий уровень разводов; традиция совместного (или соседского) проживания взрослых детей с престарелыми родителями, которые пользуются неизменным уважением и получают поддержку от детей; более тесная связь, по сравнению, например, с Северной Америкой, подрастающих детей с родителями, которая выражается в стремлении первых длительное время оставаться под родительским кровом¹⁷.

В целом видение места и роли структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации претерпело определенные изменения. Пришло осознание необходимости исторического отношения к принципу структурно-функциональной дифференциации в качестве источника модернизации. Действие последнего имело временные и пространственные ограничения и специфические черты. Структурно-функциональная дифференциация вряд ли может трактоваться как единственный, абсолютный механизм модернизации. Некорректна абсолютизация процессов дифференциации в ущерб процессам интеграции. Произошел переход от дихотомического представления, согласно которому в процессе перехода от традиционности к современности происходит полная перестройка и замена прежних социальных структур новыми, к более мягкому и историчному, предусматривающему возможность постепенного многовариантного вставания традиционных структур в модернизированное социальное пространство.

Примечания

¹ См.: Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975; Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966; Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N.Y.; L., 1965; Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, London, 1965; Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966; также см.: Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader / Ed. by C.E. Black. N.Y.; L., 1976. P. 30–31.

² Sutton F.X. Social Theory and Comparative Politics // Comparative Politics: A Reader / Ed. by H.Eckstein and D.Apter. N.Y., 1963. P. 67; Idem. Analyzing Social Systems // Finkle J.L., Gable R.W. (eds.). Political

Development and Social Change. N.Y., L., Sydney, 1966. P. 24–25; Levy M.J. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization // Moore W. and Cook R.M. (eds.) Readings on Social Change. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. 196–201.

³ См.: Foster G.M. Traditional cultures: and the impact of technological change. N.Y.; L., 1962; также см.: Пандей Р. Критика западноцентризма в теориях модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М., 1999. С. 469; Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 255–277.

⁴ Parsons T. A Functional Theory of Change // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 78–86; Idem. Societies – Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall, 1966.

⁵ См.: Smelser N. Toward a Theory of Modernization // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change. P. 268–284; Idem. The Modernization of Social Relations // Modernization. The Dynamics of Growth. N.Y.; L., 1966. P. 110–121;

⁶ See: Smelser N. Toward a Theory of Modernization ... P. 271; Idem. Social Change in the Industrial Revolution. Chicago, 1959. P. 2.

⁷ Boeke J.H. The Structure of the Netherlands Indian Economy. N.Y., 1942. P. 90.

⁸ О концепции протоиндустриализации см.: Mendels F. Proto-industrialization: the 1-st part of the Industrialization Process // Journal of the Economic History. 1972. Vol. XXXII. № 1; Kriedte P., Medick H., Schlumbohm J. Industrialization before Industrialization. Cambridge, 1981; Berg M., Hudson P., Sonenscher M. Manufacture in Town and Country before the Factory. Cambridge, 1983; *Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период*. Екатеринбург, 1992; *Iron-making societies: early industrial development in Sweden and Russia, 1600–1900* / Ed. by Maria Agren. Berghahn Books: Providence, Oxford, 1998.

⁹ См.: Gusfield J.R. Tradition and Modernity: Mismatched Polarities in the Study of Social Change // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change... P. 333–341; Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago, 1965; Редфилд Р. Большая и малая традиции // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 200–201; Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. N.Y., 1973; Apter D.E. The Politics of Modernization. Chicago, L., 1965. P. 81; Patterns of Modernity. Vol. I: The West / Ed. by S.N. Eisenstadt. L., 1987; So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 60–87; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 69–70. Об эволюции теоретических представлений о месте традиции в процессах модернизации также см.: Осипова О.А.

Американская социология о традициях в странах Востока. М., 1985; Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 170–207.

¹⁰ Murakami Ya. Modernization in Terms of Integration: The Case of Japan // Patterns of Modernity / Ed. by S.N. Eisenstadt. London, 1987. Vol. II: Beyond the West. P. 65–88.

¹¹ Ibid. P. 73.

¹² Ibid. P. 73–74.

¹³ Ibid. P. 80–81.

¹⁴ Ibid. P. 81.

¹⁵ Ibid. P. 83.

¹⁶ Wong Siu-Lun. The Applicability of the Asian Family Values to Other Sociocultural Settings // Berger P.L. and Hsiao Hsin-Huang M. (eds.). In Search of an East Asian Development Model. New Brunswick, NJ: Transaction, 1988. P. 134–154; также см.: So A.Y. Social Change and Development... P. 63–65.

¹⁷ Lipset S.M. Binary Comparisons. American Exceptionalism – Japanese Uniqueness // Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance / Ed. by M. Dogan and A. Kazancigil. Oxford; Cambridge, 1994. P. 184–186.

2. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ

Понятие индустриализации

Под индустриализацией понимается процесс замещения ручной рабочей силы технологиями, основанными на неодушевленных источниках энергии, для производства товаров. О темпах индустриализации обыкновенно судят по такому показателю, как удельный вес рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве. Считается, что по мере уменьшения данного параметра происходит трансформация аграрного общества в индустриальное. По мнению К. Керра, к числу промышленных наций следует относить такие, в которых удельный вес рабочей силы, занятой в аграрном производстве, не превышает 25% (или меньше того). Сокращение численности сельскохозяйственного труда в контексте индустриализации связывается с технологическими, экономическими и организационными сдвигами, сопровождающими промышленное развитие¹.

В качестве классической модели индустриализации обыкновенно рассматривается Великобритания, в которой в первой половине XIX в. уже сложился рабочий класс, привычный к фабричным условиям, достаточно мобильный в пространственном и профессиональ-

ном измерениях. К началу XX в. индустриализация охватила страны «атлантической цивилизации» (Западная Европа и Северная Америка), а также затронула Россию и Японию. «Мирное завоевание»² новых пространств индустриальным способом производства, как полагают ученые, в большей степени обуславливалось диффузией индустриальных технологий и организационного опыта, а не самостоятельными эндогенными изобретениями.

Широкое распространение в литературе получила классификация обществ, основанная на оценке степени их продвинутости по пути индустриального развития, – на доиндустриальные, ранние индустриальные, зрелые индустриальные общества. Применительно к современным высокоразвитым странам используется термин «постиндустриальное общество», введенный в научный оборот Д. Беллом в 1962 г. (постиндустриальное или информационное общество характеризуется ростом значения знаний, в том числе теоретических; трансформацией структуры экономики, в которой на место традиционных капиталоемких и трудоемких отраслей приходят наукоемкие, информационно емкие, инновационные отрасли (High Tec); заменой производства товаров как основной формы экономической деятельности производством услуг; ростом влияния интеллектуальных технологий и нового интеллектуального класса; переносом акцента с удовлетворения материальных потребностей на удовлетворение культурных и личностных потребностей; высокоразвитыми международными ранками товаров, капитала и труда)³.

Индустриализация сопровождается растущим разделением труда и усложнением профессиональной структуры; сдвигом от концентрации рабочей силы в аграрной экономике к концентрации в промышленности и, в конце концов, в сфере услуг. Эффективность профессиональной специализации усиливается по мере роста размеров экономических организаций. Технологический прогресс вызывает потребность в новых специальностях, требующих более высокой квалификации и замещающих прежние, менее квалифицированные. Кроме того, индустриализация вызывает появление новых товаров и услуг, которых не было ранее, что, в свою очередь, также сказывается на структуре занятости. Перечисленные изменения обыкновенно сопровождаются ростом солидарности и классового сознания рабочих.

С индустриализацией тесно связаны многочисленные изменения в демографическом поведении, которые в связной совокупности получили наименование «демографического перехода» (переход от высоких к низким показателям рождаемости и смертности вследствие улучшения питания, повышения уровня медицинского обслуживания, изменения установок демографического поведения). При этом отмечается, что в зависимости от степени синхронизации про-

цессов снижения показателей рождаемости и смертности демографический переход может приводить к различным результатам. Если в странах ранней индустриализации эти два процесса были тесно синхронизированы, что результировалось в длительном низком приросте населения, создавшем благоприятные условия для экономического роста, то в развивающихся странах в XX в. демографические сдвиги приобретали иной и проблематичный для перспектив развития характер — относительно быстрое сокращение показателей смертности при сохранении высокого уровня рождаемости, в результате чего происходит резкое увеличение численности населения. Принято считать, что индустриализация сопровождается также изменениями модели семьи. Традиционному обществу приписывается распространенность расширенной семьи (Т. Парсонс), в то время как для промышленно развитого общества в качестве типичной рассматривается нуклеарная семья (муж, жена и дети). Нуклеарная семья, как принято считать, более соответствует связанным с индустриализацией требованиям географической мобильности и растущей урбанизации. В процессе перехода к индустриальному обществу традиционные ориентации в выборе брачного партнера и в сфере взаимоотношений родителей и детей заменяются современными. Подвергается трансформации социальная роль женщины в связи с тем, что семья теряет значение экономической единицы. В процессе промышленного развития наблюдается также увеличение числа разводов и ослабление в целом родственных и семейных уз, что, впрочем, не следует обязательно расценивать как «дезорганизацию семьи» вследствие индустриализации — просто семья становится другой, в сравнении с традиционным обществом, — более специализированной структурой, лишенной ряда прежних функций (например, производства товаров и услуг, обучения детей), но более эффективно справляющейся с другими⁴.

Индустриализация требует более высокого образовательного уровня рабочей силы, в целом развития системы образования и распространения грамотности. Именно уровень образования и квалификации становится одним из главных факторов трудоустройства и социальной мобильности. Расширяется роль средств массовой коммуникации как источника информации и средства изживания характерного для традиционного общества изоляционизма. Индустриализация вызывает к жизни массовую культуру, которая сменяет традиционные формы досуга. Происходит четкое распределение времени между «трудом» и «досугом», нехарактерное для традиционного общества. В условиях коммодификации (обретение товарной формы) и рационализации всех аспектов социальной жизни, ускорения темпов обыденной жизни само время становится дефицитным това-

ром. Происходит расширение участия в добровольных ассоциациях, укрепление светских установок поведения. Административно-политические структуры приобретают четко дифференцированный и специализированный характер.

В общем индустриализация выступает как модель фундаментальных изменений, но в конкретной реальности она может приобретать разнообразные формы в зависимости от степени комплексности и синхронности включенных в нее процессов, воздействия внутренних и внешних факторов.

Проблематика индустриализации получила существенно отличную трактовку в рамках различных теоретико-методологических проекций, призванных объяснить характер и направленность изменений. В XX в. в научный оборот был введен ряд теорий, ориентированных на изучение социальной динамики. Наиболее авторитетные на сегодня теории социальных изменений возникли после Второй мировой войны, в значительной степени под влиянием деколонизации и появления на мировой арене новых государств: это школы *модернизации, зависимости и миросистемный анализ*.

Индустриализация в рамках теории модернизации

Существенное внимание проблемам индустриализации уделяется в рамках модернизационной парадигмы, сформулированной в 1950–1960 гг. на теоретической базе эволюционизма и функционализма. Хотя в пределах модернизационного подхода существуют некоторые различия между интерпретациями социальных и экономических аспектов развития (это нашло отражение в выделении двух направлений модернизационных исследований: 1) собственно модернизационная теория, укорененная в социальных науках о социальном поведении, хотя и учитывающая экономический фактор в качестве одного из важнейших измерений модернизационного процесса; и 2) теория развития («девелопментализм»), базирующаяся на подходах экономических наук, но включающая в орбиту своего внимания также институциональные и мотивационные аспекты динамических процессов⁵), не будет грубой ошибкой нерасчлененное рассмотрение указанных интерпретаций под общим наименованием модернизационного анализа. Представители последнего рассматривают модернизацию как длительный, трансформационный процесс, в результате которого аграрные общества преобразуются в современные, индустриальные. Переход от традиционности к современности требует развития передовых индустриальных технологий и соответствующих им политических, культурных и социальных механизмов; расширения человеческих знаний и возможностей людей

осуществлять контроль над окружающей средой. Процесс модернизации трактуется как всесторонний, комплексный, включающий множество одновременных изменений практически во всех сферах общества. Индустриализация, урбанизация, бюрократизация, профессионализация, рост социальной мобильности рассматриваются как субпроцессы модернизации. «В общем, — утверждали А. Этциони и Е. Этциони-Халеви, — переход от традиционного к современному обществу включает: 1) демографическую революцию, в результате которой показатель смертности и коэффициент рождаемости резко снижаются; 2) уменьшение размеров, функций и влияния семьи; 3) утверждение открытой системы стратификации с высоким уровнем мобильности; 4) переход от племенных или феодальных структур к бюрократическому устройству демократического или тоталитарного типа; 5) уменьшение влияния религии; 6) отделение функции образования от семьи и общины, удлинение и обогащение образовательного процесса, развитие школ и университетов и масштабное распространение образования, превращающегося из монополии меньшинства в достояние большинства; 7) рост “массовой культуры” взлелеянный массовым образованием и развитию средств массовой информации; 8) становление “рыночной экономики” и, что даже более важно, индустриализацию»⁶.

В целом модернизационной парадигме присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятий *традиция* и *современность*, оперирование эндогенными переменными, такими как *социальные институты* и *культурные ценности*; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей⁷.

Процесс модернизации в рамках модернизационной парадигмы трактовался как универсальный и глобальный, постепенно охватывающий весь земной шар, все человеческое общество. В одном из сборников рубежа 1960–1970 гг. сторонники модернизационного подхода писали: «Со всем должным уважением к различиям между обществами можно утверждать, что все они, похоже, изменяются в направлении от традиционного к современному типу. Когда-то все общества были “традиционны”; вероятно, однажды все они станут “модернизированными”»⁸. Классическая школа модернизации рассматривала движение от традиционности к современности как линейный процесс последовательного прохождения всеми обществами одних и тех же ступеней развития; необходимо признать, что впо-

следствии — в 1980–1990 гг. — данное представление подверглось определенной корректировке за счет признания множественности путей, ведущих к *modernity*, и даже возможности разных моделей модернизаций⁹.

Можно заметить, что понятия *модернизация* и *индустриализация*, если последнюю не сводить к технологическим и экономическим аспектам, а рассматривать широко, в тесной связи с динамикой прочих социальных сфер, с учетом разнообразных социальных последствий, вызываемых утверждением индустриального способа производства, в значительной степени совпадают. Признавая, что именно индустриализация нередко порождала модернизацию, выступая в качестве ее решающего фактора (например, в Западной Европе XVIII–XIX вв.), сторонники модернизационной парадигмы, тем не менее, склонны различать два эти понятия, утверждая, что объем концепта *модернизация* превосходит содержание понятия *индустриализация*, а процессы, которые данными терминами обозначаются, не всегда совпадают в историческом пространстве и времени. Индустриализация может рассматриваться как часть общего, присущего модернизации, процесса структурно-функциональной дифференциации, то есть как рост структурной независимости производственной и редиистрибутивной функций.

В литературе отмечается, что существуют такие типы модернизации, которые не всегда сопровождаются индустриализацией (по крайней мере, на начальных стадиях). В классификации процессов развития Ш. Чодака, основанной на изучении африканского материала, только *индустриальная модернизация* включает в качестве главного момента собственно процесс индустриализации, создающий новые материальные условия и потребности и способствующий формированию новых установок и ценностных ориентаций. Два других типа — *аккультуративная* (выборочная трансплантация культурных элементов) и *вынужденная* (целенаправленная политика трансформации организационных структур, институтов, ценностных ориентаций по западному образцу) *модернизация* — не предусматривают индустриализацию в качестве своего обязательного ингредиента¹⁰. Вообще, отмечают исследователи, во многих африканских и азиатских странах модернизация начиналась с процесса «формирования» наций и развития современных политических систем; целью преобразований в подобных случаях выступали «осовременивание» социальной структуры и распространение новых норм и ценностей через систему образования; развитие же промышленности могло следовать за указанными процессами.

В литературе разработано множество схем для описания процесса индустриализации. Вероятно, наиболее широкую известность

приобрела концепция стадий экономического развития Уолта Ростоу, выполненная в рамках модернизационной перспективы под сильным влиянием идей Дж.М. Кейнса¹¹. Главным вкладом в проблематику экономического развития и ключевым концептом в исследовании У. Ростоу является понятие «взлета» (takeoff), обозначающее относительно краткий интервал времени в два или три десятилетия, в течение которого экономика и общество подвергаются такой трансформации, которая обеспечивает впоследствии более или менее автоматический экономический рост. В период *взлета*, согласно У. Ростоу, увеличение нормы инвестиций приводит к серьезному повышению реальных доходов на душу населения, что, в свою очередь, влечет радикальные перемены в промышленных технологиях и размещении потоков капитала, которые увековечивают новый масштаб инвестиций и рост валового национального продукта на душу населения. «Взлет» становится возможностью, если в обществе присутствует группа лидеров, имеющая желание и властные ресурсы, чтобы устанавливать и распространять новые промышленные технологии. Стабилизация процесса экономического роста требует, чтобы такая ведущая группа обладала возможностью расширять свои властные полномочия, а общество в целом положительно реагировало на импульсы, вызванные первоначальными сдвигами. В качестве условия стабилизации экономического роста в период «takeoff» У. Ростоу называет возврат в производительные инвестиции значительной доли приращения реального дохода общества. Именно поэтому общество должно быть подготовлено к активному участию в обеспечении возможностей роста производства. По мнению Ростоу, политические, социальные и институциональные трансформации также необходимы для закрепления первоначально увеличенного масштабов инвестиций и оформления условий, позволяющих регулярно принимать и осваивать инновации¹². Полагают, что понятие «взлет» было заимствовано У. Ростоу из области авиации: самолет должен развить предварительно достаточную скорость, чтобы оторваться от земли (осуществить «взлет») и продолжать затем полет на большей высоте и с большей скоростью.

Согласно модели У. Ростоу, процесс развития (индустриализации) последовательно проходит пять стадий: 1) традиционное общество; 2) подготовка к «взлету»; 3) стадия «взлета» или «рывка» (takeoff stage); 4) стадия движения к зрелости; 5) общество массового потребления. Наиболее важными, наряду со стадией «взлета», являются хронологически пограничные с ней стадии – длительный период (до столетия или даже больше), в течение которого создаются предварительные условия для «взлета», и следующий за стадией

«взлета» период, когда рост становится нормальным и относительно автоматическим.

Ростоу выделяет два типа обществ, в рамках которых экономический рост (подготовка предварительных условий для «взлета») протекал разными путями: 1) в первом случае, который, по мнению ученого, является более распространенным, создание предварительных условий для «takeoff» требовало существенных изменений в политической, социальной структуре и даже в сфере культурных ценностей; 2) во втором случае «взлет» отсрочивался не политическими, социальными или культурными барьерами, но высоким (и даже расширявшимся) уровнем благосостояния, который мог быть достигнут за счет эксплуатации земли и других естественных ресурсов. Второй тип развития, по мнению У. Ростоу, можно иллюстрировать примерами США, Австралии, возможно, Швеции, в которых создание предварительных условий для «взлета» инициировалось более узкими экономическими потребностями.

Развитие первого типа начинается в рамках традиционного общества, основанного на аграрной экономике с традиционными технологиями и низким уровнем накопления, едва превышавшим потребности амортизации. Идея прогресса привносится в такое общество, по мнению У. Ростоу, обыкновенно извне, хотя возможно ее зарождение и в самом обществе – из его собственной динамики. Идея прогресса получает распространение в среде институционализированной элиты, или, чаще, среди непривилегированных групп населения. Нередко, полагает У. Ростоу, экономические мотивы, двигающие прогресс, подкрепляются параллельными неэкономическими (расширение социальной власти и престижа, национальная гордость, политические амбиции и т.д.). Укрепляет стремление к расширенной экономической деятельности образование. Появляются новые инициативные люди, готовые мобилизовать сбережения и идти на риск в погоне за прибылью преимущественно в коммерческой области. Постепенно расширяются рынки сельскохозяйственных и ремесленных товаров; возникают вновь или вырастают из традиционных, примитивных по масштабам, институты для мобилизации капитала. Расширяется основной капитал: 1) за счет вывоза сырья; или 2) притока в страну иностранного капитала. Появляются предприятия современного типа, обычно как импортзамещающие. С развитием здравоохранения, особенно если новшества не вызывают серьезного сопротивления со стороны общества, показатель смертности может резко падать, вызывая быстрый рост населения и спроса на продукты питания. В рамках данного варианта развития, по мнению У. Ростоу, накопление капитала может достигать 5% от национального дохода, но вряд ли больше в связи с тем, что быстро

увеличивающееся население и расширяющееся потребление в значительной степени абсорбируют растущий экономический излишек. Кроме того, экономическое развитие в пределах стадии подготовки условий для «взлета» продолжает базироваться на ограниченном основании, характеризующемся преимущественно малопроизводительными технологиями, традиционными ценностями и институтами и традиционной демографической структурой (не менее 75% сельского населения).

Второй вариант создания условий для «взлета», выделяемый У. Ростоу, существенно отличается от первого по ряду параметров. Он иллюстрируется примером стран, богатых естественными ресурсами, характеризующихся благоприятным балансом между потребностями населения и предложением природных ресурсов. Это общество, адаптивное, мобильное, восприимчивое к новациям, население которых формировалось в результате иммиграции преимущественно северо-западной Европы. Установление предварительных условий для «взлета» в подобных обществах обычно не сталкивается с проблемой сопротивления со стороны традиционных ценностей и институтов; не возникает больших затруднений с институционализацией элит, готовых включиться в инвестиционный процесс. «Взлет» в рамках данной модели развития задерживается главным образом сравнительными преимуществами эксплуатации земельных и других природных ресурсов, дающих высокую отдачу.

Начало стадии «взлета» У. Ростоу связывает с радикальным стимулом: 1) *политическая революция*, которая оказывает непосредственное воздействие на баланс между социальной властью и эффективными ценностями, характер экономических институтов, порядок распределения доходов, модели накопления, темпы актуализации инноваций; 2) *технологический прогресс* (существенное технологическое новшество), приводящий в движение цепочку эффектов расширенной деятельности в рамках современных секторов экономики и оказывающий положительное воздействие на внешнеэкономическую деятельность; 3) *благоприятная международная среда* (например, открытие английских и французских рынков для шведской древесины в 1860-е годы; относительно высокое повышение экспортных цен или значительно возросший ввоз капитала, как это случилось с США с конца 1840-х годов, с Канадой и Россией с середины 1890-х годов); 4) вызов, напротив, *неблагоприятной международной среды* – резкий спад внешней торговли, ее блокада, вызывающие потребность в развитии импортзамещающей экономики (например, Аргентина или Австралия в 1930-е годы и в период Второй мировой войны).

Результатом стадии «взлета» становится переход к устойчивому, самоподдерживающемуся экономическому росту, основанному на регулярном внедрении инноваций и более высоком уровне накопления. На стадии «взлета» существенно расширяются новые отрасли промышленности; прибыль, которую они производят, в значительной степени реинвестируется в целях расширения производства; развитие новых отраслей стимулирует рост в целом современных секторов экономики, где преобладает высокая норма прибыли; расширяются масштабы и эффективность институтов для мобилизации сбережений (в том числе фискальные инструменты государства); новые, более совершенные технологии получают распространение как в сельском хозяйстве, так и в промышленности; растет число людей, готовых принимать эти новации, а также те глубокие изменения, которые они производят в образе жизни; появляется и приобретает контроль над ключевыми процессами принятия решений по поводу использования капиталов новый класс предпринимателей (как частных, так и иногда государственных служащих); возникают новые возможности для развития и эксплуатации экспортных возможностей. Уровень производительных инвестиций повышается с 5% до 10% и более к валовому национальному продукту, опережая таким образом рост населения. Таким образом, стадию «взлета», по У. Ростоу, можно охарактеризовать тремя признаками: 1) норма производительных инвестиций от 10% национального дохода и выше; 2) развитие одной или нескольких базовых отраслей производства (Ростоу подразумевает и производство сельскохозяйственной продукции и сырья современными методами – например, древесины в Швеции, мяса в Австралии, молочных продуктов в Дании; при этом требуется, чтобы данный «производственный» сектор: 1) привел в движение цепочку современных отраслей и 2) обеспечил возможность достижения внешнеэкономических эффектов), характеризующихся высокими показателями роста; 3) становление политических, социальных и институциональных структур, позволяющих эксплуатировать импульсы к расширению в современном секторе экономики и потенциальные внешнеэкономические эффекты взлета и обеспечивающих устойчивый характер экономического роста¹³.

У. Ростоу подчеркивает при этом, что пути осуществления стадии «взлета» в исторической реальности могут существенно варьироваться: «Не существует единого образца. Степень и производительность инвестиций могут повышаться, а последствия этого роста могут приводить к устойчивому развитию различными технологическими и экономическими маршрутами, в рамках вариативных политических, социальных и культурных структур, управляемых самыми разнообразными человеческими мотивациями»¹⁴. Так, обсуждая

проблему финансового обеспечения «взлета», У. Ростоу выделяет два типа мобилизации капитала: 1) контроль и перераспределение потоков капитала (т. е. обеспечение экономического развития за счет перемещения доходов к тем акторам, которые обладают возможностью инвестировать их с большей отдачей, более производительно); 2) реинвестирование прибыли, получаемой в быстро растущих отраслях экономики. Исследователь при этом отмечает историческую вариативность форм, посредством которых осуществлялись эти типы накопления. Так, распределительные механизмы, по мнению У. Ростоу, были задействованы в земельной реформе 1860-х годов в России (освобождение крестьян от крепостной зависимости): государство использовало поток крестьянских выкупных платежей за землю в целях стимулирования экономического роста; в свою очередь, часть наиболее предприимчивых бывших землевладельцев, получавших в результате реформы компенсацию от государства, инвестировала средства в промышленность и торговлю. Широкое применение перераспределительных механизмов демонстрировал, по мнению У. Ростоу, коммунистический Китай, в котором государство систематически присваивало все частные капиталы посредством обременительных налоговых инструментов. В качестве инструмента накопления, считает Ростоу, может выступать и инфляция (Великобритания в конце 1790, США – 1850, Япония – 1870-х годов), которая способствует передвижению ресурсов из сферы потребления в капитал. Сдвиг потоков дохода в более производительные руки обеспечивается также банками и фондовыми рынками; фактически, отмечает У. Ростоу, все без исключения периоды «взлета» сопровождались развитием банковских учреждений. Нельзя недооценивать, по мнению У. Ростоу, и необходимости наличия спроса на производительные инвестиции – «существование одного или более быстро растущих секторов экономики, в рамках которых предприниматели (частные или государственные) вкладывали капитал в новые возможности с целью получения высокой прибыли». В качестве еще одного значимого механизма накопления капитала У. Ростоу называет внешнюю торговлю (экспорт сельскохозяйственной продукции, сырья неоднократно в истории использовался, чтобы финансировать импорт промышленного оборудования и обслуживать внешний долг в течение «взлета» – это могло быть зерно в США, России, Канаде, древесина в Швеции, шелк в Японии и т.д.). Импорт капитала также может играть существенную роль в обеспечении «взлета» (например, США, Россия, Швеция, Канада), особенно в деле сооружения дорогостоящих сооружений с длительным сроком окупаемости. Все же Ростоу полагает, что внутренним источникам накопления в условиях стадии «взлета» в целом принадлежала ведущая роль.

Одним из важнейших условий активизации процесса накопления, согласно У. Ростоу, является развитие предпринимательства. Предприниматели должны обладать способностью осуществлять производительные инвестиции, действовать в конечном счете рационально при выборе направлений развития собственного бизнеса, чтобы последний был успешным. При этом Ростоу выступает против преувеличения значения (которое он в определенной степени признает) протестантской этики как фактора деловой активности (данный фактор, описанный М. Вебером, нередко включается в интерпретации экономистов, дабы «осветить серые горизонты формальных моделей роста»). Он справедливо указывает на этносоциальные группы активных предпринимателей различных стран – самураев, персов, евреев, северных итальянцев и т.д., – которые, выполняя функции лидеров в процессе экономического роста, отнюдь не вдохновлялись на свою деятельность протестантизмом. Как полагает У. Ростоу, представление о положительном влиянии религиозных или других ценностей на формирование деятельности, стремящейся к максимизации прибыли, вряд ли может быть принято в качестве достаточного социологического объяснения. Более важными для появления предпринимательских элит, по его мнению, являются два условия: 1) новая элита должна опущать недоступность для себя обычных в традиционном обществе путей к престижу и власти; 2) традиционное общество должно быть достаточно гибким (а, возможно, слабым), чтобы позволять своим членам стремиться к материальному благу или политической власти как способу выдвинуться в противовес традиционалистскому конформизму.

Формирование предпринимательских групп, готовых к риску и склонных воспринимать инновации, в процессе индустриализации протекает неодинаково в разных обществах, как и процессы накопления. Как уже отмечалось, У. Ростоу выделял ограниченную категорию богатых аграрных стран с населением, сформировавшимся в результате миграции, в которых сплочение предпринимательских элит осуществлялось без серьезных затруднений – с возникновением экономических стимулов к индустриализации коммерческие и финансовые группы относительно легко включались в индустриальное предпринимательство. В большинстве же стран развитие предпринимательства протекало сложно, путем преодоления многочисленных преград. «Что бы ни вскрыл дальнейший эмпирический анализ относительно мотивов, направляющих людей на конструктивную предпринимательскую деятельность периода “взлета”, – пишет У. Ростоу, – можно быть уверенным: эти мотивы существенно варьируют при переходе от одного общества к другому; и это вряд ли мотивы чисто экономического плана»¹⁵.

Совокупный экономический рост можно рассматривать как результат суммирования различающихся темпов роста в отдельных отраслях экономики. Отраслевые показатели роста обуславливаются отчасти общими параметрами, характеризующими спрос (например, численность населения, потребительский спрос, потребительские пристрастия и т.д.), отчасти же факторами предложения. В связи с этим У. Ростоу группирует отрасли экономики в три категории: 1) *первичные сектора* роста, в рамках которых возможности для внедрения инноваций и для эксплуатации выгодных или до того неизведанных ресурсов дают высокую норму прибыли и приводят в движение экономику в целом; исторически, в роли первичных, ведущих секторов экономики могли выступать текстильная, тяжелая, лесная, пищевая или в целом легкая промышленность; в этой связи, как полагает У. Ростоу, вряд ли можно выделить какой-то единственный сектор в качестве универсального «волшебного ключа» для «взлета»; также не имеет смысла для развивающихся стран копировать историческую последовательность ведущих секторов промышленности с Великобритании, США или России; 2) *дополнительные сектора* роста, где ускоренное развитие начинается под прямым воздействием потребностей первичных секторов роста (например, угледобыча, производство железа и машиностроение как ответ на железнодорожное строительство); 3) *производные сектора* роста, где развитие осуществляется в довольно тесной связи с ростом совокупного реального дохода, численности населения, производительности и некоторых других, умеренно растущих параметров (пищевая промышленность, жилищное строительство и т.д.). Прогресс в первой и второй группах отраслей У. Ростоу связывает в первую очередь со сдвигами в области предложения; в третьей группе — с изменениями в сфере спроса; при этом ученый подчеркивает, что данное разграничение не носит абсолютного характера. С точки зрения отраслевой динамики, согласно У. Ростоу, «экономический рост осуществляется путем бесконечного повторения, в различных вариациях, со сменой лидирующих секторов, эксперимента «взлета». Подобно «взлету», долгосрочный экономический рост требует, чтобы общество не только использовало в значительных масштабах капитал на амортизацию и эксплуатационные расходы, на жилищное, коммунальное строительство и на другие накладные расходы, но также чтобы имела место последовательность высоко производительных первичных секторов, быстро растущих и основанных на новых промышленных функциях»¹⁶.

Подводя итоги анализа структуры «взлета», У. Ростоу обращает внимание на необходимость для его успешной реализации: а) создания расширенного эффективного спроса на продукцию тех отраслей,

которые создают основу для быстрых темпов роста (исторически это может быть организовано перемещением доходов из сферы потребления или непроизводительного накопления в производительные инвестиции; импортом капитала; резким увеличением в производительности текущих инвестиций, расширяющим реальный доход потребителей, который может расходоваться на продукты внутреннего производства; или комбинацией перечисленных способов); б) внедрения новых производственных функций или расширения возможностей ведущих отраслей экономики; в) выработки способности производить капитал, необходимый для того, чтобы инициировать «взлет» в ключевых отраслях экономики; г) ускоренного развития в рамках таких отраслей, расширение и технологическая трансформация которых в состоянии привести в движение экономику в целом¹⁷.

По мнению У. Ростоу, стадия «взлета» может быть датирована для Великобритании приблизительно 1783–1802 гг., для Франции — 1830–1860, для Германии — 1850–1873. Для США этот период охватывает 1843–1860 гг. (Ростоу разделяет его на два подпериода: 1) активное железнодорожное и промышленное развитие 1840-х годов преимущественно на Востоке страны, в то время как Запад и Юг «переваривали» результаты аграрной экспансии предшествующего десятилетия; 2) большой железнодорожный «натиск» на Средний Запад в течение 1850-х годов, сопровождавшийся обильным притоком иностранного капитала; к началу Гражданской войны американская экономика Севера и Запада, особенно сектор тяжелой промышленности, может быть квалифицирована как пережившая «взлет»). Япония, по У. Ростоу, проходила стадию «взлета» на протяжении 1878–1900 гг. Ученый подчеркивает приблизительность датировки в силу недостатка адекватных данных. В частности, отмечает он, некоторый промежуток времени после 1868 г. определенно был посвящен укреплению предварительных условий для «взлета». К 1914 г. японская экономика, по мнению Ростоу, преодолела стадию «взлета». Но для исследователя остается под вопросом квалификация периода приблизительно с 1878 г. до Китайско-японской войны середины 1890-х годов: завершение ли это создания предварительных условий или сам «взлет». Россия, как полагал У. Ростоу, прошла стадию «взлета» в 1890–1914 гг.¹⁸

Концепция «взлета» У. Ростоу в определенной степени обнаруживает сходство с понятием «*промышленная революция*», поскольку акцентирует внимание на радикальных переменах в способах производства в течение относительно короткого промежутка времени. Однако в отличие от концепции «промышленная революция» схема Ростоу не сводит проблему «взлета» к одномоментному, исторически сжатому сдвигу в экономике. Напротив, она признает значи-

мость длительных, медленных изменений в процессе экономического роста: в частности, предшествующего «взлету» продолжительного периода создания комплекса предпосылок для экономического рывка и следующего за «взлетом» этапа укоренения и широкого распространения его последствий в экономике и обществе.

Если на стадии «взлета» индустриализация только начинается, то на следующей стадии она приобретает массовый характер. Достижение производительности, превосходящей рост потребления, создает условия для непрерывного экономического развития «на собственной основе», без обязательной перекачки капитала извне и без дополнительных изменений в поведенческих моделях потребления, сбережения и накопления. Очерчивая следующую за «взлетом» стадию устойчивого, самоподдерживающегося экономического роста, У. Ростоу отмечает значительное увеличение валового национального дохода на душу населения; трансформацию структуры экономики; некоторое снижение темпов развития в рамках отраслей промышленности, стимулировавших в свое время «взлет», при поддержании стабильно высоких норм экономического роста новыми, быстро растущими секторами экономики; изменение структуры населения за счет перемещения его из сферы аграрной занятости в промышленную.

В целом концепция стадий экономического роста У. Ростоу, созданная в контексте модернизационной парадигмы, квалифицируется как эволюционистская и линейная: индустриализация рисуется в ее рамках как процесс постепенного движения (всех обществ) — через последовательность одних и тех же стадий в общем направлении — от низшей к более высоким стадиям развития общества, к достижению более высокой производительности. Присущее модернизационной перспективе представление о развитии как системном и имманентном процессе (изменения в одном секторе социальной системы вызывает соответствующие перемены в прочих секторах) характерно и концепции У. Ростоу (например, сдвиги в ведущих отраслях, вызывающие цепь прогрессивных трансформаций во всей экономике и обществе). Модель Ростоу акцентирует внимание на накоплении капитала, технологическом прогрессе, развитии рабочей силы как важнейших компонентах экономического развития. Созданная как либеральная альтернатива марксизму концепция У. Ростоу предусматривает редистрибутивный механизм в качестве нормального результата и условия экономического роста (фискальные, кофискационные и др. инструменты перемещения излишка в более производительные сферы экономики; инвестирование дохода, производимого в аграрной сфере, в индустриальный сектор). Несмотря на то что У. Ростоу уделяет внимание социокультурным и институ-

ционально-политическим измерениям модернизации, центральное место в его концепции занимает исследование экономических переменных. Дисциплинарная (экономико-центристская) узость концепции Ростоу неоднократно критиковалась в литературе. Оппоненты отмечали также игнорирование воздействия на страновые модели индустриализации со стороны экзогенных факторов (международные отношения, колониализм). Проблема слаборазвитости как длительного состояния использовалась оппонентами концепции Ростоу как повод для обвинений в необоснованном оптимизме.

Индустриализация в контексте теории зависимости

Если школа модернизации, как считают многие, исследует проблемы развития с точки зрения Соединенных Штатов и других западных стран, то перспектива зависимости (зависимого развития или слаборазвитости), можно так сказать, рассматривает развитие с позиций стран «третьего мира», представляет «голоса от периферии».

В общих чертах существо парадигмы зависимости сводится к следующему положению¹⁹. В основе ее лежит принципиальное положение о том, что слаборазвитость не является стадией на пути к капиталистическому обществу, но выступает в качестве следствия доминирования в мире развитых капиталистических стран. Сторонники перспективы зависимости подчеркивают, что слаборазвитость (underdevelopment) — созданная, рукотворная ситуация, а не первоначальная фаза эволюционного процесса. Таким образом, представители данной школы возлагают ответственность за экономическую и политическую слаборазвитость развивающихся стран на индустриально развитые общества. Подобная точка зрения основывается на признании того, что капиталистическая система подвергла мир преобразованию и установила в значительной степени доминирование над мировой экономикой. Один из крупнейших представителей школы зависимого развития Т. Дос Сантос определяет понятие *слаборазвитость* следующим образом: «Слаборазвитость является скорее не состоянием отсталости, предшествующим капиталистической стадии развития, а следствием и специфической формой капиталистического развития, известной как зависимый капитализм... зависимость является обусловленной ситуацией, в рамках которой экономики одной группы стран обуславливаются развитием и экспансией других стран. Отношения взаимозависимости между двумя или более экономиками, или между такими экономиками и системой международной торговли приобретают характер отношений зависимости тогда, когда некоторые страны могут развиваться под влиянием внутренних импульсов, в то время как развитие других, находя-

щихся в зависимом положении, становится отражением экспансии доминирующих стран, оказывающих положительные или отрицательные воздействия на их непосредственную динамику. В любом случае, ситуация зависимости превращает эти страны в отсталые и эксплуатируемые. Доминирующие страны обеспечиваются технологическим, коммерческим, финансовым и социополитическим господством над зависимыми странами – форма этого господства может исторически варьироваться – и могут поэтому эксплуатировать их и извлекать часть произведенного в них излишка. Зависимость, следовательно, базируется на международном разделении труда, которое создает возможности для индустриального развития в одних странах, ограничивая их при этом в других, рост которых обуславливается и подчиняется могущественными мировыми центрами»²⁰. Т. дос Сантос выделяет три стадии зависимости: 1. *Колониальная зависимость*: монополия колониальных властей на торговлю, землю и трудовые ресурсы; 2. *Финансово-индустриальная зависимость*: капиталистические общества вкладывают капиталы в добывающие отрасли и сельское хозяйство в слаборазвитых обществах с целью поддержать свое собственное индустриальное развитие; 3. *Новая зависимость*: слаборазвитые общества превращаются в рынки для капиталистических обществ.

Для теории зависимости характерно жесткое противопоставление, получившее наименование *центр-периферийной теории*, стран ядра (развитых обществ или метрополий) слаборазвитым странам мировой периферии, которые являются экономическими сателлитами первых (А.Г. Франк). Суть центр-периферийной теории сводится к доминированию развитых капиталистических обществ центра над периферией («третьим миром»). По мнению представителя теории зависимости С. Амина, в основе противопоставления центра и периферии лежит международное разделение труда: в центре – мировая буржуазия, на периферии – мировой пролетариат; отношения между центром и периферией связаны с извлечением центром прибавочного продукта из стран периферии. Зависимые или слаборазвитые общества экономически завязаны на экспорт первичных продуктов, различного сырья и сельскохозяйственных товаров, рынки которых контролируются капиталистическими (перерабатывающими) экономикими. Любая развивающаяся отрасль также подчинена капиталистическому контролю.

Таким образом, взаимоотношения центра (ядра) индустриально развитых стран и периферии носят асимметричный характер: в данном контексте слаборазвитость периферии выступает как результат развития центра. Для представителей теории зависимости развитие и слаборазвитость – две стороны одной медали. Капиталистическое

развитие, по мнению сторонников данного подхода, создает дуализм на международном и национальных уровнях: отношения господства и подчинения, которые под воздействием ряда факторов увековечиваются. Находящиеся на более высокой ступени развития контролируют доступ к мировым ресурсам, товарным рынкам, рынкам сырья; обладают возможностью подрывать политические структуры и экономические планы менее развитых стран. Господствующие мировые элиты связаны между собой и с привилегированными элитами стран «третьего мира». Внутринациональная двойственность в границах самого «третьего мира» создает небольшие оазисы богатства и власти в контексте периферийной бедности. Развитие фактически ничего не дает большинству населения периферии: со временем социально-экономическая поляризация периферийного общества лишь увеличивается. Практически в неизменном виде сохраняются традиционные феодальные структуры; паразитическая буржуазия оказывается не в состоянии выполнить историческую миссию высвобождения производительных сил; в связи с концентрацией власти в руках тонкого «верхнего слоя», вступившего в союз с мощными международными покровителями возникают большие трудности с осуществлением необходимых структурных трансформаций. Эксплуаторская политика развитых стран (передача несоответствующих технологий, оказание помощи по ошибочно выбранным адресам, неравноправный характер торговли и т.д.) способствует закреплению слаборазвитости. Зависимость приводит также, по мнению сторонников парадигмы зависимости, к интеллектуальному колониализму, становлению неадекватных образовательных систем, переманиванию наиболее талантливых представителей периферийного общества в более развитые страны. Сторонники теории зависимости обращают внимание на негативные последствия «демонстрационного эффекта», приводящие к распространению в рядах элиты (а затем и в более широких слоях населения) беднейших стран мира потребительских ориентаций, присущих населению индустриально развитых стран, что в условиях периферии понижает и без того невысокий уровень производительного инвестирования и поощряет расточительность.

Несмотря на наличие некоторых черт сходства между модернизационной перспективой и школой зависимости (фокусирование внимания на проблематику развития, выявление факторов, определяющих это развитие, изучение преимущественно развивающихся стран; высокий уровень абстракции, присущий методологиям, объяснение самых общих процессов развития; использование дихотомических теоретических моделей: «традиция VS современность» в рамках перспективы модернизации; «ядро (центр, метрополия) VS периферия (государства-сателлиты)» в контексте школы зависимо-

сти), данные теоретические направления резко отличаются друг от друга: 1) имеют различные теоретические основы (эволюционизм и функционализм модернизационной перспективы; либеральная программа ЭКЛА (Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки) с упором на развитие импортзамещающих экономик и радикальные неомарксистские теории школы зависимости); 2) акцент на внутреннее, эндогенное объяснение проблем развивающихся стран в рамках перспективы модернизации (засилье традиционной культуры и ментальности, недостаток производительных инвестиций, отсутствие мотивации к достижению); «экзогенная» интерпретация данных проблем перспективой зависимости (роль колониализма и неоколониализма в формировании слаборазвитости стран «третьего мира»); 3) оценка взаимодействия между странами «третьего мира» и индустриально развитыми странами как выгодного для первых сторонниками перспективы модернизации (западные страны способствуют успешному развитию стран «третьего мира»); негативная трактовка данного взаимодействия в контексте перспективы зависимости (развитые страны эксплуатируют периферию для собственной выгоды); 4) теории модернизации присущ оптимистический взгляд на будущее (развивающиеся страны в состоянии модернизировать себя и догнать развитые страны); прогнозы представителей перспективы зависимости относительно будущего стран «третьего мира» скорее пессимистичны (они полагают, что если существующие эксплуататорские отношения сохранятся, зависимость развивающихся стран от Запада будет лишь углубляться); 5) относительно решения проблемы отсталости стран «третьего мира» перспектива модернизации настаивает на усилении сотрудничества между развивающимися и развитыми странами (финансовая помощь, культурные и технологические взаимосвязи); сторонники теории зависимости склонны видеть выход в минимизации взаимодействий между развитыми и развивающимися странами с тем, чтобы последние получили возможность реализовать проект автономного, независимого развития; имеются и сторонники радикальной социалистической революции ради достижения цели)²¹.

Оппоненты теории зависимости обращают внимание на ее тематическую ограниченность, на то, что она не в состоянии объяснить характера экономических отношений внутри ядра, между самими индустриально развитыми странами. Кроме того, критики отмечают неоднородность самой периферии и вариативную природу взаимоотношений ее членов со странами центра. За исключением Японии, все быстро развивающиеся индустриальные экономики «Тихоокеанского кольца» (Малайзия, Сингапур, Тайвань, Ю.Корея) лишь несколько десятилетий тому назад находились на периферии,

являясь частью «третьего мира», однако сейчас они бросают вызов экономическому превосходству старых индустриальных обществ, что в определенной степени подрывает тезис о консервации зависимости. Таким образом, данная теория игнорирует внутренние особенности различных развивающихся обществ при объяснении относительной недостаточности их развития.

Проблемы индустриализации в странах «третьего мира» нашли отражение в творчестве одного из сторонников перспективы зависимости Р. Пребиша²². Р. Пребиш рассматривал периферийный капитализм, как и другие представители данного направления, в качестве составной части мировой экономической системы стран, как зависимый и придаточный капитализм, подчиненный интересам развитых стран и существующий «под знаком их гегемонии и господства рыночных законов». В рамках его концепции экономическое развитие базируется на процессе накопления капитала, тесно связанном с техническими изменениями и направленном на увеличение капиталоемкости труда, производительности и уровня жизни. Концепцию Пребиша отличает от классических кейнсианских, некейнсианских и марксистских теорий положение, согласно которому «периферийное» развитие носит чисто производный характер, поскольку его движущая сила (технический прогресс) – не эндогенного происхождения, но – результат распространения капиталистических технологий, созданных в ходе аккумуляции капитала в странах ядра.

Страны периферии, согласно Р. Пребишу, развиваются в контексте глобальной «центр–периферийной» (фактически – мировой) системы. На определенной стадии развития последней возникают условия, способствующие – в объективном смысле – «периферийной индустриализации». Начало этого спонтанного процесса, по Пребишу, можно проследить по конstellациям структурных тенденций и конъюнктурных событий, имеющих место в глобальной системе. Применительно к Латинской Америке Р. Пребиш определяет в качестве таких конъюнктурных событий две мировые войны и большой кризис 1930-х годов, на фоне которых происходил главный структурный сдвиг на глобальном уровне, а именно смена Великобритании Соединенными Штатами в качестве лидера мировой системы. При этом в рамках концепции Р. Пребиша, «периферийная индустриализация» является не только спонтанной реакцией на конкретные события и вызовы, но также структурно определенным процессом, единственной альтернативой «периферийному развитию», возможной в условиях международной иммобильности рабочей силы, расширяющегося демографического давления и усиления трудосберегающих тенденций как следствия технического прогресса в первичных экспортных отраслях. Как считает Р. Пребиш, индустриализа-

ционная альтернатива уже присутствует в качестве тенденции в конечной стадии истощающей национальную экономику экспортной модели «периферийного» развития; впоследствии экспортная модель сменяется «внутрь смотрящей» моделью развития, ориентированной на импортзамещающую индустриализацию.

Р. Пребиш отмечает глубокие противоречия, присущие латиноамериканскому капитализму и непреодолимые, по мнению исследователя, в рамках существующей системы, которую, в конце концов, необходимо подвергнуть преобразованию. Он указывает на социальную поляризацию: «процветание, а иногда и роскошь на одном полюсе, и беспросветная бедность на другом. Это исключаящая система». По мнению Пребиша, экономическое развитие в условиях «периферийной индустриализации» «не решало социальных проблем, и жизненная энергия системы не использовалась для повышения коллективного благосостояния». Латиноамериканский экономист объявляет мифом укорененное в либеральных, модернизационных учениях представление об эффективности и перспективности имитационной модели развития о том, «что мы могли бы развиваться по образу и подобию центров». Мифом же он считает и представление о спонтанном распространении капитализма: «Развитый капитализм со всей очевидностью демонстрирует свой центростремительный характер, а также стремление присваивать и господствовать. Он распространяется вширь, чтобы использовать периферию, но не для того, чтобы способствовать ее развитию. В этом проявляется глубокое противоречие мировой системы капитализма. В этом же проявляется глубокое противоречие и внутреннего развития периферии, противоречие между экономическим процессом и демократическим процессом. Так, первый обеспечивает плодами развития ограниченную часть общества. В то же время демократия может обеспечить доступ к ним более широких слоев. И это противоречие, эта конфликтная тенденция системы неизбежно ведет ее к кризису, к инфляции с различными серьезными последствиями»²³.

К числу глубоких противоречий системы периферийного капитализма Р. Пребиш относит «несправедливое распределение плодов развития», являющееся прежде всего «следствием присвоения верхними слоями общества значительной части результатов технического прогресса в виде экономического излишка. Непрерывный рост излишка является динамическим требованием системы, так как представляет собой основной источник накопления производительного капитала, с которым связан рост производства и увеличение занятости». В условиях периферийного капитализма и периферийной индустриализации «существенная часть излишка используется верхними слоями общества для имитации потребления в центрах. Речь

идет о разбазаривании в огромных масштабах потенциала накопления капитала в привилегированном обществе потребления. Одновременно центры высасывают существенную часть доходов периферии. Это связано и с гипертрофией государства, что является в значительной степени следствием пороков самой системы. Накопление капитала оказывается недостаточным по отношению к бурному росту рабочей силы. Система таким образом исключает широкие массы населения, которые оказываются обреченными на прозябание на дне социальной структуры», «...правила игры периферийного капитализма, — как полагает Р. Пребиш, — не позволяют устранить два его крупнейших дефекта: во-первых, его отторгающий эффект, который можно было бы скорректировать лишь путем более интенсивного накопления капитала за счет сокращения потребления привилегированных слоев и уменьшения доходов, переводимых в центры, и во-вторых, его конфликтный характер, его противоречивость, усиливающуюся вследствие изменения соотношения сил в борьбе за власть между основными социальными слоями»²⁴.

Таким образом, процесс индустриализации под пером представителя теории зависимости приобретает несамостоятельный, подчиненный характер. В контексте данной парадигмы индустриализация сама по себе не дает шанса преодолеть слаборазвитость периферийного общества. В конце концов выход из создавшейся ситуации Р. Пребиш видит в кардинальной структурной трансформации периферийного капитализма (кратко суть ее можно свести к сохранению частной природы собственности при придании общественного характера системе распределения).

Индустриализация в рамках миросистемного анализа

Среди основных школ, разрабатывающих проблематику развития, миросистемная перспектива И. Валлерстайна — единственная, в рамках которой единицей исследования выступают не страновые (национальные) модели, а мировое сообщество в целом. По мнению основоположника миросистемного анализа И. Валлерстайна, весь мир составляет единую (капиталистическую) систему-экономику, экономическая организация современного капитализма имеет глобальную, а не национальную основу (данный мировой экономический порядок, согласно И. Валлерстайну, начал развиваться примерно с рубежа XV–XVI вв.), поэтому национальное государство не является существенной аналитической переменной, поскольку «внутренние» экономические процессы любого общества странового масштаба в значительной степени детерминируются его местом в иерархическом порядке мировой системы.

Если в рамках традиционных социальных наук человеческая история рассматривается как прогрессивный процесс (именно такое теоретическое допущение лежит в основе и либеральных эволюционных схем, в том числе и модернизационных, и историко-материалистических марксистских конструкций) совместно использовали это основное предположение о продвижении (прогрессе), то для Валлерстайна миросистемный анализ выступает как попытка удалить идею прогресса в качестве детерминанты исторической динамики, сохранив за ней значение лишь аналитической переменной; «...могут быть лучшие и худшие исторические системы (и мы можем обсуждать критерий, позволяющий их оценивать), — пишет И. Валлерстайн. — Невозможно с уверенностью утверждать, что существовала линейная тенденция — восходящая, нисходящая или стабильная. Возможно, линия динамики неоднородна или имеет индетерминистскую природу. Если признать это, то мгновенно открывается целая арена новых возможностей для интеллектуального анализа. Если существовало множество примеров, и типов, исторических систем, и если все исторические системы имеют начала и завершения, то мы хотели бы знать кое-что относительно процесса, посредством которого динамика исторической системы разворачивается в пространстве и времени»²⁵.

Мировую систему, по мнению Валлерстайна, можно разбить на три группы стран в соответствии с мировым разделением труда: ядро развитых индустриальных обществ; периферийные страны, экономика которых преимущественно основывается на производствах первичного сектора; частично индустриализированные полупериферийные общества, являющиеся одновременно и эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Исходя из того, что экономические процессы реализуются в рамках мировой капиталистической системы, И. Валлерстайн утверждает, что ни развитие, ни слаборазвитость какой-либо определенной территориальной единицы не могут быть адекватно проанализированы без рассмотрения ее динамики в контексте циклических ритмов и вековых трендов мировой экономики в целом. По мнению Валлерстайна, существует два различных типа циклических ритмов: это *кондратьевские* циклы (включающие А-стадию расширения и В-стадию сокращения; каждый цикл длится приблизительно 40–55 лет) и более продолжительные «логистические» циклы (предположительно 150–300 лет). В рамках логистических циклов также существуют две стадии: но если А-стадия, как и в кондратьевских циклах, обозначает расширение, то В-стадия — характеризует этап стагнации. Изучая последствия логистического цикла 1450–1750 гг., И. Валлерстайн отмечает его существенное отличие от предшествующего цик-

ла, который пришелся на поздние Средние века (1100–1450 гг.) Если цикл 1100–1450 гг., по мнению И. Валлерстайна, оказал более или менее однородное влияние на все европейские регионы, то цикл 1450–1750 гг. продемонстрировал асимметричную модель развития в различных зонах Европы (что, как считает Валлерстайн, как раз и свидетельствует о возникновении к данному периоду мировой системы): так, политическое устройство окрепло, как полагает исследователь, в Западной Европе и ослабло — в Восточной; «феодальные» же обязанности, напротив, получили импульс к усилению в Восточной Европе («вторичное закрепощение»), но еще более ослабели в северо-западной Европе. По мнению Валлерстайна, асимметрия развития (которая обнаруживает себя при сопоставлении стран ядра, полупериферии и периферии) как раз и представляет серьезный исследовательский интерес²⁶.

Миросистемный анализ существенно отличается от других школ, занимающихся проблемами развития. Вероятно, главное отличие характеризует масштаб исследования. Если школы модернизации и зависимости ориентируются на страновой, национальный масштаб анализа, то сторонники миросистемного подхода рассматривают исторические процессы в рамках мировой системы. При этом миросистемный анализ и перспектива зависимости в большей степени интересуются ролью экзогенных (внешних по отношению к стране) переменных, а для школы модернизации ключевыми, как уже отмечалось, являются эндогенные переменные. Исследовательский фокус миросистемной школы, несомненно, шире подходов других перспектив развития. Представители модернизационной школы широко применяют свои аналитические приемы ко всем странам, которые дают основания для разработки проблематики развития. Сторонники перспективы зависимости преимущественно сосредоточивают свое внимание на странах периферии. Ученые же, работающие в рамках миросистемной перспективы, интересуются как глобальными процессами в масштабах мировой системы, так и национальными динамиками развития стран ядра, полупериферии, периферии, обусловленными, как им кажется, структурой мир-экономики. Если школы модернизации и зависимости пользуются дихотомическими теоретическими конструкциями: первая — *традиция VS современность*; вторая — *ядро VS периферия*, — то миросистемный анализ прибегает к более гибкой, расширяющей познавательные возможности, тримодальной конструкции, которая включает *ядро-полупериферия-периферия*. Школы модернизации и зависимости в общем придерживаются детерминистского видения на проблематику развития: сторонники модернизационной перспективы исходят из эволюционистско-прогрессистского детерминизма; для

представителей перспективы зависимости сама зависимость выступает в качестве жесткого, детерминированного следствия неравноправных взаимоотношений между странами ядра и периферии. Миросистемный подход отличается, скорее, индетерминистским взглядом на историческую динамику: его сторонники признают наличие циклических ритмов и вековых трендов, возможность восходящей и нисходящей мобильности в рамках мировой системы.

Оппоненты миросистемного анализа обращали внимание на очевидность того, что периферийные общества развиваются в зависимости от Центра системы, поскольку большинство торговых и инвестиционных операций осуществляется между уже развитыми и индустриализованными обществами. Для многих сомнительной представляется гипотеза о том, что внешние силы мировой экономики имеют большее значение для перспектив социальных изменений конкретного общества, чем его внутренние процессы. И. Валлерстайна критиковали также за игнорирование социокультурных изменений.

Специфика миросистемного подхода сказывается на особенностях анализа процессов индустриализации, осуществляемого в его рамках. Это можно увидеть на примере периферийной индустриализации Гонконга второй половины XX в., проведенного представителем миросистемной перспективы А. Соу²⁷.

Экономические успехи Гонконга, из рыбацкой деревушки XIX в. выросшего во второй половине XX в. в одно из наиболее развитых индустриальных государств мира и в один из крупнейших мировых финансовых центров, хорошо известны. По мнению А. Соу, объяснения экономического роста Гонконга, предлагаемые представителями модернизационного и неомарксистского направлений, являются недостаточными. Первые акцентируют внимание на социокультурные (роль «неоконфуцианства», который поощряет трудовую этику и лояльность индивидуума компании; значение «семейственности», помогающей перемещать ресурсы и капитал через каналы родственных связей) и институциональные (Гонконг – капиталистический рай; свободный рынок как фактор быстрого экономического развития) факторы экономической динамики Гонконга. Вторые пытаются объяснить стремительную индустриализацию стран Юго-Восточной Азии регулирующим воздействием сильной авторитарной государственности (милитаризированные правительства, однопартийные системы, подавление диссента; приверженность государственных чиновников идеологии развития; способность авторитарного государства создавать инфраструктуру, стимулировать замещение импорта и создание ориентированной на экспорт промышленности).

Что касается модернизационных версий, то А. Соу, признавая высокую значимость ментальных и рыночно-институциональных факторов роста, считает, что они не в состоянии объяснить, почему индустриализация Гонконга, приобретая форму «экспортной индустриализации», началась именно после Второй мировой войны. Неомарксистские объяснительные схемы, по мнению Соу, не могут быть применены к случаю Гонконга с его либеральной государственностью, политикой *laissez-faire*, минимумом государственной интервенции в экономическую область. По мнению А. Соу, именно миросистемная перспектива дает адекватный познавательный инструмент для изучения индустриализации Гонконга. Исследователь при этом выделяет три фазы экономического взлета: 1) индустриальная революция (1950-е годы); 2) диверсификация экономики в конце 1960-х годов; 3) расширение финансового сектора в конце 1970-х годов.

Особенности экономического развития Гонконга на всех трех этапах рассматриваются А. Соу в контексте сдвигов в мировой системе капитализма. В частности, анализируя первую стадию индустриализации Гонконга (фаза «индустриальной революции») Соу обращает внимание на изменение ситуации в мировой системе в 1950-е годы в условиях послевоенного восстановления экономики стран ядра: значительный рост спроса на потребительские товары и дешевое сырье; повышение стоимости рабочей силы. Растущие трудовые затраты, отмечает исследователь, стимулировали тенденцию перемещения ряда трудоемких производств на периферию. В это время британские скупщики текстиля предприняли значительные усилия, направленные на поддержку гонконгских предприятий. Кроме того, А. Соу рассматривает в качестве имплицитного фактора гонконгской индустриализации импульсы, проистекавшие из взаимоотношений социалистического Китая и капиталистических стран. Экономическое развитие Гонконга, по мнению исследователя, было в значительной степени ускорено бегством туда капиталистов из Шанхая, принеших с собой технологии, навыки управления и капиталы, а также множества горожан из южных провинций Китая, недовольных политической нестабильностью и навязываемым им коммунистическим менталитетом. Таким образом, наилучшие активы социалистического Китая в виде капитала и рабочей силы были внезапно трансплантированы в Гонконг, дабы пожинать выгоды от экономического подъема в рамках капиталистической мировой системы. Особенности международной ситуации в разгар холодной войны (антикоммунистическая истерия, нашедшая выражение в разнообразных методах сдерживания коммунистической экспансии, в том числе путем поддержки правительства Тайваня, отправки войск в Корею, эконо-

мическими блокадами) объясняют, по мнению А. Соу, почему социалистический Китай отказался установить контроль над Гонконгом. Дело в том, что в условиях замораживания контактов с капиталистическим миром Гонконг стал практически единственным портом, через который Китай мог получать иностранную валюту, необходимую для приобретения импортного оборудования. В итоге Китай предпочитал снабжать Гонконг продовольствием, сырьем и даже питьевой водой в обмен на иностранную валюту. Неравный обмен дешевых китайских изделий на валюту Гонконга фактически субсидировал экономику последнего, способствовал понижению стоимости жизни и укреплял конкурентоспособность Гонконга на мировом рынке. Процесс индустриализации Гонконга обеспечивался и отсутствием интенсивной социальной борьбы – китайские беженцы-рабочие были в целом удовлетворены условиями труда и жизни, более высокими по сравнению с социалистическим Китаем.

Именно благоприятная конъюнктура мирового рынка и отсутствие внутренних классовых конфликтов, по мнению А. Соу, помогают объяснять либеральный и неинтервенционистский курс политики правительства Гонконга: для Гонконга, в отличие, например, от Тайваня, не было необходимости прибегать к милитаризации, чтобы остановить коммунистическую экспансию или укреплять полицейский режим для подавления оппозиции. Потребность в настойчивом регулировании экономики, в частности для стимулирования «экспортной индустриализации», также отсутствовала, поскольку китайские предприниматели и так прекрасно интегрировались в мировой рынок.

В конце 1960-х годов ситуация в рамках мировой системы капитализма претерпела изменения. Гегемония США была подорвана быстрым экономическим ростом Японии и Западной Германии. На место идеологии свободной торговли пришла идеология протекционизма. Были установлены импортные ограничения и торговые квоты, что поставило под угрозу расширяющуюся экспортную экономику Гонконга. Кроме того, усилилась конкуренция между странами-экономиками периферии; в частности, Гонконг стал испытывать экономическое давление со стороны Тайваня и Южной Кореи, а также социалистического Китая, который после стабилизации политического режима приостановил отток рабочей силы в Гонконг. Экономика Гонконга столкнулась в 1960-е годы с проблемой нехватки рабочих рук. Интенсивное соревнование между предприятиями за рабочую силу способствовало подъему уровня заработной платы гонконгских рабочих; в результате рабочая сила в Гонконге лишилась преимуществ дешевизны по сравнению с другими периферийными странами. Перечисленные обстоятельства, по мнению А. Соу, объясняют переход ко второй стадии в экономическом раз-

витии Гонконга, которая характеризовалась растущей диверсификацией производства, выступавшей в качестве инструмента приспособления к меняющимся условиям внешней и внутренней среды. «Путем постоянного внедрения инноваций в технологиях, дизайне и рекламе гонконгская швейная промышленность избавилась от плохой репутации производителя «дешевой, но скверной продукции». Осуществлялась также диверсификация в другие отрасли промышленности, такие как электроника и производство часов, туристский бизнес, судостроение, транзитная торговля»²⁸.

Особенности третьей стадии экономического развития Гонконга (превращение его в мировой финансовый центр) также, по мнению А. Соу, можно объяснить, лишь поместив его в контекст более общей динамики мировой системы. В конце 1970-х годов имело место стремительное расширение финансового сектора Гонконга; каждый гигантский банк стран ядра размещал в Гонконге свои отделения; Гонконг превратился в финансовую столицу Азии и стал третьим крупнейшим финансовым центром мира. Выявляя сдвиги в природе мировой системы капитализма данного периода, А. Соу отмечает, рост внешней задолженности Латинской Америки, политическую нестабильность Ближнего Востока – в сложившейся ситуации именно Азия оказалась самым привлекательным регионом для размещения инвестиций финансовых гигантов Японии и США. Превращению Гонконга в финансовый центр содействовало также снижение нормы прироста прибыли в странах ядра и перемещение ряда отраслей промышленности в зону периферии, что создавало потребность в новых финансовых центрах за пределами Нью-Йорка или Лондона. Инкорпорация социалистического Китая в мировую систему капитализма, выразившаяся в переходе от прежней политики автаркии к политике «открытых дверей» с целью привлечения в страну иностранного капитала и технологий для реализации амбициозной программы «четырёх скачков», также благоприятствовала экономическому росту Гонконга. Выбор именно Гонконга, а не Тайваня, например, в качестве мирового центра размещения капиталов А. Соу считает возможным объяснить приверженностью гонконгского правительства либерализму. Эффективность миросистемного анализа, по мнению А. Соу, подтверждается и при его применении для объяснения динамических процессов в рамках ядра, полупериферии и мировой системы в целом.

* * *

В целом представители различных теоретических направлений внесли существенный вклад в проблематику развития. При этом очевидно, что рассмотренные теоретические проекции акцентирова-

ли внимание на различных аспектах социальной динамики. Если для представителей теорий модернизации более значимыми казались внутренние переменные, то для сторонников теорий зависимости, слаборазвитости, миросистемного анализа в качестве таковых выступали внешние, экзогенные параметры, в частности, мировой порядок, внешнее доминирование. По большому счету наблюдения, которые осуществлялись в рамках различных теоретических перспектив, как бы взаимно дополняли друг друга. Сами теоретические перспективы в процессе эволюции подвергались определенной корректировке, в том числе за счет заимствований у своих оппонентов — есть основания оценивать данный процесс как конвергентный, несмотря на то, что рассмотренные теоретические перспективы сумели сохранить собственные «лица». Использование различных теоретических подходов при изучении исторического объекта (в данном случае индустриализации), как нам представляется, демонстрирует неполноту односторонних подходов и полезность смены аналитических ракурсов в процессе исторического исследования. Если применение модернизационной парадигмы подтверждает важность внутренних движущих сил индустриализации, то использование других перспектив (зависимости и миросистемного анализа) убеждает в необходимости учитывать и экзогенные факторы, без чего создаваемая исследователем картина не будет выглядеть убедительно и адекватно.

Примечания

¹ See: Kerr C. *The Future of Industrial Societies*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983; Lenski G., Lenski J. *Human Societies: An Introduction to Macrosociology*. N.Y.: McGraw-Hill, 1987. P. 233–245; Vago S. *Social Change*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 134–136.

² See: Pollard S. *Peaceful Conquest: The Industrialization of Europe 1760–1970*. Oxford: Oxford University Press, 1995.

³ См.: Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М., 1999; Рейман Л.Д. *Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении* // ВФ. 2001. № 3. С. 6.

⁴ See: Smelser N.J. *Toward a Theory of Modernization* // *Social Change. Sources, Patterns, and Consequences* / Ed. by Eva Etzioni-Halevy and Amitai Etzioni. N.Y., 1973. P. 268–284.

⁵ See: Dube S.C. *Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms*. Tokyo; London, 1988. P. 35.

⁶ *Social Change. Sources, Patterns, and Consequences*. P. 177.

⁷ So A.Y. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories*. Newbury Park, 1990. P. 62.

⁸ *Social Change. Sources, Patterns, and Consequences*. P. 177.

⁹ Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. С. 10–49; Алексеев В.В., Побережников И.В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // *Уральский исторический вестник*. Екатеринбург, 2000. № 5–6. Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. С. 8–49.

¹⁰ Chodak S. *Societal Development*. N.Y., 1973. P. 263–271.

¹¹ Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960; Rostow W.W. *The Takeoff into Self-Sustained Growth* // *Social Change. Sources, Patterns, and Consequences*. P. 285–300.

¹² Idem. *The Takeoff into Self-Sustained Growth*... P. 285.

¹³ Ibid. P. 291.

¹⁴ Ibid. P. 292–293.

¹⁵ Ibid. P. 297.

¹⁶ Ibid. P. 298.

¹⁷ Ibid. P. 298–299.

¹⁸ Ibid. P. 290.

¹⁹ See: Dube S.C. *Modernization and Development*... P. 42–44; Hettne B. *Current Issues in Development Theory*. Stockholm, 1978; So A.Y. *Social Change and Development*... P. 91–165; Никитченко А.Н. Транснационализация демократии (II). («Третья волна» демократизации в свете теорий мировой экономики) // *ПОЛИС*. 1999. № 2. С. 45–48; Шестопап А.В. *Миражи Эльдorado в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке*. М., 1974; Его же. *Леворадикальная социология в Латинской Америке. Критика основных концепций*. М., 1981; Его же. *Политические модели и исторические судьбы (Опыт современной Бразилии)* // *ПОЛИС*. 1995. № 4. С. 170–175; Посконина Л.С. *Латинская Америка: пути и судьбы «мятежной социологии»* // *Рабочий класс и современный мир*. 1983. № 2. С. 186–189; Ее же. *Латинская Америка: критика леворадикальных концепций*. М., 1988; Окунева Л.С. *Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии. Феномен поставторитарного развития: опыт Бразилии и его значение для России*. М., 1994. Кн. 1–2.

²⁰ Santos T. Dos. *The Crisis of Development Theory and the Problem of Dependence in Latin America* // *Siglo*. 1969. Vol. 21; Cit. in: Dube S.C. *Modernization and Development*... P. 42–43.

²¹ See: So A.Y. *Social Change and Development*... P. 106–109.

²² Пребиш Р. *Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива?* М., 1992; Lira M. *Prebisch's Long March towards the Criticism of «Peripheral Capitalism» and its Transformation. A Comment* // *Regional Dynamics of socioeconomic change*. Warszawa, 1988. P. 21–42.

²³ Пребиш Р. *Периферийный капитализм*... С. 21–22.

²⁴ Там же. С. 22, 50.

²⁵ Wallerstein I. *World-System Analysis* // *Social Theory Today* / Ed. by A. Giddens and J.H. Turner. Stanford: Stanford University Press, 1987. P. 322–323.

²⁶ Idem. Underdevelopment Phase-B: Effect of the Seventeenth-Century Stagnation on Core and Periphery of the European World-Economy // The World-System of Capitalism: Past and Present / Ed. by W.L. Goldfrank. Beverly Hills, CA: Sage, 1979. P. 73–84.

²⁷ So A.Y. Social Change and Development... P. 230–238; Idem. The Economic Success of Hong Kong: Insights from a World-System Perspective // Sociological Perspectives. 1986. № 29. P. 241–258.

²⁸ Idem. Social Change and Development... P. 234.

3. ПОСТМОДЕРН ИЛИ ПОЗДНИЙ МОДЕРН

Статус настоящего времени: две социологические позиции

В современном обществознании широкое распространение получила трактовка настоящего как постмодерна или постмодернити (с этими понятиями коррелируют концепты постиндустриального, информационного общества¹). Согласно данной интерпретации, настоящая эпоха противопоставляется эпохе модерна или модернити (индустриального общества), которая прекратила свое существование приблизительно в середине XX столетия. Сторонники данной точки зрения полагают, что постмодерн пришел на смену модерну, что между указанными эпохами существует принципиальный разрыв, что они кардинально различаются по целому ряду параметров².

В области социальных отношений модерну приписывается в качестве сущностной характеристики система социальных классов как следствие индустриализации, в то время как постмодерну – фрагментация и усложнение социальной структуры, существенный рост класса сферы услуг, превращение в ведущую социальную группу создателей и распространителей кодифицированного знания, заменяющих в этом плане промышленников и предпринимателей индустриальной системы; расширение оснований дифференциации (пол, этничность, возраст, наряду с классом). В культурной сфере модерн характеризуется коммодификацией и рационализацией всех аспектов социальной жизни, ускорением темпов повседневной, обыденной жизни, «этикой трудолюбия», дисциплинирующей функцией работы, в то время как постмодерн отличают ростом значения культуры индустрий; размыванием границ между «высшей» и «низшей» культурами; эстетизацией повседневной жизни; доминированием

свободного и ориентированного на удовольствия стиля жизни; обретением большей свободы для инноваций в профессиональной и в частной сферах; формированием идентичности на основе индивидуального выбора; фрагментацией индивидуальной идентичности в соответствии со сменой обстоятельств жизни и окружающей социальной среды. Применительно к экономической сфере эпоха модерна характеризуется господством фордистских методов материального производства, привязанного к машине и станку, и маркетинга (массовое производство для массовых рынков), а время постмодерна – распространением постфордистской экономической системы (специализированное производство продукта ограниченными партиями), основой которой является информация. Что касается политической сферы, то модерну приписывается наличие больших правительственных структур, развитие государства всеобщего благоденствия, общественной собственности на важнейшие коммунальные предприятия и услуги при значительном вмешательстве в экономику, а постмодерну – самостоятельность, конкурентоспособность, рыночное и частное предпринимательство. В познавательной сфере характерной для модерна вера в рациональность и триумф истины и науки противопоставляется постмодерный мир без абсолютных ценностей, с относительными – консенсусными и контекстуальными истинами; расставшийся с верой в «научную» рациональность и унитарную теорию прогресса, со стертыми различиями между видимостью и «реальностью»; акцентирующий внимание на подсознательных, свободно плавающих знаках и образах, на эпистемологическом плюрализме.

«Постмодернити как историческое время, сменяющее модернити, определяется через апелляцию к модифицирующейся человеческой природе и изменяющемуся месту человека в социальной структуре. Как и теоретики постиндустриализма, постмодернисты обращаются прежде всего не к глубинным характеристикам этой эпохи, а к тем ее чертам, которые поддаются наиболее явному противопоставлению важнейшим признакам предыдущих периодов. С подобных позиций анализируются и относительно поверхностные явления демассификации и дестандартизации, и преодоление принципов фордизма, отход от прежних форм индустриального производства, и достижение качественно нового уровня субъективизации социальных процессов, и возрастающая плюралистичность общества, и уход от массового социального действия. Однако при этом, по мнению большинства постмодернистов, нарождающееся новое общество отчасти сохраняет черты прежнего, оставаясь “дезорганизованным”

[disorganized] или «умирающим» [late] «капитализмом»», — пишет В.Л. Иноземцев, резюмируя анализ концепций постмодернити³.

Согласно второй точке зрения, настоящее не вышло за хронологические рамки модерна и представляет собой лишь модификацию, очередную стадию эпохи модерна. Так, Э. Гидденс предложил для идентификации настоящего понятие «радикализованный модерн (модернити)» (radicalized modernity). Автор противопоставляет свое понимание эпохи постмодернистскому, подчеркивая при этом, что смысл фрагментации в поздней современности объясняют скорее институциональные достижения, чем эпистемологический плюрализм; что в процессе глобализации культуры заметны тенденции как к интеграции, так и к дезинтеграции; что «Я» не растворяется или не расчлняется, но скорее увеличиваются возможности для рефлексивной самоидентичности; что подкрепляются потребности в истине; что особенностями современного общества являются могущество и присвоение, а не просто бессилие; что постмодерн можно использовать по отношению к движению вне порядков модерна⁴. По мнению Б. Смарта, постмодернити является реконституированием модернити, а не его замещением. З. Бауман определяет современное общество как самоценную модернити, как модернити-для-себя (modernity for itself), а не как постмодернити.

Что касается тезиса постмодернистов о замене индустриального миропорядка постиндустриальным обществом, то он вызывает серьезные сомнения у оппонентов. Так, Э. Гидденс⁵ указывает на ряд спорных моментов концепций постмодернистов:

- Акцентируя внимание на информации, как основе экономической системы современного общества, и на росте значения сферы услуг в структуре занятости постмодернисты не замечают, что последняя тенденция наблюдается почти с самого начала индустриальной эры; с начала XIX в. промышленность и сфера услуг расширились за счет сельского хозяйства, причем темпы роста в сфере услуг постоянно превышали темпы роста в промышленности. Таким образом, основное социальное изменение состояло в переходе от аграрного сектора к остальным видам занятости, а не в переходе от промышленности — к сфере услуг.

- Крайняя неоднородность сектора услуг, что затрудняет отождествление деятельности в этой сфере с «беловоротничковыми» профессиями; многие работы сервисного сектора связаны с физическим трудом, большинство же «беловоротничковых» должностей фактически не требуют специальной подготовки и в значительной мере механизированы.

- Связь с материальным производством многих «сервисных» операций.

- Существенная вариация соотношения между сервисными и производственными профессиями в различных странах и регионах.

- Наличие тенденции интеграции электронных технологий в промышленное производство, а не вытеснения его ими.

Концепция модерна Й. Форнюса

Ко второй позиции в трактовке статуса современной эпохи примыкает концепция модерна, предложенная шведским социологом и культурологом Й. Форнюсом (Johan Fornäs), профессором Стокгольмского университета, автором ряда публикаций по проблемам средств массовой коммуникации, современной массовой и молодежной культур⁶. Концепция модерна и поздней модернити детально разработана Й. Форнюсом в монографии «Теория культуры и поздняя модернити»⁷.

При этом автор исходит из того, что данная концепция является продуктивной для анализа культурных процессов, культурного развития современности. Более того, он считает, что углубленное понимание культурной динамики возможно именно в рамках концепции модерна. «Идеи модернизации, — подчеркивает Й. Форнюс, — тематизируют определенными способами диалектику между временем и пространством, процессом и структурой, изменением и непрерывностью». Между тем, продолжает автор, «культура развивается *в* и *со* временем и модернити — они (т.е. время и модернити. — *И.П.*) являются модусами самого движения, продвигая символические потоки, которые переносят людей через взаимосвязанные сферы»⁸.

Автор начинает характеристику модернизационного проекта с набора концептов, в совокупности суммирующих его главные черты. Он рассматривает модернизацию как сложный, многомерный поток, связанный с рядом исторических процессов на различных уровнях, от экономики и политики до культуры. Капиталистическое развитие, индустриализацию, урбанизацию, демократизацию, секуляризацию и цивилизацию Й. Форнюс считает лишь некоторыми из ее проявлений, открытых и описанных такими мыслителями как И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, М. Вебер, К. Маркс, Ф. Ницше, а впоследствии — М. Фуко, Н. Элиас и Ю. Хабермас. Различные теории, подчеркивает Й. Форнюс, фокусируют внимание на разных аспектах всестороннего и сложного исторического процесса, раскрывая различные основы, движущие силы и характеристики нашей эпохи. При этом имен-

но теории модернизации он считает наиболее обобщенными и многоаспектными.

Пытаясь ответить на вопрос, чем же является модернизировать в познавательном плане, Й. Форнюс выделяет три перспективы. Во-первых, отмечает автор, концепт модернизировать может фокусировать внимание на недавнем прошлом или непосредственно настоящем, противопоставляемым в таком случае более отдаленным эпохам, которые изучаются историками. Подобный подход адекватен происхождению концепта. Дело в том, что позднелатинское — *modernus* — имеет отношение к термину «настоящее» (*the present*) — то есть то, что является «в течение дня». *Modernus* происходит от латинского *modo*, означающего «прямо сейчас», но через понятие «*moderately remote*» (умеренно отдаленный), связанное со словом *modus*, т. е. способ, мера, образ, что означает «меру»=*measure* или «стиль, способ, метод, манеру»=*manner*. Такое понимание модернизировать предполагает интерес к специфике настоящей эпохи. Однако Форнюс предостерегает против прямолинейных трактовок. Дело в том, обращает внимание автор, что существует множество исследований настоящего, которые, тем не менее, нельзя считать ориентированными на модернизировать. Кроме того, интерес к настоящему в противоположность прошлому подразумевает также и исследование прошедшего в его отношении к настоящему — т. е. тема модернизировать включает историческое измерение. «Модернизировать, — справедливо отмечает Й. Форнюс, — в конце концов, не абсолютно нова — она имеет свою собственную, и к настоящему времени довольно длительную, историю. Исследования модернизировать могут тщательно разрабатывать актуальные проблемы недавнего времени, но не как лишенного корней в прошлом».

Второй аспект изучения модернизировать связан с обращением к феноменологии неуловимого настоящего момента в его переходной непосредственности, вне зависимости от того, является ли он настоящим «вчера» или «сегодня». В данном случае в фокусе внимания оказывается феноменологический опыт проходящего уникального момента в противоположность объективированным структурам.

Третий аспект изучения модернизировать фокусирует внимание на новизне, стимулирует историзирование различных концептов в поисках того, что изменяется в обществе и в культуре. В этом плане теории модернизировать противостоят теориям воспроизводства традиций, архетипов и других устойчивых структур в социальной жизни. Динамизм, переходный характер современной жизни и современного мышления, отмечает Й. Форнюс, подразумевает необходимую и радикальную историзацию всех социальных, культурных и психологических теорий, акцент на исторические перспективы и трансформа-

ции. «Институциональные, диалоговые, символические и субъективные формы изменяются со временем, иногда непрерывно, иногда — рывками. Дабы не подвергнуть полной натурализации эти паттерны, важно обращать внимание на их принципиально динамический характер».

При этом Форнюс обращает внимание, что не все изменения и не все новации непосредственно связаны с модерном. Теория модернизировать, по мнению автора, касается определенных более долгосрочных трансформационных процессов, обладающих набором специфических черт. Й. Форнюс выделяет три общих свойства, характерных, по его мнению, для процессов модернизации: 1) тенденция необратимой динамизации (это означает интенсивный характер процессов, которые не могут быть прекращены, хотя они могут принимать различные формы); 2) амбивалентная рационализация (т. е. имеющая как положительный — творческий и освобождающий, — так и негативный — разрушительный и угнетающий — потенциалы) и 3) дифференцирующая¹⁰ универсализация (т. е. эти процессы становятся всеобъемлющими и глобальными по характеру в своей способности создавать новые множества путем сепарации социальных и индивидуальных сфер жизни)¹¹. Таким образом, модернизация, характеризуемая указанными чертами, выступает в концепции Й. Форнюса «в виде конфигурации амбивалентных процессов рационализации систем и жизненных миров¹², повсеместно распространяющих новые типы дифференцирования посредством разрастающихся коммуникаций, необратимо и интенсивно меняющих весь мир»¹³.

Обсуждая проблемы модерна, Й. Форнюс ставит очень важный вопрос о взаимодействии между непрерывностью, преемственностью и изменением, которое представляется ему весьма сложным. Процессы модернизации, по его мнению, лишь иногда проявляются как ясно видимые, очевидные сдвиги, но гораздо чаще они выступают как медленная и едва заметная эрозия традиционных структур.

Часто для описания модернизационных процессов применяется дихотомия поверхностных, быстрых, видимых изменений и неподатливых, неочевидных, глубинных структур. Нередко модернизация приравнивается как раз к видимым изменениям. Подобный дуалистический подход вызывает сомнения у Й. Форнюса, поскольку он привязывает анализ к весьма проблематичным метафорическим коннотациям, скрывает другие (помимо указанных двух) типы временных процессов, чрезмерно упрощая процесс модернизации.

В качестве первой, возникающей в этой связи проблемы, Форнюс называет «неконтролируемую ауру метафор, циркулирующих вокруг этой дихотомической пары». «Как метафоры изменения, про-

цессы модернизируются могут быть противопоставлены устойчивым структурам...». «То, что находится глубоко под нашими ногами, часто воспринимается как устойчивое, в то время как то, что находится на поверхности, изменяется. О поверхности часто думают как о текучей, видимой и неглубокой (внешней), в то время как глубина воспринимается как неподвижная, скрытая и более важная. Таким образом, метафора поверхности / глубины продуцирует ложную цепочку эквивалентности между *изменением, видимым и поверхностным*, с одной стороны, и *воспроизводством, скрытым и важным*, с другой».

Форнюс предлагает критический подход к проблеме изменения и устойчивости. Он подвергает сомнению вытекающий из метафор статус изменения, как менее значимый по сравнению со структурными элементами, напротив «существуют также очень важные изменения, иногда медленные и постепенные, иногда быстрые и внезапные. Многие такие преобразования первоначально проходят незамеченными и могут быть прослежены лишь через отражение, осуществляемое "сейсмографами", предлагаемыми чувствительными ко времени культурными практиками. Ясно видимый феномен – независимо от того, изменение это или традиция – не является автоматически менее важным по сравнению со скрытым, даже если многие фундаментальные явления глубоко скрыты. Изменение может быть и также трудно прослеживаемым и столь же важным, как и постоянство. Не все традиции более существенны для человеческой жизни по сравнению с изменениями. Видимое может иногда быть столь же важным, как и скрытое, а изменчивое может быть столь же невидимым и столь же важным, как нечто устойчивое, стабильное. Если некоторые культурные паттерны, подобно артистическим стилям, возрасту, полу или классовым отношениям, изменяются, в то время как другие остаются нетронутыми, остается открытым вопрос, какие из них обладают высшей релевантностью (уместностью), независимо от того, являются ли они непризнанными или получившими подтверждение у людей. Некоторые ясно видимые изменения моды или менталитетов столь же существенны для человеческой жизни, как и некоторые беспристрастные традиции».

Теория модернизируются, по мнению Й. Форнюса, интересуется «теми скрытыми, но чрезвычайно важными изменениями, которые имеют место, несмотря на очевидное воспроизводство традиций в повседневной жизни, – процессами изменения, которые иногда скрыты, иногда явны, и которые не более или менее важны, чем выживающие традиции. Все эти застывшие эквивалентности должны быть разделены, так чтобы степень гибкости, видимости и важности по-

нимались как независимые измерения, даже притом, что все они могут различными способами быть связанными с поверхностью и глубиной».

Следующую проблему, связанную с дихотомией изменений и непрерывностей, Й. Форнюс видит в том, что эта дихотомия скрывает более сложную структуру фактических исторических процессов. Исследователь справедливо полагает, что недостаточно приравнять изменение к модернизации. Все три начальных аппроксимации модернизируются, им предложенных, – недавнее время, настоящее сегодня и изменяющееся новое – не являются достаточными. Эпоха модернизируются уже имеет немалый возраст и может, как глубокий временной структурный процесс, сама противопоставляться случайным событиям, так же как и статическим традициям.

Целостная дихотомия стабильности VS изменений должна быть, по мнению Й. Форнюса, подвергнута декомпозиции. Он настаивает на недостаточности лишь двух крайних полюсов для понимания исторических процессов. Эпоха модернизируются не может состоять только из твердых, устойчивых структур, или только из быстрых, случайных изменений. Как считает исследователь, возможно различение по крайней мере четырех типов различных исторических процессов. Это, во-первых, устойчивые структуры; во-вторых, быстрые, непредсказуемые случайные события; в-третьих, волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, в-четвертых, собственно направленные, векторные процессы модернизации. Все четыре типа сосуществуют в рамках эпохи модерна, и хотя модернизация может воздействовать на три других, все они, по мнению Форнюса, в аналитических целях должны рассматриваться обособленно.

В классической теории модернизации проблема традиций рассматривалась преимущественно в контексте перехода от традиционного к современному обществу, претерпев при этом определенную эволюцию – от негативного отношения к традиции как препятствию для модернизационных трансформаций к более сложному отношению, допускающему участие традиции в процессах перехода в качестве дополнительного стимулирующего или стабилизирующего механизма¹⁴. Й. Форнюс развивает концепцию модернизации, обращаясь к проблеме роли и места традиций в контексте самого модерна.

Он обращает внимание на приобретение модернизируются собственных традиций, а также на тот факт, что большинство традиций изменяется, пускай медленно и незаметно. Он говорит о длительной

исторической традиции модернити, а также о модернити традиций в существующих сегодня обществах.

В связи с этим идея, согласно которой модернити имеет отношение только к новому и изменяющемуся, кажется исследователю только полуправдой. Модернизация касается изменений, которые являются сравнительно устойчивыми. Это, по Форнюсу, набор исторических процессов, в совокупности формирующих специфическую временную логику фундаментальных трансформаций в развитии социальных, культурных и психологических образцов (паттернов). «Модернити, — пишет автор, — стимулирует стойкий опыт быстрых временных сдвигов, но такое обобщенное понимание трансформаций действительно отвечает требованиям модерна, когда эти сдвиги структурно подчинены определенной логике развития. Многие исторические периоды разрывов продуцировали подобные культурные признаки открытости, незащищенности и саморефлексии. Это может быть вызвано случайными событиями, или циклическими колебаниями, или другими структурными изменениями, а не обязательно связью с модернити. Модернизация только усиливает, делает постоянными и распространяет эти черты в расширяющихся масштабах».

Еще одна проблема, связанная с дихотомией изменения и устойчивости, заключается в чрезмерном упрощении самого процесса модернизации. Здесь Й. Форнюс касается вопроса о необратимости процессов модернизации. Он убежден, что модернити означает лишь тот тип исторических преобразований, которые направлены и не могут быть прерваны, не могут быть легко отменены или полностью изменены. Не существует, по мнению Й. Форнюса, никакого пути назад, к предмодерному состоянию. В качестве примера исследователь ссылается на процессы дифференциации — «если люди приняли дифференциацию между эстетическими формами выражения в искусстве и нормативными инструкциями в законодательстве, то реакционные фундаменталисты или ностальгирующие романтики могут попытаться вновь смешать их, но маловероятно, что эти сферы снова могут на устойчивой основе превратиться в некое недифференцированное целое. Каждый будет иметь возможность думать о прекрасном и о справедливости как о двух отдельных измерениях, хотя, может быть, и было бы привлекательно попробовать воссоединить их».

Й. Форнюс признает, что определенные достижения модерна могут со временем исчезать. Так, рост государства всеобщего благоденствия был следствием определенной стадии модернизации; предпринятое в 1980-е годы неолиберализмом наступление на него, по мнению Форнюса, следует трактовать не как демодернизацию, но как разрушительный ответ на недавние кризисные явления

modernity. Автор приводит также пример фундаменталистских течений в рамках христианства и ислама, направленных против современных культурных тенденций. При этом Форнюс полагает, что они сами не в состоянии избежать глубокого влияния со стороны модернистского проекта, который они даже невольно укрепляют и продвигают. В реальности, по мнению Форнюса, эти фундаменталистские направления отнюдь не способствуют возвращению к предмодерным формам жизни, несмотря на активные усилия по восстановлению традиций.

Если модернизацию можно остановить на одном уровне (так, неоконсерваторы пробуют повернуть культурные часы назад), отмечает Форнюс, то ее продолжающийся марш на других уровнях (расширяющаяся капиталистическая экономика) эффективно предотвратит любое возвращение к предмодерному состоянию. Таким образом, концепции Форнюса в определенной степени присущ оптимизм классической версии теории модернизации с ее верой в необратимость прогрессивных изменений. Необратимость модернизационных трансформаций Форнюс пытается объяснить включением в социальные практики обучающих процессов, памяти, аккумулирующей человеческий опыт в артефактах, языке и других символических формах¹⁵.

Следующим шагом в разработке концепции модерна становится выделение различных измерений, призванных обеспечить наиболее продуктивное взаимодействие разных теорий модернити. Й. Форнюс предлагает выделить по меньшей мере три измерения модерна. Первое измерение — «горизонтальная» шкала — позволяет выявлять диахронные или временные фазы (стадии) модерна (например, ранний, высокий, поздний). Два других измерения представляют собой «синхронные» шкалы. Концептуальное «боковое» (параллельное) измерение («laterally») дифференцирует различные модусы модерна (например, модернизация, modernity, modernism). «Вертикальное» измерение позволяет выделять уровни или аспекты модерна (например, социальный, культурный, психологический). Обособление указанных измерений, как полагает ученый, создает предпосылки для синтеза идей различных дискурсов, дисциплин и направлений в более связную и по необходимости многомерную теорию современности (modernity).

Существенную нагрузку несет применяемое Форнюсом «горизонтальное» (диахронное или временное) измерение. Использование его позволяет решать ряд проблем, в частности, идентификации хронологических рамок и внутренних рубежей модерна. Использование данного измерения убеждает, что модерн не является единым

гомогенным массивом, четко отделенным от пред-modernity. Напротив, модернити имеет свою собственную длительную историю и предысторию, включающую различные фазы и стадии.

Й. Форнюс справедливо полагает, что нет возможности и необходимости определять точную дату рождения эпохи модернити, признавая одновременно, что нередко подобная неопределенность создает определенные трудности. Действительно, когда обсуждаются какие-либо особенности модерна, не всегда ясно, о каком периоде времени идет речь — в целом об эпохе капитализма и индустриализма или лишь о ее поздних стадиях, например, начиная с 1960-х годов.

Следует согласиться с мнением исследователя по поводу характера домодерной эпохи, которую не следует рассматривать как статическую или некультурную. Действительно, с одной стороны, модернизация не является первым или единственным динамическим процессом в истории человечества. С другой стороны, все традиции — представляют собой по существу исторические и социальные конструкции. Современность (modernity) — лишь одна из эпох, в рамках которой изменения получили заметное ускорение.

Проблематичным Й. Форнюс считает предположение, согласно которому каждая стадия модернизации сводится к наступлению на древние до модерные формы и одновременной замене их новыми, в соответствии с которым модернизация превращается в простой кумулятивный процесс, в рамках которого старое последовательно превращается в новое. Здесь Й. Форнюс по существу присоединяется к концепции рефлексивного модерна, разрабатываемой в социологии, в частности. У. Беком¹⁶, подчеркивая, что модернити действует также рефлексивно, сама по себе (т. е., то, что было свежим вчера, становится старомодным сегодня и может быть разрушено еще более новыми современными силами завтра). На более поздних стадиях модернити, как полагает исследователь, происходит разложение не только предмодерных форм жизни, но также и тех модерных форм, которые возникли на более ранних стадиях в результате компромиссов между старыми и новыми тенденциями.

Рефлексивность имеет важные следствия для формирования процесса модернизации, приводя «к созданию сложной модели с удивительными ответвлениями и контрастными промежуточными стадиями, возникающими в результате суперналожения (superimposition) параллельных, дифференцированных, но тем не менее связанных процессов, в совокупности обеспечивающих модернизацию. Постоянное продвижение в сторону секуляризации, технологического прогресса, коммерциализации, например, приобретает существ-

венно отличные формы в зависимости от того, какие религии, технологии или товары доминируют на той или иной стадии»¹⁷.

Что касается стадий и эпох, то, по мнению Й. Форнюса, они не «существуют» в какой-либо очевидной форме, а являются способами упорядочения исторической памяти в значимые тексты. Это упорядочение осуществляется не только учеными, но является также и результатом коллективного, интерсубъективного процесса, имеющего место всюду, во всех обществах. Форнюс не считает данный процесс абсолютно случайным, «поскольку происходят действительные изменения, которые ощущаются на собственном опыте и, накапливаясь, формируют отличительные вехи переходного периода».

Автор подчеркивает сложный характер динамических процессов: «Случайные события, циклические колебания, прогрессивные сдвиги в различные моменты времени, в разных местах и на разных уровнях в совокупности преобразуют постепенные изменения в фундаментальные перемены. Подобные перемены неравномерно распространяются между различными местами, социальными группами и культурами. Социальные, культурные и психологические состояния, на различных уровнях естественно-культурно-социально-индивидуальной тотальности, зачастую трансформируются в определенные стадийные перестановки, результирующиеся в феномене «асинхронности». Процессы модернизации приобретают различные формы и протекают разными темпами в разных пространственных и социальных сферах, связанных с возрастом, полом, классом и этнической принадлежностью. Специфические процессы типа растущего этнического плюрализма, секуляризации или распространения средств массовой информации могут, хотя это не обязательно, быть связанными с модернизацией. Вопрос о взаимоотношениях с модернизацией может быть решен только посредством анализа контекстуальных отношений между различными процессами.

Иногда ряды определенных сдвигов в итоге формируют кардинальные трансформации в истории значительных социальных и географических областей, преобразующихся в ряды эпох и стадий. Каждый отдельный значимый элемент новой стадии может иметь собственную длительную предысторию, но в совокупности и в определенной констелляции они характеризуются новизной.

Вопрос о том, какие из этих сдвигов и стадий следует рассматривать в качестве наиболее важных и значимых, решается человеческими агентами с их конкретными интересами и в специфических контекстах. Значение истории, репрезентированной в линейных картинах эпох и стадий, является, во-первых, не абсолютно субъективным, а скорее, сконструированным интерсубъективно, а во-

вторых, — не полностью случайным, но результатом определенного взаимодействия между фактическими историческими событиями и активными историческими интерпретаторами»¹⁸.

Й. Форнюс выделяет три фазы или стадии модерна — раннюю, высокую (зрелую) и позднюю. Хотя, как отмечает автор, следы модернизации можно обнаруживать глубоко в истории (например, в классической греческой и римской античности, в раннем христианстве или в итальянском и фламандском ренессансе с их растущей денежной экономикой, товарным оборотом, дифференциацией социальных сфер, все более и более расширяющимся индивидуализмом и зарождением абстрактного мышления), все же стадией, когда начался интенсивный рост современных черт в Европе, Форнюс считает эпоху Реформации, а окончательный прорыв в направлении модернити в большом социальном и культурном масштабе он связывает с утверждением капиталистического общества, что продемонстрировали, по его мнению, Просвещение, буржуазные революции, империализм и индустриальный мировой порядок.

Й. Форнюс указывает на пространственную трансляцию характерных черт модерна — «рост рынков, городов, государственной мощи, технологии и коммуникаций способствовал распространению социальных и культурных институтов, моделей социализации, идентитета и повседневной жизни из европейских центров во все углы мира, таким образом изменяя их в направлении принятых в первых форм».

По мнению ученого, переход от предмодерна к модерну, в зависимости от страны и направления, может быть локализован в хронологическом интервале между 1500 и 1800 гг. В пределах этого промежутка времени Форнюс привязывает скачок от рождающегося к раннему модерну к крупному прорыву, индикаторами которого выступили индустриализм, Просвещение и Французская революция во второй половине XVIII столетия¹⁹.

Вторая стадия модерна — высокая или зрелая modernity, — утвердилась, по мнению Й. Форнюса, в Западной Европе на рубеже XIX–XX вв.: «когда четкие политические, экономические, социальные, культурные и психологические формы стабилизировались в зрелое буржуазное индустриальное общество, с характерными для него капиталистическими формами производства и распределения, отраслевой структурой промышленности и наемным трудом, парламентской демократией, дифференцированной сферой общественной жизни, включающей разнообразные формы политической и культурной активности, особыми эстетическими правилами и жанрами, специфическими половозрастными и классовыми формами жизни, институ-

тами социализации и всеобщими нормативными моделями индивидуальной идентичности».

К этому времени, как подчеркивает автор, философы, социологи, историки, художники и писатели уже нашли способы формулирования типичных черт и проблем современной жизни. При этом он ссылается на Маршалла Бермана²⁰, который рассматривает в качестве отправной точки в данном плане творчество Ж.Ж. Руссо, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, И.В. Гете, но при этом считает, что лишь поколение 1840-х годов, включая К. Маркса и Ш. Бодлера, сумело разработать словарь, адекватный для описания опыта модернити, усовершенствованный впоследствии основателями социологии, такими как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель, Дж.Г. Мид.

Применительно к другим частям мира Й. Форнюс, имея в виду неравномерность развития, предполагает возможность разработки других стадий и периодизаций модерна. Тем не менее, он обращает внимание на превращение модернити в очевидный факт во всем мире, чему в конечном счете способствовали пространственные эффекты империалистической торговли и военных конфликтов, рыночной экономики, развития транспорта и коммуникационных технологий. Капиталистическая модернизация создала эффективную мировую систему, проанализированную К. Марксом, И. Валлерстайном и др., с кем Й. Форнюс соглашается.

Наконец, третья стадия — поздней модернити²¹ — наступила, по мнению Й. Форнюса, после Второй мировой войны. Автор предположительно относит первые сигналы, свидетельствующие о начале перехода к третьей стадии, к 1920 гг., но считает, что ее наступление было задержано развязанной фашизмом мировой войной.

Стадиальный сдвиг Й. Форнюс локализует приблизительно около 1960 г. В этот период, в 1960-е годы, многие социальные и культурные формы, кристаллизовавшиеся прежде как современные, подверглись серьезной критике и размыванию непосредственно самим продолжающимся процессом модернизации. Это было время, когда много старые «истины» в науке, философии, эстетике были атакованы. Под сомнение были поставлены тезисы о структурно-функциональной дифференциации, необратимости и универсализме как имманентных качествах модерна. Данные характеристики трактовались критиками как устаревшие и страдающие этноцентризмом западного типа; понятие модернити было предложено заменить контрастным понятием «постмодернити», для обозначения новой якобы эпохи, в рамках которой исчезает дифференциация, а модернизация терпит крах, становится обратимой.

Между тем, как полагает Й. Форнюс, сторонники перехода из современной эпохи (*modernity*) в новую – «постсовременности» – недооценивает преемственность между высоким модерном (вторая стадия модерна) и текущей стадией развития – настоящим (третья стадия собственно модерна, по мнению Форнюса). В настоящем, солидаризируясь с Э. Гидденсом, Й. Форнюс видит скорее радикализацию и интенсификацию модернизации, а не ее растворение. В глобальном масштабе модернизация, по мнению исследователя, ускоряется и умножается. Противостоящие ей силы, подобные религиозному фундаментализму или эстетическому постмодернизму, зависят от нее и скорее усиливают, а не отменяют ее. *Modernity* получила глобальное распространение, подчеркивает Й. Форнюс, проникла во все поры социальной жизни, начала рефлексию по поводу себя самой, ликвидируя свои собственные устаревшие формы, создавая новые кризисы и новые возможности.

Скорее, к следствиям дальнейшего распространения модерна, а не его инверсии, Й. Форнюс относит усиление глобальной подвижности, широкое распространение электронных средств массовой информации, изменяющее характер социальных отношений и механизмов идентификации, и, наконец, усилившуюся критику *modernity*.

Новую стадию развития Й. Форнюс считает типично современной. Что же касается понятия «постмодернизм», то, по мнению автора, его можно использовать по отношению к течениям в искусстве, выступившим против ранних авангардистских движений. Но последние десятилетия, иногда маркируемые как «постмодерн», Й. Форнюс предлагает рассматривать как интенсифицированную и ускоренную рефлексивную, ультра-, супер- или позднюю стадию модерни²².

Продолжая критику понятия «*postmodernity*», Й. Форнюс обращает внимание на его проблематичность. Несмотря на временной префикс, который содержится в данном понятии, его сложно локализовать на оси времени и он весьма аморфен в содержательном плане. Как отметил В.Л. Иноземцев, «термин “постмодернити” может быть эффективно использован применительно только к тем историческим периодам, которые характеризуются преодолением ранее сложившейся социальной модели, так как он не фиксирует ничего, кроме факта такого преодоления. Однако после того, как новая общественная система приобретает черты стабильного социального состояния, данное понятие утрачивает черты определенности»²³. Можно также привести размышления У. Бека по поводу префикса *post-*, символизирующего, по его мнению, растерянность, неуверенность, беспомощность прежних познавательных подходов:

«“Пост” – кодовое слово для выражения растерянности, запутавшейся в модных веяниях. Оно указывает на нечто такое сверх привычного, чего оно не может назвать, и пребывает в содержании, которое оно называет и отрицает, оставаясь в плену знакомых явлений. Прошлое плюс “пост” – вот основной рецепт, который мы в своей многословной и озадаченной непонятливости противопоставляем действительности, распадающейся на наших глазах»²⁴. (Многие постмодернисты апокалиптически говорят о конце истории и гибели *modernity*; порой они вообще избегают периодизации как атрибута логики всеобъемлющего мета-нарратива, который должен быть преодолен.) Форнюс соглашается с тем, что при обсуждении временных последовательностей необходимо проявлять осторожность, но он считает намного менее продуктивной гипотезу, согласно которой за модерном следует нечто абсолютно отличное. В действительности, как полагает Й. Форнюс, можно найти ранние параллели в пределах или даже перед классической эпохой модерна для большинства якобы «постмодерных» черт, выделяемых постмодернистами. В качестве примера Форнюс подвергает критике дихотомическую схему, предложенную Ихабом Хассаном (1985), в которой противопоставляются современные цель, иерархия, дистанция, семантика, метафора, понятие (*signified*) и метафизика постмодерным – игре, анархии, партиципации, риторике, метонимии, термину (*signifier*)²⁵ и парадоксальности. Форнюс видит в этой схеме лишь противопоставление параллельных аспектов собственно модерна.

Эпоха *modernity* действительно с момента своего становления отличалась противоречивостью, амбивалентностью²⁶, развивала тенденции и явления, порой полярные – линейный телеологизм и многомерную фрагментацию, рационализм Просвещения и антирационализм романтизма и т.д. Ну а если «постмодерн», рассуждает далее Й. Форнюс, приходит не после, а перед или в интервале модерна, тогда использование префикса «пост» оказывается сомнительным.

«Но если это скорее относится к параллельным потокам в современной культуре, ни один из которых не следует по времени после другого, зачем вообще сохранять префикс “пост”? И во-вторых, как тогда быть с потребностью различения новой и интенсивной стадии *modernity*, которая не отменяет модерн, но усиливает и реструктурирует его? Интенсивная, усиленная, супер-, рефлексивная или поздняя *modernity* – более уместное определение для процессов развития в настоящем. Эта концепция дает возможность избежать исторической неопределенности, неизбежной при недифференцированном взгляде на современную эпоху в целом (который затемняет для нас различия между концом XVIII и концом XX столетий), так же

как и внутренней противоречивости понятия “пост-modernity” (которое не является в конце концов ни противостоящим, ни последующим за modernity). Поздняя modernity разрушает некоторые пространственные остатки пред-модерных традиций, но также вытесняет и некоторые ранние современные формы жизни в процессе рефлексивной диалектики. Некоторые из черт, характеризующихся как “постмодернистские”, действительно принадлежат этой поздней стадии modernity, и могут трактоваться не как полный разрыв с современными тенденциями, но скорее как их радикализация. Другие “постмодерные” черты принадлежат самокритичной стороне всегда двойственной modernity, “субмодерной” традиции, которая восходит к ранней диалектике между Просвещением и романтизмом, в которой обе стороны являются несомненно современными. Modernity внутренне присуще разделению на два диалектически связанных дискурса: “главный дискурс” modernity – освобождающая автономия – VS “контр-дискурса” modernity – ограничивающей дисциплинаризации²⁷, – подводит итог своим рассуждениям на данную тему Й. Форнюс²⁸.

Предложенная Форнюсом концепция «поздней модернити» также имеет свои слабые места. В частности, она делает затруднительной маркировку еще более поздних стадий современной эпохи. С подобной проблемой сталкиваются все эпохальные концепции, в основе которых лежит органическая метафора рождения, роста, зрелости и распада. Но при этом и альтернативные концепты, например, супер- или интенсивная modernity, не решают указанной проблемы.

Итак, «поздняя modernity является также супер-modernity, в рамках которой процессы модернизации чрезвычайно ускорились и углубились, оказывая воздействие на отношение человека к истории. К тому же во многих исследовательских областях модернизация и историзация стали центральными и пересекающимися темами, стимулируя междисциплинарное сотрудничество». «Ускорившийся процесс модернизации... потребовал новых, нестандартных и необычных форм понимания, соответствующих вновь возникшими социальными, культурными и психологическими формами»²⁹.

Й. Форнюс, удачно синтезируя классический вариант теории модернизации с современными неозволюционистскими и неофункционалистскими подходами, предложил собственную модифицированную версию модерна. Его позиция выглядит весьма аргументированной и убедительной. Представляется продуктивным дифференцированный подход к концепту модерна. Внимание к рефлексивным аспектам современности, к ее амбивалентной природе позволи-

ло автору существенно обновить саму концепцию модерна. Автор тонко описывает механизмы модернизации, в полной мере учитывая критику классической версии и новейшие наработки социологической теории, не забывая включить в свою схему как линейные векторные динамики, так и структурные конфигурации, циклические колебания, а также случайные изменения. Убедительно аргументирован тезис о преемственности между фазами высокого и позднего модерна.

Итак, согласно концепции Й. Форнюса, эпоха модерна еще не завершена и настоящее является лишь воплощением поздней стадии модернити, неразрывно связанной с предшествующей стадией. Для модерна характерен высокий динамизм, перманентная изменчивость, трансформативность, переходность. Подвижная природа эпохи делает обыденным, привычным постоянно повторяющийся кажущийся выход якобы за ее пределы. По существу, чтобы стать современным, необходимо быть постмодерным. Данная особенность эпохи послужила одним из поводов для квалификации настоящего как постмодерна, выхода за пределы модерна, несмотря на то, что некоторые проницательные постмодернисты (например, Ж.-Ф. Лиотар) отмечали указанную черту модерна и пытались примирить ее со своими концепциями. Более глубокой представляется точка зрения, согласно которой настоящее – это продолжение тенденций модерна, но в модифицированной форме, радикализованной и интенсифицированной. Именно такую позицию разделяет Й. Форнюс, которому удалось убедительно показать, что современные тенденции – необратимый динамизм, двойственная рациональность, дифференциация и универсализация – пронизывают также и настоящую эпоху.

Примечания

¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999; Тоффлер А. Шок будущего. М., 2001; Он же. Третья волна. М., 1999; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.

² См.: Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 22–27; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998.

³ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество. С. 24.

⁴ См.: Большой толковый социологический словарь (Collins). М., 1999. Т. 2. С. 124.

⁵ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 603–604.

⁶ Fornäs J. and Bolin G. (eds.). *Moves in Modernity*. Stockholm, 1992; Fornäs J. and Bolin G. (eds.). *Youth Culture in Late Modernity*. London, 1995; Fornäs J., Lindberg U. and Sernhede O. In *Garageland: Rock, Youth and Modernity*. L., 1995.

⁷ Fornäs J. *Cultural Theory and Late Modernity*. L., 1995.

⁸ *Ibid.* P. 18.

⁹ *Ibid.* P. 19–20.

¹⁰ Разработанный Т. Парсонсом и Н. Смелзером концепт структурно-функциональной дифференциации является ключевым в классической теории модернизации. Он применяется для обозначения процесса приобретения структурной независимости социальными функциями, перехода от многофункциональной ролевой структуры к набору более специализированных структур, в совокупности являющихся функциональным эквивалентом первоначальной (неразделенной. — *И.П.*) социальной единицы, но действующих более эффективно. См.: Smelser N. *Toward a Theory of Modernization* // Etzioni A., Etzioni E. (eds.). *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 268–284; Idem. *The Modernization of Social Relations* // *Modernization. The Dynamics of Growth*. N.Y.; L., 1966. P. 110–121; также см.: Parsons T. *A Functional Theory of Change* // *Ibid.* P. 78–86.

¹¹ Fornäs J. *Cultural Theory and Late Modernity*. P. 20–31.

¹² Понятие «жизненный мир» (lifeworld) было детально разработано в русле феноменологической социологии А. Шюцем и Т. Лукманом для обозначения мира повседневности как он представляется обычным людям, социокультурного мира, существующего под знаком естественной установки, с помощью которой люди ориентируются в истинности этой установки (*История теоретической социологии*. В 4-х т. М., 2002. Т. 4. С. 241–257; Монсон П. *Современная западная социология: теории, традиции, перспективы*. СПб., 1992. С. 78–85; Коркюф Ф. *Новые социологии*. М.; СПб., 2002. С. 80–84). Противопоставление «жизненного мира» «системе» (извне изначально заданный людям порядок, воплощаемый в современном обществе рыночной экономикой и государством; мир анонимных и деловых отношений, грозящий «колонизировать» жизненный мир) восходит к социологической теории Ю. Хабермаса (См.: Хабермас Ю. *Отношения между системой и жизненным миром* // *THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. Альманах. Весна 1993. Т. I. Вып. 1. М., 1993; Он же. *Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма* // *Теоретическая социология: Антология*: В 2 ч. М., 2002. Ч. 2. С. 353–372; Резник Ю.М. *Введение в социальную теорию: Социальная системология*. М., 2003. С. 154–159; *История теоретической социологии*. С. 597–624; Монсон П. *Современная западная социология*. С. 330–339).

¹³ Fornäs J. *Cultural Theory and Late Modernity*. P. 32.

¹⁴ См.: Gusfield J.R. *Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change* // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 333–341; Eisenstadt S.N. *Tradition, Change, and Modernity*. N.Y., 1973; So A.Y. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories*. Newbury Park, 1990. P. 60–87; Федотова В.Г. *Модернизация «другой» Европы*. М., 1997. С. 69–70; Осипова О.А. *Американская социология о традициях в странах Востока*. М., 1985; Лурье С.В. *Историческая этнология*. М., 1997. С. 170–207.

¹⁵ Fornäs J. *Cultural Theory and Late Modernity*. P. 22–27.

¹⁶ Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М., 2000.

¹⁷ Fornäs J. *Cultural Theory and Late Modernity*. P. 33.

¹⁸ *Ibid.* P. 33.

¹⁹ *Ibid.* P. 34.

²⁰ См.: Berman M. *All That is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity*. N.Y., 1982.

²¹ В своей книге автор воспроизводит свою версию «интродукции» концепта «поздней модернити» (late modernity): «Я впервые использовал термин «поздняя модернити» в тексте, опубликованном в 1987 г., после чего он получил широкое распространение. Кроме того, можно назвать множество предшественников и параллелей. Фридрих Джеймсон (1991) назвал постмодернизм «культурным детерминантом позднего капитализма» (последний термин заимствован у Адорно и Хоркхаймера (1944) и Эрнста Мандела (1972–1975)), означающего социально-экономические формы капитализма после Второй мировой войны. Периодизация эстетического модернизма с выделением ранней, высокой и поздней стадий, введшая в оборот, таким образом, концепцию позднего модернизма, была предложена в 1981 г. архитектором Чарльзом Дженксом (1986–1989). Лютерссон (1986) и другие обсуждали литературный модернизм схожим образом. Но в этих текстах еще не приводилось аргументов в пользу «поздней модернити» как общей эпохальной концепции. Ульрих Бек (1986–1992) предложил термин «рефлексивная модернити» для обозначения новой стадии модерна, характеризующейся ростом проблематизации и критическим анализом не только предмодерных остатков, но также и собственно современных процессов. Эта дорога в другую, «вторую» модернити открывает самокритический анализ рисков индустриальных технологий, подразумевающий завершение раннего лишь полумодерного проекта, а не его крах». (См.: Fornäs J. *Cultural Theory and Late Modernity*. P. 37).

²² *Ibid.* P. 34–35.

²³ См.: Иноземцев В.Л. *Современное постиндустриальное общество*. С. 26.

²⁴ Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. С. 9.

²⁵ Различие по отношению к лингвистическому знаку между термином (его звуковой или письменной формой) (signifier) и понятием (идеей) (signified) было введено Ф. де Соссюром, подчеркивавшим производный характер отношений между ними.

²⁶ Проблема противоречивости, двойственности модерна по существу была поставлена уже Г.В.Ф. Гегелем. Юрген Хабермас в связи с этим отмечает: «Первое, что Гегель открывает в качестве *принципа нового времени* – это *субъективность*. Исходя из этого принципа, он объясняет как превосходство мира модерна, так и его кризисное состояние: этот мир испытывает себя одновременно и как мир прогресса, и как мир отчужденного духа. Поэтому первая попытка сформулировать понятие модерна имеет единое начало с критикой модерна» (Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 17).

²⁷ Связь современности с проникновением дисциплинарных технологий власти и стратегических властных отношений в различные обособленные сферы, резюмирующимся в становлении «дисциплинарного общества», росте отчуждения, ограничении возможностей индивида, обоснована в оригинальных работах М. Фуко: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999; Он же. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996; также см.: Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 366–379.

²⁸ См.: Fornäs J. Cultural Theory and Late Modernity. P. С. 36–37.

²⁹ Ibid. P. 2–3.

Глава 3. ПРОСТРАНСТВО МОДЕРНИЗАЦИИ

1. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КООРДИНАТЫ В МАКРОИСТОРИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Исторические системы не возникают в готовом виде. Формируясь постепенно, они изменяются *с течением времени*, то медленно, то быстро, то эволюционно, то взрывообразно. Это относится и к их развитию в пространстве. Зарождаясь в определенном месте, исторические системы, разрастаясь или сжимаясь, взаимодействуют с другими объектами (системами) *в историческом пространстве*, становятся взаимосвязанными, причем данные взаимосвязи расширяются быстрее в одних направлениях, медленнее – в других¹. Время и пространство таким образом выступают в качестве взаимосвязанных измерений исторического процесса. Показатель *время* позволяет фиксировать исторические изменения. Параметр *пространство* выступает в качестве мерила территориальной вариации исторического процесса. В принципе, оба измерения позволяют отражать историческую дифференциацию (временную и пространственную). Вероятно, и время, и пространство следует признать важнейшими измерениями истории, в совокупности образующими систему координат, в которой разворачивается исторический процесс.

Однако современная наука, изучающая прошлое, демонстрирует различное отношение к этим основополагающим измерениям. Широкое распространение получило представление, согласно которому наиболее значимым выступает временное измерение истории. Сторонники данной точки зрения основное внимание уделяют историческим изменениям во времени, т. е. темпоральной дифференциации истории. Подобный подход послужил основой для формулирования множества теорий, базирующихся на идее принципиального единства прошлого. Историческая дифференциация в рамках данного направления научной мысли обычно приобретала форму постепенного прогресса, движения от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия. Сторонники данного подхода полагают, что исторический процесс подчиняется единым, универсальным закономерностям и осуществляется по сходным механизмам, общим для всех территорий.

Подобный подход получил развитие в рамках *прогрессивистской парадигмы*. В основе данной парадигмы лежат идеи о предсказуемом, кумулятивном, векторном процессе изменений обществ, дви-

жущихся от одной стадии к другой, обычно более совершенной, сложной, расширяющей возможности человека. Сторонники данного подхода обычно делают акцент на внутренние, эндогенные механизмы развития. Общества, согласно представлениям сторонников данной парадигмы, различаются в зависимости от того, насколько далеко они продвинулись вдоль единой для всех линии развития (прогресса). Одни общества оказываются более развитыми, продвинутыми, другие – менее развитыми. При этом согласно логике сторонников данного подхода, вторые по мере своего развития будут проходить те же стадии, которые уже были пройдены первыми обществами, и со временем различия, существующие между ними, будут стираться². В русле данной парадигмы предлагались различные трактовки механизмов, обеспечивающих переход от одной временной фазы к другой. Если сторонники формационной теории рассматривали в качестве такого механизма революции, процессы конфликтных трансформаций, то представители классической теории модернизации настаивали на эволюционном характере исторических перемен.

Но общим для тех и других было отношение к пространству как своего рода к второстепенному показателю. Именно временное измерение трактовалось как определяющее, конститутивное. Главным было определение стадийного качества исторического объекта. Все общества идентифицировались как стадийные фрагменты универсального процесса. Законы функционирования сообществ в значительной степени являлись производными от его стадийной, т. е. временной привязки. Пространственные же аспекты выступали в качестве иллюстрации тезиса о всеобъемлющем процессе социального совершенствования.

Нельзя сказать, что сторонники данного подхода вообще игнорировали пространственные измерения истории. Последние зачастую вызывали определенные затруднения, в том числе и теоретические, у сторонников *прогрессистской парадигмы*. Некоторые проблемы при этом решались довольно легко, так, с помощью предложенной сторонниками формационного подхода концепции возможного перескакивания через определенные стадии развития (например, переход от феодализма к социализму минуя стадию капитализма). Другие проблемы так и не получили согласованного, всеми принятого разрешения, например, проблема специфической исторической динамики большинства стран Востока, плохо вписывавшейся в стандартную формационную схему развития.

Нередко пространственная вариативность сводилась лишь к разным способам сборки стандартных стадийных результатов эволюции. Так, в рамках модернизационного анализа Дэнкварт Растоу

обратил внимание на возможность различных маршрутов внутри демократическо-тоталитарного континуума, с помощью которых модернизирующиеся сообщества институционализируют перемены. Растоу попытался идентифицировать типы проблем, с которыми сталкиваются модернизирующиеся общества, и сравнить пути развития этих обществ в плане выявления той последовательности, в которой им приходится эти проблемы решать. По мнению Д. Растоу, существует три ключевых условия политической модернизации: «идентичность необходима для нации, власть – для государства, равноправие – для *modernity*; все три в совокупности составляют политический базис современного национального государства»³. Согласно Растоу, различия между обществами зависят от порядка решения данных проблем: одновременного или последовательного (последовательность, в которой общество сталкивается с соответствующими проблемами, также имеет значение). На основе сравнительного изучения Растоу пришел к выводу, что оптимальной для хода модернизации является следующая последовательность решения проблем: идентичность-власть-равноправие. Однако он признавал и возможность субоптимальных путей модернизации.

Попытки расширить познавательные горизонты эволюционистско-прогрессистского подхода привели к возникновению мультилинейных (в том числе билинейных, например, признание особых маршрутов развития для Запада и Востока) подходов. Сторонники последних преимущественно внимание также уделяли внутренним факторам развития, но указывали при этом на вариативность моделей, стадий и механизмов развития. Обсуждение возможности многолинейного развития в значительной степени свелось к выделению «основной» и «побочных» траекторий эволюции. В целом прогрессистский подход обеднял картину исторического развития, редуцируя многообразие культурно-исторических миров к массиву единого человечества.

Описанному теоретическому подходу противостоит следующий, сторонники которого акцентируют внимание на пространственном измерении истории. В рамках последнего подхода история трактуется с позиций множественности, плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению истории. Данный подход нашел выражение в цивилизационной парадигме, обращающейся преимущественно к формам динамики отдельных цивилизаций или культур.

В основе данной парадигмы лежит идея исторического плюрализма, своеобразия цивилизационных вариантов развития, в значительной степени изолированных друг от друга и живущих в соответствии с имманентными ритмами, несводимыми к общемировым

стандартным законам и механизмам. Сторонники данного подхода настаивают на структурной и содержательной уникальности больших пространственно-временных исторических массивов, на неразменности их внутреннего опыта. Созданные сторонниками классической цивилизационной парадигмы конструкции являлись по существу циклическими теориями исторического круговорота, согласно которым общества и их подсистемы двигались по замкнутому кругу, регулярно возвращаясь вспять, к исходному состоянию (теории Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби)⁴.

Таким образом, представители классического цивилизационного подхода признавали в качестве ведущего, определяющего скорее пространственное измерение. Именно показатель *пространство* позволял им выявлять основополагающие признаки дифференциации, идентифицировать изучаемые объекты – цивилизации. Сам исторический процесс в цивилизационных штудиях в значительной степени приобретал пространственный облик зарождения цивилизаций в определенном месте, их территориального роста, поглощения соседних цивилизаций, в конце концов – эрозии и распада, трансформации цивилизационного пространства в пространство географическое и т.д. Цивилизации в определенном смысле рассматривались как стратегии выживания, самоорганизации человеческого времени-пространства. Сторонники цивилизационного подхода в большинстве своем разделяли убеждение о воздействии исходных пространственных и экологических условий на облик и динамику цивилизаций.

Географическое происхождение имеет и концепт *пограничной цивилизации*, получивший развитие в современном цивилизационоведении. Пограничные цивилизации трактуются как результаты взаимодействия пространственных процессов, диффузии и амальгамации разноцивилизационных начал, «культурной метисации»⁵.

Показатель – *время* – в цивилизационных исследованиях, напротив, играл вспомогательную роль, поскольку фундаментальные базовые структуры и ценности, выступавшие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживали завидную, «вневременную» устойчивость.

Необходимо, правда, признать, что в современных вариантах цивилизационного подхода были предприняты шаги в сторону его историзации, отказа от фатализма классических версий, признания сложной динамики цивилизаций, несводимой к элементарному круговороту, признания огромной устойчивости цивилизаций во времени, способных многократно усиливаться, ослабляться, иногда стагнировать, выживать и возрождаться в своих компонентах⁶.

Попыткой включения на равных временных и пространственных измерений в макроисторический анализ, преодоления недостат-

ков прогрессистского (пространственный редукционизм) и цивилизационного (недооценка эстафетности, преемственности истории, ее связности) подходов является схема развития цивилизаций, предложенная японским ученым Шунтаро Ито⁷. Он выступает как против жесткой линейности прогрессистского подхода, так и против изоляционизма цивилизационной модели. По мнению Ш. Ито, представление об изолированном развитии цивилизаций является мифом. Напротив, настаивает ученый, многие цивилизации развивались, оказывая влияние друг на друга. При этом внутренние ритмы динамики цивилизаций подвергались трансформациям под воздействием других цивилизаций.

Ш. Ито полагает, что различать особенности динамики цивилизаций необходимо. Но при этом он настаивает и на потребности в выявлении универсального опыта человечества. По мнению ученого, можно выделить «пять стадий всемирной трансформации», оказавших воздействие на все человечество, на все цивилизации. Это «Антропная», «Аграрная», «Городская», «Осевая» и «Научная» революции, ознаменовавшие в свое время процессы становления человека современного типа, перехода от присваивающего к производящему хозяйству, рождения городских протоцивилизаций, формирования философии и мировых религий, создания науки современного типа. Указанные революции, считает Ш. Ито, раньше или позже происходили во всех культурных регионах как первичные (независимое развитие) или как вторичные (результат внешних импульсов), но они не происходили одновременно по всему земному шару. Революции, произошедшие в регионах-пионерах, способствовали цивилизационным трансформациям в других областях земного шара, но при этом, отмечает Ш. Ито, основные цивилизации сохраняли присущую им индивидуальность, даже испытав воздействие со стороны других цивилизаций.

Таким образом, по мнению Ш. Ито, применительно к истории человечества возможно обсуждать тему универсальных механизмов и закономерностей (временное измерение). При этом, однако, исследователь настаивает на существовании механизмов, обеспечивающих сохранение цивилизационных идентичностей (пространственное измерение). Таким образом, согласно схеме Ш. Ито, гарантом единства человеческой истории выступает временное измерение.

В рамках следующего подхода, также интегрирующего временные и пространственные измерения, единство и множественность истории обеспечивается за счет интерпретации процессов развития как взаимодействий исторических пространств. Единство истории в этих схемах, таким образом, обеспечивается скорее за счет пространственных измерений. Пространства рассматриваются в этих

схемах во взаимодействии, создающем целостность истории. Взаимодействующие пространства подвергают друг друга трансформациям. При этом воздействия территорий, обладающих более мощным потенциалом, оказываются более существенными. В рамках данного подхода единство истории оказывается своеобразным, поскольку применительно к взаимодействующим территориям действуют разнонаправленные механизмы развития. Нередко сторонники данного подхода фиксируют обратную зависимость между динамиками развития взаимодействующих пространств. Тенденции восходящего развития в одних регионах вызывают тенденции нисходящего развития в других. В связи с этим данный подход иногда именуется матричным.

Данный подход получил отражение в теориях зависимости и в миросистемном анализе⁸. Сторонники теорий зависимости акцентируют внимание на особенностях развития стран «третьего мира», испытывающих деформирующее воздействие со стороны индустриально развитых стран.

В рамках миросистемного анализа взаимодействующие регионы помещаются в контекст мировой капиталистической системы, которая формируется примерно с XVI в. И. Валлерстайн систематизировал описание мировой капиталистической системы, сведя его к следующим положениям: непрерывное накопление капитала как движущая сила мироэкономики; осевое разделение труда, где отношение ядро–периферия основывается на формах неэквивалентного обмена, имеющего пространственный характер; существование полупериферийной зоны; сохраняющееся значение ненаемного труда наряду с наемным; совпадение границ капиталистической мировой экономики с границами межгосударственной системы, состоящей из суверенных государств; существование в миросистеме государств-гегемонов, сменяющих друг друга со временем; циклические ритмы и вековые тренды, в которых воплощается историческая динамика миросистем. Смысл данного подхода заключается в том, что невозможно анализировать жизнь одной нации в изоляции от остального мира, поскольку «внутренние» экономические процессы всякого общества в значительной степени определяются его местом в рамках мировой системы.

Сторонники указанных теорий, в отличие от представителей эволюционного подхода, акцентируют внимание не на внутренних, а на внешних (экзогенных) факторах изменений, отдавая приоритет не национальным, а надстрановым и глобальным характеристикам экономической организации современного капитализма. Особенности развития национальных систем, по их мнению, в значительной степени обуславливаются внешним окружением соответствующих

стран и позиционированием последних в мировом иерархически организованном пространстве. Открытием представителей теорий зависимости и миросистемного подхода стала возможность «параллельного» (весьма специфического, не укладывавшегося в рамки линейного стадиального прогресса модернизационного типа) развития или «неразвития» для стран мировой «периферии» (или «полупериферии»). В качестве хрестоматийного примера системной зависимости можно назвать возникновение крепостничества в Центральной и Восточной Европе и плантационного рабства в Америке, вызванное синхронным развитием капитализма в ядре мировой системы – в Западной Европе.

Материалом для апробации теорий зависимости и миросистемного анализа в большей степени служило Новое время, хотя примеры системных зависимостей, возникающих в результате взаимодействия исторических пространств, в более ранний период очевидны (например, античный мир и варварские общества; кочевники и оседлые земледельцы и т.д.). По мнению Джанет Абу-Луход, еще «до европейской гегемонии» XVI в. в XIII–XIV вв. сложилась своеобразная децентрализованная миросистема (система международной торговли и связанного с ней расширенного внутреннего производства), ядрами которой выступали Средний Восток, степи Центральной Азии, Индия и Малаккский пролив и – со временем – города развивавшейся Западной Европы. М.А. Чешков выделяет стадию локально-региональной глобальности, реализующейся преимущественно через межцивилизационные связи (исторически проявляется в форме экспансий, ранних империй, торговли на большие расстояния и др.)⁹.

Обращение представителей миросистемного подхода, теорий зависимости к пространственным взаимодействиям в известном смысле сближает их аналитические технологии с методами исследования пространственных связей теоретической географией. Последняя выделяет пространственные процессы (связанные с перемещением процессы типа обращения-циркуляции, диффузии, взаимодействия, путей движения, потоков и т.д.) и структуры (достаточно емкое понятие для обозначения расположения элементов на земной поверхности, включающее такие аспекты как конфигурация, морфология, расстояние, распределение, уклон, микрорельеф, форма, ориентация и т.д.). Вместе взятые, пространственные процессы и структуры и образуют пространственные взаимосвязи – предмет исследования теоретической географии. Применение концептов *пространственные процессы, взаимосвязи, конфигурации (структуры)* оказалось плодотворным в географической науке. Именно пространственные процессы образуют пространственную структуру идеального континента В. Кеплена; оптимальные потоки сельскохозяйственных

продуктов к центру «Изолированного государства» И.-Г. Тюнена образуют кольцевые аграрные зоны; сток в море вод суши и перенос ими различных материалов приводит к развитию зрелых речных долин (У.М. Дэвис); в процессе распространения новых агротехнических приемов в Швеции выделяются передовые и отсталые сельскохозяйственные районы (Т. Хегерстранд)¹⁰.

В целом проблема обоснования системы координат исторического процесса, балансирующего учета временных и пространственных измерений истории нуждается в дальнейшей теоретической разработке. Данная проблема не сводится только к теоретическому поиску оптимального соотношения внутренних и внешних факторов исторического процесса. Нуждается в разработке и вопрос о механизмах, обеспечивающих взаимодействие между указанными факторами.

Представляется, что существенную помощь здесь может оказать теория диффузии, объясняющая значимый механизм социальных изменений, который протекает в форме распространения инноваций, в том числе их импорта в определенное общество извне¹¹. Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса и повышения адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям. Процесс диффузии получает дополнительные импульсы благодаря совершенствованию транспорта и средств коммуникации, облегчающих интерсоциальные контакты и взаимодействия в обществе. Распространению инноваций способствуют торговля, миграции населения, войны, путешествия, развитие средств массовой информации и т.д.

Роль диффузии в истории трудно переоценить — именно в форме диффузии происходило распространение производительных технологий из первоначально немногочисленных регионов-«пионеров» по всему миру в период «неолитической революции»; трансляция письменности, алфавитов, мировых религий сопровождала становление и развитие цивилизаций. Распространение технологий, организационных моделей, культурно-идейных ценностей в значительной степени ускорило процессы модернизации во всем мире в XVI–XX вв. В условиях современного «информационного» общества колоссальный рост уровня диффузии способствует превращению земного шара в своего рода «глобальную деревню», по выражению М. Маклюэна.

Для анализа внешних «вызовов», выступавших инициаторами импульсами формирования «цепочек» нововведений, недостаточно, однако, использования теории диффузии. Последнюю следует дополнить концептами «селективной восприимчивости», «селектив-

ной инкорпорации» (определение способов, посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами) и «сравнительной динамики» (процесс, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ) Р. Робертсона, а также «межсоциетального подражания» (подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами) Д. Уэстни¹². Указанные концепты позволяют сформулировать объяснительную схему динамики межстранового конкурентного сопоставления и заимствования нововведений.

Примечания

¹ См.: Харвей Д. Модели развития пространственных систем в географии человека // Модели в географии. М., 1971. С. 237.

² См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 433–457; Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 135–185, 202–228; Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 6–23; Уайт Л.А. Концепция эволюции в культурной антропологии // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1: Интерпретации культуры. С. 536–558; Он же. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры // Там же. С. 559–590; Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 29–36.

³ Rustow D.A. A World of Nations. Washington, 1967. P. 36.

⁴ См.: Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002; Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 2001; Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 186–201; Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 306–368, 397–423; Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа) // Восток–Запад–Россия. Сб. ст. М., 2002. С. 36–66.

⁵ См.: Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.

⁶ См.: Сравнительное изучение цивилизаций. С. 229.

⁷ Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Время мира. С. 345–354.

⁸ См.: Баран П. К экономической теории общественного развития. М., 1960; Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002; Пребнш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире.

СПб., 2001; Завалько Г.А. Возникновение, развитие и состояние миротипического подхода // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 140–151.

⁹ См.: Поршнева Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964; Крадин Н. Кочевничество в современных теориях исторического процесса // *Время мира*. С. 369–396; Дж. Абу-Луход. Переструктурируя миротипическую, предшествующую Новому времени // Там же. С. 449–461; Чешков М. Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики // *Безопасность Евразии*. М., 2002. № 1 (7). С. 378–383.

¹⁰ См.: Бунге В. Теоретическая география. М., 1967. С. 10–11, 214–221; Хеншоли Д. Модели сельскохозяйственного производства // *Модели в географии*. С. 164–166, 168–169; Тюнен И.-Г. Изолированное государство. М., 1926.

¹¹ См.: Vago S. *Social Change*. P. 12–13, 80–82, 117–121; Rogers E.M. *Diffusion of Innovations*. N.Y., 1962.

¹² Westney D.E. *Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns to Meiji Japan*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987; Robertson R. *Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization* // Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 1995. P. 216–218, 226–231; Idem. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications, 1992.

2. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Исторические системы формируются постепенно, изменяются с течением времени, то медленно, то быстро, то эволюционно, то взрывообразно. Это относится и к их развитию в пространстве. Западаясь в определенном месте, исторические системы, разрастаясь или сжимаясь, взаимодействуют с другими объектами (системами) в историческом пространстве, становятся взаимосвязанными, причем интенсивность направлений развития данных взаимосвязей может существенно варьировать¹. Время и пространство таким образом выступают в качестве взаимосвязанных измерений исторического процесса. Показатель *время* фиксирует исторические изменения. Параметр *пространство* выступает в качестве критерия территориальной дифференциации исторического процесса. В принципе, оба измерения отражают вариативность (временную и пространственную) исторической динамики. В целом время и пространство об-

разуют систему координат, в которой разворачивается исторический процесс.

Современная наука, изучающая прошлое, разработала разные подходы, которые демонстрируют различное отношение к этим фундаментальным измерениям. Широкое распространение получило представление, согласно которому в качестве наиболее значимой выступает временная характеристика истории. Сторонники данной точки зрения основное внимание уделяют историческим изменениям во времени, т. е. темпоральной дифференциации истории. Подобный подход послужил основой для формулирования множества теорий, базирующихся на идее принципиального единства прошлого. Историческая дифференциация в рамках данного направления научной мысли обычно раскрывается в схеме прогресса, движения от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия. В контексте указанного подхода неоднородность исторических объектов в большей степени объясняется их привязкой к различным моментам потока исторического времени. Сторонники данного подхода полагают, что исторический процесс подчиняется единым, универсальным закономерностям и осуществляется по сходным механизмам.

Именно такой подход был заложен в основание классической модернизационной теории², сторонники которой акцентировали свое внимание на внутренних, эндогенных механизмах развития. Общества, согласно их представлениям, различаются в зависимости от того, насколько далеко они продвинулись вдоль единой для всех линий развития (прогресса). Одни общества оказываются более развитыми, продвинутыми, другие – менее развитыми. При этом, по логике сторонников данного подхода, последние по мере своего развития должны проходить стадии, уже пройденные первыми обществами; предполагалось, что со временем различия, существующие между ними, будут стираться.

Проблема многообразия человеческого опыта модернизации нашла отражение в типологических схемах, предложенных специалистами. Лежащее в основе типологического подхода сопоставление исторических объектов с целью идентификации общих и особенных черт осуществлялось различными способами. Наибольшее распространение получили: 1) выявление общих стадий или фаз модернизации; 2) определение маршрутов, которыми могли двигаться конкретные общества; 3) выявление стадияльно-пространственных групп (типов) модернизирующихся стран путем комбинации «вертикальных» и «горизонтальных» классификационных категорий.

Рассмотрим ставшую классической попытку типологии политической модернизации на основе последнего способа, которую пред-

принял Сирил Блэк в работе «Динамика модернизации», впервые изданной в 1966 г.

Признавая продуктивность рассмотрения модернизации как универсального процесса, С. Блэк тем не менее отмечает, что подобный подход в значительной степени обесценивается существенной вариацией в решении модернизационных проблем, которую демонстрируют конкретные общества. В качестве компромисса между обобщающими построениями, базирующимися на анализе агрегированного массива всех обществ, и исследованиями процессов модернизации в каждом отдельном обществе ученый предлагает исследовать основные типы модернизационных изменений.

«Не существует двух обществ, которые модернизировались бы одним и тем же путем, — подчеркивает С. Блэк, — нет двух обществ, обладающих аналогичной базой ресурсов, навыков, идентичным наследием традиционных институтов; невозможно найти двух обществ, находящихся в одной точке развития, использующих одинаковую модель лидерства или абсолютно схожую политику модернизации. Тем не менее, возможно выделить типы обществ, не теряя из виду индивидуальности каждого из них, внутри которых проблемы решались сходным образом и проводилась близкая политика модернизации»³.

Временное измерение процессов модернизации находит отражение в выделяемых С. Блэком «критических проблемах», с которыми сталкиваются все модернизирующиеся общества: 1) *вызов modernity* — первоначальное столкновение традиционного общества с современными идеями и учреждениями, появление сторонников modernity; 2) *консолидация модернизаторских элит* — переход власти от традиционалистских к лидерам современного типа в ходе обычно жесточенной революционной борьбы, часто продолжающейся на протяжении жизни нескольких поколений; 3) *экономическая и социальная трансформация* — экономический рост и социальные преобразования, способствующие преобразованию общества из преимущественно сельского с аграрной экономикой в городское и индустриальное; 4) *интеграция общества* — полная реорганизация социальной структуры под воздействием экономических и социальных преобразований⁴. По существу, С. Блэк, рассуждая о проблемах, имеет в виду временные вехи — фазы модернизации.

Следующим шагом становится идентификация критериев, позволяющих определять стадию, проходимую конкретным обществом. Фактически, речь идет собственно о критериях типологизации. В качестве таковых С. Блэк предлагает использовать следующие параметры: 1) время перехода политической власти от традиционных к модернистским лидерам относительно других обществ (ранее или

позднее); 2) эндогенная или экзогенная природа непосредственного политического вызова со стороны современности традиционалистским лидерам; 3) непрерывность или кардинальные перегруппировки территории и населения на протяжении эпохи modernity; 4) суверенность или продолжительные периоды колониального управления в истории общества; 5) наличие на момент вступления общества в современную эпоху развитых институтов, готовых в значительной степени адаптироваться к функциям modernity, или отсутствие по существу подобных институтов и необходимость их заимствования от более развитых современных обществ⁵.

Целью типологии на основе выделенных С. Блэком критериев является таким образом сопоставление обществ в соответствии с характерными политическими проблемами, с которыми сталкивались модернистские лидеры в процессах аккумуляции власти и осуществления собственных программ, и группировка стран в типы по степени сходства в решении ими указанных проблем.

Предложенные критерии, по мнению С. Блэка, связаны с аспектами исторического развития, строительства наций, международных отношений. В то же время, как полагает исследователь, классификация, осуществляемая на основе использования указанных критериев, в существенной степени учитывает культурные, экономические, социальные измерения истории, так как хронологическая сопряженность и акцент на источники и природу модернизационных импульсов обеспечивают группировку схожих стран. Так, С. Блэк отмечает, что для рано модернизовавшихся западноевропейских стран и их филиалов характерны в целом более высокий уровень валового национального дохода на душу населения, урбанизации и образования, более высокий удельный вес населения, занятого не в сельском хозяйстве, более высокая степень социальной мобилизации по сравнению со странами поздней модернизации. Вообще, как считает С. Блэк, время вступления в современную эпоху (раннее или позднее) обычно отражается на уровнях экономического и социального развития соответствующих стран⁶.

На основе использования двух классификационных шкал (фазы решения кардинальных проблем и критерии сравнения) С. Блэк выделяет «семь типов политической модернизации» среди современных ему обществ.

В первый тип политической модернизации С. Блэк включает Великобританию и Францию как страны самой ранней модернизации, в значительной степени создавшие образцы перехода от традиционности к современности для всех других обществ⁷. Исследователь обращает внимание на приоритет обеих стран в разработке теории и практики передачи политической власти от традиционалист-

ских к модернистским лидерам, на революционный характер этого процесса, присущий как Англии, так и Франции, переживших в XVII–XVIII вв. революции с несомненным модернизационным потенциалом.

В качестве особенности Французской революции С. Блэк отмечает ее широкое, значительно превосходящее в этом плане Английскую революцию, идеологическое и институциональное воздействие на многие страны мира. Французские идеи и институты, как он показывает, внедрялись в странах Северной, Центральной, Южной Европы, завоеванных Наполеоном; французская модель республиканского устройства заимствовалась модернистскими лидерами как исламского мира, так и Латинской Америки; общества Юго-Восточной Азии и Африки, оказавшиеся в колониальной зависимости от Франции, также в большинстве своем ориентировались на французскую модель политического устройства; косвенными проводниками французского влияния в своих колониях в Азии и Африке стали также Голландия и Бельгия. Якобинство, по мнению С. Блэка, выступая в XX в. в качестве главной альтернативы революционной доктрине марксизма-ленинизма, оказало воздействие на таких революционных лидеров как Атаатюрк, Насер, Бен Белла на Ближнем Востоке, Сун Ятсен, Неру и Сукарно в Азии, Карденас и ранний Кастро в Латинской Америке.

В качестве характерных особенностей стран первого типа, отличающих их от других обществ, С. Блэк выделяет также ярко выраженную внутреннюю природу вызова современности, высокую степень континуитета состава территории и населения в эпоху modernity и оптимальную адаптивность традиционных институтов к модернистским функциям.

Общность судеб стран ранней модернизации нашла, по мнению ученого, проявление в ряде следствий. В частности, как отмечает С. Блэк, и для Великобритании, и для Франции были характерны замедленные, по сравнению со странами поздней модернизации, темпы адаптации традиционных институтов к функциям современного общества, несмотря даже на революционные перевороты и эпохи реставрации, которые переживали обе страны, причем Франция – в гораздо более драматической форме. Замедленные темпы модернизационных трансформаций в совокупности с их преимущественно эндогенной обусловленностью и незначительностью внешних заимствований обусловили, по мнению С. Блэка, относительно организованную и мирную адаптацию традиционных институтов к современным функциям.

Сходство между Великобританией и Францией обнаруживается также в механизмах становления современного политического руко-

водства, которые отличались, как считает историк, относительно эволюционным характером и устойчивостью преобразований, осуществлявшихся на протяжении жизни многих поколений высококвалифицированных государственных служащих.

В качестве второго типа политической модернизации С. Блэк рассматривает «филиалы» Великобритании и Франции в Новом Свете⁸. Термин «филиал» исследователь употребляет для обозначения стран, которые были заселены жителями Старого Света, составившими политически и культурно доминирующие совокупности населения в новых обществах. Эти «ответвления» обычно возникали как зависимые от метрополий колонии, но в отличие от других колоний доминирующее население в них по этнонациональному составу было схожим с населением метрополии. Ко второму типу С. Блэк относит такие страны как США, Канада, Австралия и Новая Зеландия.

Поскольку ведущее население указанных стран сформировали выходцы из метрополий до XVII в., постольку для указанных стран, как и для стран первого типа, как полагает С. Блэк, непосредственный политический вызов modernity также выступал в качестве внутренней проблемы. Кроме того, общества второго типа вступали в эпоху современности с развитыми институтами, способными адаптироваться к функциям современности.

Однако по ряду параметров С. Блэк отличает общества второго типа от стран первого. Дело в том, что переход политической власти от традиционалистских к модернистским лидерам осуществлялся в странах второго типа несколько позднее и при других условиях, они подвергались фундаментальным перегруппировкам состава территорий и населения и переживали длительные периоды колониального управления.

В этих обществах, отмечает историк, переход политической власти к модернистским лидерам был связан с достижением политической независимости. Приобретение политической независимости странами второго типа обуславливалось отличиями их интересов от интересов стран-метрополий, удаленностью от метрополий, большими размерами территорий и высокой населенностью.

Борьба между традиционалистскими и модернистскими лидерами приобрела наиболее драматичную форму в США, где она, как принято считать, продолжалась с 1776 по 1865 г. и включила Войну за независимость и Гражданскую войну, которые сопровождались масштабным применением насилия и большими жертвами. Процессы модернизации в Канаде, Австралии и Новой Зеландии С. Блэк характеризует как более эволюционные и менее насильственные. Он указывает также на большую гомогенность населения указанных обществ и более тесную экономическую связанность последних со

страной-метрополией. Следствием этого стал, как считает исследователь, более длительный срок достижения самостоятельности (когда рост населения и диверсификация экономики позволили этим обществам приступить к формированию независимого политического курса). Применительно к Канаде данный процесс датируется 1791–1867 гг.; к Австралии – 1809–1901 гг., к Новой Зеландии – 1826–1907 гг. (пределная дата в каждом случае означает достижение статуса доминиона).

Существенную особенность данной модели политической модернизации С. Блэк усматривает в том, что эти общества «оставили традиционную социальную структуру в родительских странах»⁹. Страны второго типа, отмечает ученый, предприняли процесс экономической и социальной трансформации не на основе долго формировавшейся социальной структуры, состоявшей из относительно замкнутых страт крестьян, ремесленников и землевладельцев, а на основе подвижной социальной структурой, которая была намного больше подготовлена к изменениям. Эта социальная подвижность была существенно усилена наличием обширных и неосвоенных пограничных регионов, где в избытке были представлены земля и другие ресурсы, а власть государства была слаба.

С. Блэк обращает особое внимание на значение для развития стран второго типа доступных пограничных областей, которые служили не только источником богатства, но также и клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов. Личности и группы, которые считали себя незаслуженно обиженными, которые не сумели обеспечить себе удовлетворительных условий существования или мечтали культивировать нетрадиционные представления, как отмечает историк, имели возможность переселиться в пограничные области вместо того, чтобы пытаться найти компромисс или понести возможное поражение на прежнем месте жительства.

С. Блэк указывает и на ряд проблем, создаваемых фронтиром. Наиболее существенную он видит в том, что избыточные ресурсы не могли быть разработаны без дополнительной рабочей силы. Большой же приток иммигрантов, в свою очередь, создавал проблему ассимиляции, которая наиболее критические очертания приобрела в Соединенных Штатах, в то время как в трех других странах в силу сложившихся обстоятельств иммиграция имела более постепенный и гомогенный характер.

Подытоживая характеристику стран второго типа, автор отмечает: «К 1930-м гг., когда общества второго типа столкнулись с политическими проблемами социальной интеграции, они уже превосходили страны Европы по уровню развития и считались самыми богатыми и влиятельными в мире. Они извлекли выгоду не только из

обширных ресурсов Нового Света и из своей относительной географической изоляции, которая позволяла им концентрировать энергию на внутренних делах, но также из развитых либеральных институтов, унаследованных от Старого Света, и от миллионов квалифицированных и энергичных людей, которые прибыли в поисках «удовлетворительного образа жизни»¹⁰.

В третий тип политической модернизации С. Блэк включает общества Европы, в которых консолидация модернистского руководства произошла после Французской революции под прямым или косвенным воздействием ее импульса¹¹. Эти общества были вынуждены адаптировать свои политические институты к современным функциям позднее Великобритании и Франции. В их истории были длительные периоды насильственной перегруппировки территорий и состава населения. Эти общества в современную эпоху преимущественно принадлежали к числу самостоятельных, хотя некоторые народы Восточной Европы, а также Ирландии и Исландии первоначально находились под чужеземным господством, в некоторых отношениях напоминая колониализм. Подобно обществам первых двух типов, эти страны также создали еще в традиционалистскую эпоху институты, способные адаптироваться к функциям современности.

Существенно, что многие из европейских обществ участвовали в течение нескольких столетий в развитии модернистских идей и институтов, конкурировали и даже в чем-то могли превосходить Великобританию, Францию или страны Нового Света. «Навигационные знания испанских и португальских мореплавателей; коммерческие навыки голландских, венецианских и далматинских торговцев; достижения ученых польского, чешского, венгерского, немецкого происхождения; ученые, художники, механики этих разнообразных обществ – и многие другие, – пишет С. Блэк, – внесли вклад фундаментальной значимости в формирование современного образа жизни»¹².

С. Блэк подчеркивает решающее влияние французской модели на политическую модернизацию обществ третьего типа. Крах старых режимов начался не ранее 1795 г. в Бельгии, Люксембурге и в Нидерландах, 1798 г. – в Швейцарии и только в первом десятилетии XIX столетия – в Германии, Италии, Дании, Норвегии и в Швеции.

В этих странах, по мнению С. Блэка, можно говорить о консолидации модернистского политического лидерства между 1839 г. для Нидерландов, и 1871 г. – для Германии и Италии. В Восточной Европе политическая модернизация началась даже позже и не была завершена до ликвидации империй в период Первой мировой войны. Консолидацию модернистского политического руководства в странах третьего типа С. Блэк характеризует не только решающим влия-

нием иностранных моделей, нередко навязываемых силой оружия, но также длительным и трудным процессом строительства наций.

Лишь немногие традиционалистские государства, как отмечает исследователь, пережили этот процесс без деконструкции. Наиболее сложная территориальная и политическая перестройка была осуществлена в Священной Римской империи, земли которой неоднократно подвергались реорганизации, пока к 1871 г. не удалось достичь относительной стабильности. Насильственным характером отличался распад Османской и Габсбургской империй, народы которых постепенно приобретали независимость в результате войн, революций, дипломатии.

Помимо множества фундаментальных различий между обществами третьего типа, заключающихся в традиционалистском институциональном наследии, в исторических особенностях политического руководства, они обладали и общей характерной чертой, которая состояла в огромной концентрации усилий на процесс строительства нации. В значительно большей степени, чем это было в Великобритании и Франции, а также в их «филиалах» в Новом Свете, энергия политических лидеров, ресурсы народов стран третьего типа направлялись на защиту недавно приобретенных границ и подготовку к освобождению смежных или связанных территорий, еще находящихся под чужеземным управлением. В Центральной Европе относительная и довольно сомнительная стабильность была достигнута к 1871 г., в то время как в более восточных регионах костер национализма продолжал тлеть, пока не разгорелись большие пожары 1914–1918 и 1939–1945 гг. Хотя национализм был только средством для достижения самоопределения, призванного обеспечить условия для модернизации без дискриминации со стороны чужеземных администраций, для многих поколений он стал целью сам по себе.

Наиболее быстрая стадия экономической трансформации в обществах третьего типа имела место в конце XIX – первой половине XX в. Швейцария и Германия столкнулись с проблемами социальной интеграции в 1930-х годах, а ряд других стран данного типа достигли этой стадии лишь после Второй мировой войны.

В четвертый тип политической модернизации С. Блэк включает «филиалы» европейских обществ третьего типа в Новом Свете¹³. Эти общества отличаются от обществ второго типа, также созданных преимущественно иммигрантами из Старого Света. Кроме различий в ресурсных базах, в навыках, для обществ четвертого типа характерен более поздний переход к модернизации, гораздо большая зависимость от иностранных влияний, в особенности со стороны тех обществ третьего типа, которые были склонны уделять меньшее внимание модернизации.

Достижение национальной независимости в Латинской Америке обычно завершалось не приходом к власти модернистских лидеров, а установлением неокOLONIALISTСКИХ форм правления, которые имели тенденцию увековечивать традиционалистские модели жизни. Даже в странах, населенных преимущественно выходцами из Европы (например, в Аргентине, Коста-Рике, Уругвае), позиция модернистских лидеров не была консолидирована на протяжении почти целого столетия, прошедшего после их освобождения. Частично С. Блэк объясняет это аграрной специализацией данных стран, тормозившей урбанизационные процессы, а также, в большей степени – доминирующими ценностями политически активного населения. Декларации национальных целей и формы правления, которое оно устанавливало, базировались на либеральной европейской модели; риторика в значительной степени копировала таковую Французской революции. Но по своему содержанию эти политические институты лишь спустя длительный период времени стали походить на модернистские.

Политическая модернизация в большинстве латиноамериканских стран жестко блокировалась в связи с тем, что жители европейского происхождения составляли в них меньшинство и не желали делить политическую власть с метисами и индейцами, а в некоторых случаях – с иммигрантами из Африки, которые формировали большинство населения. Ситуация в обществах четвертого типа в этом плане, как отмечает С. Блэк, существенно отличалась от таковой в Соединенных Штатах, например, где численность индейцев была незначительна, а африканцы составили около 10% населения.

В большинстве же латиноамериканских обществ, напротив, численное доминирование неевропейского населения выступало причиной блокирования расширения эффективного гражданства и вело к растущему расколу между немногочисленными богатыми жителями европейского происхождения и массой относительно бедного полу- или неевропейского населения. Социальные эффекты этого раскола были усилены практикой вложения капиталов доминирующим меньшинством скорее за границей, чем внутри страны.

Пятый тип политической модернизации, согласно схеме С. Блэка, образуют те общества, которые модернизировались без прямой внешней интервенции, но под косвенным влиянием обществ, которые модернизировались ранее¹⁴. В состав данного типа Блэк включает Россию, Японию, Китай, Иран, Турцию, Афганистан, Эфиопию и Таиланд.

Для всех указанных стран общим является тот факт, что их традиционные правительства оказались достаточно эффективными благодаря длительному опыту централизованного бюрократического

управления в противостоянии попыткам навязать прямое и всестороннее иностранное управление.

В отличие от большинства других общества пятого типа осуществляли модернизацию по существу по собственной инициативе и с сохранением в значительной степени состава территории и населения. Способность этих обществ сохранять независимость С. Блэк объясняет различными обстоятельствами. Для Китая, Ирана и Турции, например, по его мнению, ведущее значение имело своего рода равновесие сил (или, иначе говоря, противоречия между более модернистскими конкурентами). Недоступность и изоляция играли существенную роль в деле сохранения независимости в истории Афганистана, Эфиопии и Таиланда. Россия же и Япония, по мнению автора, защищали свою независимость преимущественно благодаря собственной военной мощи.

Одна из наиболее устойчивых характеристик обществ пятого типа заключается в том, что они создали территориальную и демографическую основу своих государств задолго до столкновения с вызовом современности. Перед этими обществами не стояло проблем борьбы против прямого чужеземного господства, колониализма. Все они до некоторой степени испытывали иностранное вмешательство в эпоху *modernity* – периоды иностранной оккупации отдельных территорий указанных государств, льготные условия для иностранцев в форме капитуляций (неравноправных договоров, фиксирующих привилегированный режим для иностранцев), широкая зависимость от иностранных займов и советников. Эти формы иностранного вмешательства, иногда зависимости, С. Блэк, тем не менее, склонен отличать от покорения и прямого и продолжительного иноземного контроля в виде колониализма.

В группе обществ пятого типа непосредственно традиционалистские правительства (в России при московских царях и при императорах, в токугавской Японии, в цинском Китае, в Османской Турции, в Персии при Каджарской династии, в Эфиопии при Теодросе и Менелике II и в Сиаме при правлении династии Чакри) брали на себя инициативу при столкновении с вызовом современности. Существенно при этом, что многими признается наличие множества соответствий с Великобританией и Францией в таком аспекте, как непрерывность и постепенность перехода от старых режимов к новым.

Традиционалистские элиты обычно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся для сохранения традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений, которые могли бы последовать вследствие успеха иностранных или внутренних модернистских лидеров. К числу подобных модернизаций С. Блэк относит реформы Петра I и

Николая I в России, поздних сегунов династии Токугава, Махмуда II и Абдул-Меджида I, государственных деятелей позднецинского периода, Монкута и Чулалонгкорна в Сиаме, шаха Насира уд-Дина в Персии, императора Менелика в Эфиопии. Эти реформы, по мнению исследователя, были призваны обеспечить современные системы подготовки и снаряжения для бюрократии и армии, усовершенствовать транспортные средства и коммуникации, создать институты высшего образования. Для обучения приглашались иностранные специалисты, представители туземного населения выезжали за рубеж с целью приобретения современных знаний.

Но при этом существенной особенностью этих реформ было то, что они предназначались не для преобразования традиционной системы, но для ее укрепления. Аграрная экономика и образ жизни крестьянства, которое составляло более 4/5 всего населения, оставались практически незатронутыми ограниченной модернизацией, а элиты сохраняли свои традиционные привилегии. Подобными средствами удавалось по меньшей мере временно противостоять вызову более современных обществ, а переход к политическому руководству, способному поддержать программы интенсивной модернизации, отсрочивался на поколения.

С. Блэк подчеркивает, что в странах пятого типа фундаментальный разрыв с прошлым осуществлялся не в результате революции, иностранной оккупации или национального восстания против чужеземного господства, но непосредственно традиционным руководством. Решающие перестройки произошли в результате отмены крепостного права в России в 1861 г., свержения режима сегуната в Японии в 1868 г., замены китайской классической системы современной системой подготовки бюрократии в 1905 г. и учреждения форм конституционного правления в Персии в 1906 г., в Османской империи – в 1908, в Афганистане – в 1923, в Эфиопии – в 1924 и в Сиаме – в 1932 г.

При этом С. Блэк отмечает, что правящие элиты и бюрократия все же не могли бесконечно поддерживать модернистские инициативы. Лишь в Японии политическая власть модернистского руководства была консолидирована к 1945 г. без революционного низвержения династии. В других странах консолидация модернистских лидеров включала более радикальные перевороты (такие, как приход к власти Временного правительства в России в феврале-марте 1917 г., последовавшая затем большевистская революция в октябре-ноябре; цепь революций в Китае во главе с Сун Ятсеном в 1911 г., Чан-Кай-Ши – в 1927 и Мао Цзедун – в 1949; революции, в результате которых были свергнуты действующие династии Мустафой Кемалем в Турции в 1923 г. и Реза-ханом в Персии в 1925 г.).

Более сотни независимых и зависимых обществ Азии, Африки, Америки и Океании, которые пережили периоды колониального управления, С. Блэк включает в шестой и седьмой типы¹⁵. Шестой тип составлен из обществ, традиционные культуры которых были достаточно высоко развиты, что позволило им успешно взаимодействовать с таковыми более современных «опекунских» обществ в процессе их адаптации к современным функциям. К шестому типу относятся общества, в которых утвердились ислам, индуизм и буддизм.

Общества, составляющие седьмой тип (ряд районов Африки к югу от Сахары и Океании), не разработали собственных достаточно развитых религий, систем письменности, политических институтов к тому времени, когда они столкнулись с вызовом современности. Ввиду отсутствия институтов и культур, которые можно было бы адаптировать к современным функциям, они были вынуждены напрямую заимствовать от более современных обществ модернистские идеи и учреждения.

В качестве общей черты обществ последних двух типов С. Блэк называет опыт колониализма, который в определенной степени стимулировал начальные стадии модернизации, вызов современности в традиционном обществе и одновременно блокировал следующие стадии – в частности, фазу консолидации политической власти модернистскими лидерами.

Общества шестого и седьмого типов в гораздо большей степени, чем общества второго и четвертого типов, по мнению С. Блэка, зависели от опекунов власти в процессе достижения политического единства. Только в исключительных случаях они имели исторические основания для обретения статуса независимой государственности; их политическая конфигурация, как колоний, и позднее, как независимых государств, была в значительной степени обязана политическому авторитету опекунов власти, а не их собственной инициативе.

Схема типологического анализа С. Блэка оказалась весьма продуманной и плодотворной. Она способствовала развитию сравнительно-исторического и классификационного подходов в рамках модернизационных исследований, углубленному изучению как фаз, так и «горизонтальных» вариантов модернизации. Влияние данной схемы до сих пор сказывается на работах по проблемам модернизации, что подтверждает ее нерастроченный познавательный потенциал. Так, система критериев развития, разработанная российским философом В.Г. Федотовой, (1) источник развития (внутренний и внешний); 2) органичность развития (первичное, под влиянием собственных потребностей, вторичное – связанное с преобладанием внешних

«вызовов», ответ на них); 3) механизм развития (инновация, мобилизация усилий); 4) характер развития (самостоятельный, догоняющий Запад, догоняющий только его технико-экономический уровень, недогоняющий); 5) темпы развития (очень быстрые, быстрые, медленные, очень медленные); 6) наличие духовных, ментальных, культурных предпосылок; 7) образ будущего, к которому направлено развитие), может рассматриваться как развитие принципов, лежащих в основе критериальной системы С. Блэка, а ее интересная и содержательная классификация областей однотипного развития (западная цивилизация, состоящая из двух подтипов – американской и западноевропейской; цивилизации «второго эшелона» развития, т.е. «вторая» Америка (Мексика, Бразилия, Чили и др.) и «другая Европа»; новые индустриальные страны Юго-Восточной и Южной Азии; доиндустриальные цивилизации «третьего мира»; неразвивающиеся сообщества) обнаруживает некоторые параллели с типологией политической модернизации С. Блэка¹⁶.

Признание возможности различных траекторий модернизации стимулирует выделение разнообразных исторических типов или моделей развития. Так, в рамках современного подхода демократия уже не считается феноменом, имманентно присущим модернизации, но рассматривается в ряду альтернативных последствий перехода от традиционности к современности, наиболее яркими и полярными примерами которых могут служить фашизм или коммунизм. Сам процесс политической модернизации также предстает в различных исторических ипостасях.

В одной из своих работ С. Хантингтон предпринял попытку типологизировать процессы политической модернизации (демократизации) на материале Западной Европы и Америки¹⁷. Исследователь выделяет три типа демократизации. Первый – так называемый линейный, который выводится из британского и шведского исторического опыта. В британском случае, как отмечает С. Хантингтон, демократизация постепенно развивалась от гражданских к политическим правам, к постепенному верховенству парламента и кабинетному правительству и, наконец, к возрастающему расширению избирательного права на протяжении столетия. Шведский вариант характеризуется им следующим маршрутом: 1) национальное единство; 2) длительная, так и незавершенная, не давшая окончательных результатов политическая борьба; 3) сознательное решение принять демократические правила; 4) наконец, привыкание к этим правилам.

Второй тип демократизации – циклический, в рамках которого имеет место постоянное чередование авторитаризма и демократии. Этот тип, как полагает С. Хантингтон, присущ многим странам Латинской Америки. В его рамках ключевые элиты обыкновенно при-

знают законность демократических форм правления, время от времени проводятся выборы; но для этих стран длительная последовательность правительств, пришедших к власти через избирательный процесс, объявляется автором исключительной редкостью. Правительства становятся продуктом военного переворота так же часто, как и следствием выборов. В подобных «преторианских» ситуациях, как указывает Хантингтон, ни авторитарные, ни демократические учреждения не могут быть эффективно институционализированы. Стоит стране вступить на этот циклический путь чередования военного авторитаризма и гражданской демократии, и ей будет уже крайне сложно сломать этот цикл.

Третий тип демократизаций, выделяемый С. Хантингтоном, – диалектический. В рамках данного типа развитие среднего городского класса ведет к растущему давлению на авторитарный режим с целью расширения политического участия и конкуренции. В некоторый определенный момент происходит смена существующего авторитарного режима демократическим. Оказывается, однако, что новый буржуазный режим не имеет возможностей управлять страной эффективно – вследствие этого нередко происходит свержение демократического режима и возвращение к авторитарной системе. В свою очередь, однако, авторитарный режим также терпит крах и происходит переход к устойчивой (длительной) демократической системе. Такая модель (диалектическая) характеризует, по мнению С. Хантингтона, опыт Германии, Италии, Греции и Испании.

Типология политической модернизации С. Хантингтона иллюстрирует важный сдвиг, произошедший в западном обществоведении, а именно осознание того факта, что исторический процесс не носит заданного характера, не является фаталистическим.

Тем не менее, общим для рассмотренных подходов является отношение к пространству как к своего рода второстепенному показателю. Именно временное измерение рассматривается как определяющее, конститутивное. Главным в типологических схемах политической модернизации остается определение стадийного качества исторического объекта. Общества идентифицируются как стадийные фрагменты более или менее универсального процесса. Законы функционирования сообществ в значительной степени привязываются к их стадийной, т.е. временной характеристике. Пространственные же аспекты по-прежнему выступают в качестве иллюстрации тезиса о всеобъемлющем процессе социального совершенствования. В целом проблема обоснования системы координат исторического процесса, балансирующего учета временных и пространственных измерений истории сохраняет прежнюю актуальность и нуждается в дальнейшей теоретической разработке. Данная проблема не сводит-

ся только к теоретическому поиску оптимального соотношения внутренних и внешних факторов исторического процесса. Нуждается в разработке и вопрос о механизмах, обеспечивающих взаимодействие между указанными факторами.

Примечания

¹ См.: Харвей Д. Модели развития пространственных систем в географии человека // Модели в географии. М., 1971. С. 237.

² См.: Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966; Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, London, 1965; Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N.Y.; London, 1965; Rustow D.A. A World of Nations. Washington, 1967. P. 36; Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.

³ Black C.E. The Dynamics of Modernization. P. 95.

⁴ Ibid. P. 67–89.

⁵ Ibid. P. 96.

⁶ Ibid. P. 104.

⁷ Ibid. P. 106–110.

⁸ Ibid. P. 110–114.

⁹ Ibid. P. 112.

¹⁰ Ibid. P. 114.

¹¹ Ibid. P. 114–116.

¹² Ibid. P. 115.

¹³ Ibid. P. 117–119.

¹⁴ Ibid. P. 119–123.

¹⁵ Ibid. P. 123–128.

¹⁶ См.: Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 240–251; Она же. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27; Она же. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 3–21.

¹⁷ См.: Huntington S. Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly. 1984. № 99. P. 193–218.

3. РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ МАКРОТЕОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Исследователи прошлого, несмотря на различную дисциплинарную принадлежность, ориентируются на некоторые общие теоретико-методологические подходы, которые оказывают воздействие на выбор предмета изучения, трактовку движущих сил, механизмов и направлений исторической динамики, определение природы взаимосвязей между различными периодами истории. Целью данного раздела является краткая сравнительная характеристика познавательных возможностей трех теоретико-методологических направлений, применяемых при разработке проблем российской истории.

Модернизационный подход

Одним из теоретических источников, который был использован при создании модернизационной парадигмы, являлся эволюционизм с присущей ему акцентуацией на временном измерении исторического процесса. Эволюционисты уделяли основное внимание социальным изменениям во времени. Классический эволюционизм предложил схему исторического развития человечества в форме постепенного прогресса, движения от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия. Сторонники данного подхода полагали, что эволюция подчиняется единым, универсальным закономерностям и осуществляется по сходным механизмам преимущественно эндогенного происхождения, общим для всех территорий¹. Подобный подход послужил основой для формулирования множества эволюционистско-прогрессистских теорий, базирующихся на идее принципиального единства социального бытия. Общим для указанных теорий являлось отношение к пространству как к своего рода второстепенному показателю. Именно временное измерение трактовалось как определяющее, конститутивное. Главным в рамках эволюционистско-прогрессистских теорий становилось определение стадийного качества социального объекта. Все общества идентифицировались как стадийные фрагменты универсального процесса. Механизмы функционирования сообществ в значительной степени являлись производными от их стадийных, т.е. временных привязок. В значительной степени представление о человеческой истории как об эволюционном процессе сохранилось и в рамках неэволюционизма, возникшего в середине XX в. Неэволюционизм, однако, расширил познавательные горизонты подхода путем признания возможности особых маршрутов развития (мультилинейная эволюция; «магистральные» и «боковые» траектории дви-

жения). При этом неэволюционисты также преимущественное внимание уделяли внутренним факторам развития, но указывали при этом на вариативность моделей, стадий и механизмов развития.

Преимущественно связанная с эволюционизмом (и неэволюционизмом), ранняя версия модернизационной теории (1950–1960 гг.), так называемая классическая парадигма, разделяла многие его теоретико-методологические положения, что нашло отражение в моделировании процесса модернизации как революционного, связанного с «революционными», радикальными и всеобъемлющими трансформациями форм человеческого существования и деятельности при переходе от традиционности к современности. Сторонники линейной модели признавали, что модернизация вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. В рамках линейной модели модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связанное целое факторы и атрибуты модернизации. Сторонники линейной модели видели процесс модернизации как имманентное встраивание изменений в социальную систему. Линейная модель порождала представление о модернизации как глобальном процессе, который обеспечивался распространением современных западных идей, институтов и технологий по всему миру, но при этом в большей степени обуславливался эндогенными факторами. Все общества, по мнению сторонников данной модели, можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности. Модернизация рассматривалась как эволюционный, протяженный процесс по скорости осуществления «революционных» изменений. Эволюция осуществлялась в рамках определенных стадий или фаз модернизации, через которые должны были пройти все общества. В рамках линейной модели процесс модернизации рисовался как процесс унификации, постепенной конвергенции сообществ. Модернизация считалась необратимым и прогрессивным процессом².

Линейная модель стимулировала обсуждение проблемы стандартных критериев модернизации, которые разрабатывались обычно на основе сопоставления идеал-типических образов традиционности и современности, представлявших, собственно, два полюса, между которыми и мыслился сложный процесс трансформации обществ. Данные критерии рассматривались сторонниками линейной модели

в качестве обязательных для всех обществ, вступивших на путь модернизации.

Линейная модель была рассчитана на изучение макросоциальных явлений (обыкновенно в масштабе страны) и строилась на основе структуралистского подхода; изучение «внутренней логики ситуации» не было включено в ее планы. Данная модель требовала рассмотрения модернизации как единого универсального восхождения обществ от недостаточной развитости (традиционности) к современности и развитости по одним и тем же стандартным ступеням стадий. Модель была разработана на основе опыта западной «атлантической» цивилизации и практически не учитывала многообразие цивилизационного опыта за пределами Западной Европы и Северной Америки.

Пространственная вариативность в процессе модернизации нередко сводилась лишь к разным способам сборки стандартных стадийальных результатов эволюции. Так, представитель классической модернизационной теории Дэнкварт Растоу обращал внимание на возможность различных маршрутов в демократическо-тоталитарном континууме, с помощью которых модернизирующиеся сообщества институционализируют перемены. Растоу пытался идентифицировать типы проблем, с которыми сталкиваются модернизирующиеся общества, и сравнивать пути развития этих обществ в плане выявления той последовательности, в которой им приходится эти проблемы решать. По мнению Д. Растоу, политическая модернизация требовала наличия трех ключевых условий: «идентичность необходима для нации, власть — для государства, равноправие — для modernity; все три в совокупности составляют политический базис современного национального государства»³. Согласно Д. Растоу, различия между обществами находились в зависимости от того порядка, в котором решались данные проблемы: одновременно или последовательно (последовательность, в которой общество сталкивается с соответствующими проблемами, также имеет значение). На основе сравнительного изучения Растоу приходил к выводу, что оптимальной для хода модернизации является следующая последовательность решения проблем: идентичность—власть—равноправие. Однако он признавал возможность и субоптимальных путей модернизации.

Необходимо признать, что модернизационная перспектива не оставалась неизменной на протяжении последних десятилетий. Напротив, она прошла длительный путь совершенствования, развивалась в постоянном взаимодействии с реальными процессами развития, вносящими коррективы в ее содержание⁴.

В этом плане особенно значимым был период 1980–1990-х годов, отмеченный переосмыслением теоретических оснований мо-

дернизационного подхода, восходящих к эволюционизму и функционализму. В данный период произошел отказ от односторонней линейной трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей (подобный подход сегодня трактуется как этноцентричный); была признана возможность собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску).

Корректировке подвергся эволюционистский телеологизм. Представители «нового» модернизационного анализа акцентировали внимание не на анонимных законах эволюции, а на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства. Процесс модернизации стал рассматриваться как рефлексивный (У. Бек), сопровождаемый постоянной переоценкой и частичной отменой достигнутого на предшествующих этапах. Историзация теоретического подхода обеспечивалась реабилитацией исторической случайности; признанием необходимости рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретных исторических связностей⁵.

Созданная в результате своего рода теоретического синтеза на основе классических моделей с учетом критики со стороны конкурирующих структуралистских мироцелостных подходов, а также элементов деятельностного подхода многолинейная модель расширила познавательные возможности модернизационного анализа. По-прежнему ориентированная преимущественно на анализ макросоциальных явлений, современная познавательная модель была более «историчной», характеризовалась большей эластичностью по отношению к изучаемой реальности.

Применительно к российской истории модернизационный подход использовался преимущественно с целью определения ее типологического места в мировом процессе модернизации и конструирования страновой модели перехода от традиционного к современному обществу. Анализ проводился в основном на страновом уровне.

Модернизационный подход создает предпосылки для сравнения различных вариантов перехода от традиционности к современности, в том числе и российского, выявления общего и особенного в протекании данных процессов.

Сторонники «либеральной» трактовки модерна, предполагающие обязательное присутствие в процессе модернизации становления капиталистической рыночной экономики и либеральной демократии, нередко оценивают российский (советский) опыт перехода от традиционного к современному обществу в XX в. как контрмодернизацию (понятие введено в научный оборот французским со-

циологом А. Туреном для обозначения альтернативного пути развития по незападному образцу – «околомодернизации»; открытое противостояние модернизации ученый определил как «антимодернизация»). Именно такой подход был реализован В.А. Красильщиковым в известной работе «Модернизация: зарубежный опыт и Россия»⁶.

По мнению исследователя, (советская) контрмодернизация сменила зашедшую в тупик имперскую модель модернизации, продемонстрировавшую неэффективность институционально-политических и социальных институтов, приведшую к социокультурному расколу в обществе, породившую масштабную маргинализацию значительной части населения. Смена моделей развития приобрела революционный характер и сопровождалась «вымыванием» буквально всего, что напоминало о старом режиме, – чуждой народу культуры, рыночных отношений, частной собственности и личной инициативы.

Что касается контрмодернизации, то В.А. Красильщиков считает ее также тупиковым вариантом развития и определяет как псевдомодернизацию⁷. Автор считает ошибочным курс большевиков на ускоренную индустриализацию страны на основе воспроизводства технико-экономической базы западного общества, описанной основоположниками марксизма. Такой подход, по мнению автора, изначально закладывал последующее отставание России от стран Запада, поскольку последний в тот период уже выстраивал новую модель общественного устройства («фордизм», «государство благоденствия»), которая осталась незамеченной руководством советского государства. Искусственно воспроизводя технико-экономическую базу капитализма начала XX в. с монополизмом одноотраслевых предприятий, слиянием промышленного и банковского капиталов, преимущественным ростом производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления, большевики, как полагает В.А. Красильщиков, воссоздавали индустриальный тип общества, уже зашедшего к тому времени в тупик.

При этом автор признает, что советский «казарменный коммунизм» сумел осуществить раннеиндустриальную модернизацию, т. е. воспринял индустриальную технологию, создававшуюся в условиях рыночного хозяйства. Данное обстоятельство В.А. Красильщиков объясняет изоморфизмом, существующим, по его мнению, между индустриальной технологией, деспотичной по своей природе и отчуждающей человека от его труда, и советским государством, по существу тоталитарным, а также эсхатологичностью общественного сознания советского общества, присущей ему верой в грядущее «царство свободы», которая порождала энтузиазм у немалой части людей, готовность подчиняться жесткой дисциплине антигуманной технологии ради рывка вперед, в будущее.

При этом автор полагает, что, осуществив сталинскую индустриализацию и восстановив разрушенное войной хозяйство, советское общество, тем не менее, оказалось неспособным преодолеть технико-экономическое отставание СССР от Запада, продуктивно отреагировать на тенденции, набиравшие силу в странах «атлантической цивилизации». По существу автор солидаризируется со сторонниками тоталитарного подхода, которые отрицали наличие в советской системе внутренних импульсов к саморазвитию, трансформации. Акцент делается им на имманентно присущее сталинской системе свойство к самовоспроизводству. Попытки реформ, предпринимавшихся советским правительством на протяжении 1950–1960 гг., автор оценивает как поверхностные и неэффективные, как скорее имитацию преобразовательной деятельности. Более того В.А. Красильщиков полагает, что некоторые из этих реформ были скорее разрушительными для советского общества, чем созидательными (хрущевские преобразования нанесли решающий удар по «патриархальной псевдоколлективности общины»; реформа 1965 г. нарушила баланс между стоимостными и материально-вещественными потоками в экономике и т.д.) ускорившими наступление кризиса советской индустриальной системы.

Сходную интерпретацию советского опыта модернизации предлагает финский исследователь Тимо Пиирайнен. Он полагает, что корни трагической диалектики российской истории обусловлены промежуточной природой российской цивилизации, сочетающей западные и восточные, европейские и азиатские черты. Азиатское измерение российского общества находит свое проявление, по мнению автора, в первую очередь, в авторитарном и централистском характере власти, схожей с восточным деспотизмом, «гидравлическими культурами» (последний термин ввел в научный оборот К. Виттфогель). Вслед за Р. Пайпсом он характеризует систему правления в императорской России как «патримониальную» (соединение политической власти и собственности). Именно монолитную позицию государства Т. Пиирайнен считает важнейшим фактором, обусловившим своеобразие российской модернизации. В России, по мнению автора, импульсы к модернизации не могли возникнуть «снизу» в силу того, что в обществе не было независимых экономических и социальных акторов. Вследствие этого единственным носителем модернистских устремлений могла стать только элита, стремившаяся догнать остальную Европу. Российская модернизация, по мнению Т. Пиирайнена, мотивировалась преимущественно соображениями, вытекавшими из военного соперничества с Западом⁸.

Автор квалифицирует подобный вариант модернизации как псевдомодернизацию. «Так как импортированные «модерные» соци-

альные и экономические формы были навязаны силой обществу, которое в значительной степени не было готово к такому насильственному нажиму официальной модернизации, результатом обыкновенно становился анахронизм, т.е. специфическое сосуществование современных и архаических социальных форм и институтов, формальное обслуживание современных форм, в то время как по существу социальные практики оставались традиционными»⁹.

Псевдомодернизация, как полагает Т. Пиирайнен, давала обратные результаты. Общество коснело под тяжестью могущественного бюрократического аппарата, созданного для внедрения современных практик. Усилия, направленные на осуществление грандиозных проектов, сопровождались понижением уровня жизни и покупательной способности большинства населения, что, в свою очередь, препятствовало укрупнению и развитию социальных практик современного типа. По мнению автора, модернизация «сверху» способствовала скорее усилению, нежели эрозии немодерных черт российского общества¹⁰.

Таким образом, согласно схеме, условно названной нами «контрмодернизацией», российский опыт перехода к индустриальному обществу, предпринятый в XX в., представлял собой скорее имитацию развития. Устремления элиты модернизировать страну в целом не находили поддержки в нижних этажах общества. Результаты модернизации приобретали уродливые нежизнеспособные формы. Импульсивные попытки «осовременивания» общества в действительности подталкивали его в исторический тупик.

В рамках следующей схемы, которую можно определить как «индустриальный социализм», акцент делается на технологические параметры роста. Сторонники данного подхода полагают, что переход к современному обществу может следовать различным маршрутам. При этом западный вариант не рассматривается в качестве единственного. Страновые типы модернизации по существу тракуются сторонниками данного подхода как пути вращивания в индустриальную цивилизацию¹¹.

Подобный подход создает предпосылки для сравнения различных вариантов перехода от традиционности к современности, в том числе и российского, выявления общего и особенного в протекании данных процессов. Так, сопоставление капиталистического и социалистического (индустриальный социализм) вариантов модернизации осуществляется в книге П. Бергера «Капиталистическая революция»¹².

Автор убежден, что, несмотря на использование зачастую несовпадающих механизмов развития, капиталистические и социалистические страны можно рассматривать в контексте процесса модернизации, общего для тех и других. При этом в качестве решающего фактора конвергенции П. Бергер рассматривает научно-

технический прогресс. Сопоставление передовых капиталистических стран с бывшим Советским Союзом, по мнению П. Бергера, плодотворно в теоретическом отношении для понимания внутренних механизмов современного капитализма, для создания общей теории экономической культуры в условиях модернизации, а также позволяет дифференцировать результаты развития в самом СССР, устанавливая ответственность за них как собственно модернизации, с одной стороны, так и социализма, с другой.

В качестве проявлений модернизации в СССР П. Бергер рассматривает следующие трансформации: 1) становление Советского Союза как индустриальной державы, устойчивый экономический рост страны; 2) медленное, но неуклонное повышение материального уровня жизни населения страны; 3) сходная динамика (в соответствии с тезисом С. Казнеца) распределения доходов на Западе и в СССР на сравнимых стадиях экономического развития; 4) сходство темпов социальной мобильности на Западе и Востоке.

Что касается воздействия социализма на итоги развития СССР, то П. Бергер сводит их к следующим наблюдениям: 1) внутренняя связь между социализмом и всепроникающей бюрократизацией экономики; 2) внутренняя связь между социализмом и хозяйственной неэффективностью; 3) внутреннее родство между социализмом и авторитарным правлением; 4) внутреннее родство между социализмом и тоталитарным проектом для современного общества; 5) непрерывное взаимодействие двух различных форм стратификации — классово-вой системы и степени политического патримониализма.

В целом применение модернизационной парадигмы способствует расширению предметной области в изучении истории России, создает возможности для изучения российского исторического опыта в сравнительной перспективе. Правда, акцентирование внимания на реализации модернизационного проекта в определенной степени ведет к редукционизму, ослабляет чувствительность к константам цивилизационно-странового развития. Необходимо также отметить, что не все теоретико-методологические модели¹³, разработанные в рамках модернизационной перспективы, получили применение в современной отечественной литературе. В частности, почти не нашла использования модель парциальной (частичной) модернизации, сторонники которой акцентируют внимание на длительности перехода от традиционности к современности, на симбиозе традиционных и модернистских элементов, на возможности «застревания» некоторых обществ на стадии «частичной» модернизации¹⁴. Между тем, возможно, именно данная модель в наибольшей степени применима при изучении отечественной истории.

Цивилизационный подход

Нередки обращения отечественных обществоведов к цивилизационному подходу, который отличается значительной теоретической разнородностью. В одном случае в качестве цивилизации (цивилизаций) рассматриваются стадии развития человечества после «городской революции», создавшей в IV–III тыс. до н.э. городскую образ жизни, государство, письменность и т.д. Подобный подход в значительной степени возник в качестве противовеса формационному, акцентировав при этом внимание не на «базисных», а на «надстроечных» характеристиках общества. В другом случае под цивилизацией понимается крупный культурно-исторический массив, обладающий специфическими отличиями в религиозной, этической, институциональной и прочих сферах. Поскольку первый подход является по существу стадияльно-эволюционистским, мы остановимся только на втором. Его сторонники акцентируют внимание на пространственном измерении истории.

В рамках данного подхода развитие трактуется с позиций множественности, плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению. Данный подход нашел выражение в теории локальных цивилизаций, обращающейся преимущественно к формам динамики отдельных цивилизаций или культур¹⁵. В основе данной парадигмы лежит идея социального плюрализма, своеобразия цивилизационных вариантов развития, в значительной степени изолированных друг от друга и живущих в соответствии с имманентными ритмами, не сводимыми к общемировым стандартным законам и механизмам.

Сторонники данного подхода настаивают на структурной и содержательной уникальности больших пространственно-временных исторических массивов, на неразменности их внутреннего опыта. Созданные сторонниками классической цивилизационной парадигмы конструкции являлись по существу циклическими теориями исторического круговорота, согласно которым общества и их подсистемы двигались по замкнутому кругу, регулярно возвращаясь вспять, к исходному состоянию¹⁶.

Таким образом, представители классического цивилизационного подхода признавали в качестве ведущего, определяющего скорее пространственное измерение. Именно показатель пространство позволял им выявлять основополагающие признаки дифференциации, идентифицировать изучаемые объекты – цивилизации. Сам процесс социальной динамики в цивилизационных штудиях в значительной степени приобретал пространственный облик зарождения цивилизаций в определенном месте, их территориального роста, поглощения

соседних цивилизаций, в конце концов, – эрозии и распада, трансформации цивилизационного пространства в пространство географическое и т.д. Цивилизации в определенном смысле рассматривались как стратегии выживания, самоорганизации человеческого времени-пространства. Сторонники цивилизационного подхода в большинстве своем разделяли убеждение о воздействии исходных пространственных и экологических условий на облик и динамику цивилизаций. Показатель – время – в цивилизационных исследованиях, напротив, играл вспомогательную роль, поскольку фундаментальные базовые структуры и ценности, выступавшие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживали завидную, «вневременную» устойчивость.

«Главный смысл цивилизационного подхода, – как справедливо отмечает В.Ф. Шаповалов, – состоит в решении задачи обнаружения и описания устойчивых структур длительного действия. Само понятие локальной цивилизации предполагает наличие таких структур»¹⁷. Далее автор называет те «глубинные основы современной российской цивилизации», которые мало изменились «в результате революций 1917 года, перестройки 1985 года, послеперестроечных событий»: это глубинные ментальные установки массового сознания, народный характер; основные черты взаимоотношения народа и власти; образ России в глазах Запада и всего мирового сообщества; образ труда и хозяйственной деятельности; представления массового сознания о жизни и смерти, о любви, о человеческом предназначении; природно-климатические условия¹⁸.

Россия – страна своеобразная. Потому не стихают споры об исторических судьбах и ее цивилизационной специфике. Ответы на последний вопрос можно свести к следующим позициям: 1) Россия – часть (филиал) западной цивилизации; 2) Россия – восточная цивилизация; 3) Россия – не самостоятельная цивилизация, а своеобразный ансамбль цивилизаций и этнокультурных анклавов, неоднородное, сегментарное общество (неоцивилизация); 4) Россия – своего рода мост, «фильтр» между Западом и Востоком, синтез восточной и западной цивилизации; 5) Россия – Евразия, уникальная цивилизация, отличная от Европы и Азии, от Запада и Востока¹⁹.

Не вдаваясь в детали данной весьма острой дискуссии, отметим, что целый ряд фактов (наличие определенной целостности, мощной способности к регенерации после «смут» и расколов, тенденции к цивилизационной экспансии), все же свидетельствует в пользу признания цивилизационной самостоятельности и социокультурной целостности России (при одновременной ее «цивилизационной неопределенности», по выражению Е.Б. Рашковского²⁰). Специфика последней, как нам кажется, может быть адекватно описана при помо-

щи концепта «пограничной» цивилизации (считается, что подобная цивилизация характеризуется относительной молодостью, социокультурной гетерогенностью, симбиотичностью, наличием двух или нескольких культурно-ценностных «ядер», возможно, антиномичностью и социокультурными дивергенциями), который успешно разрабатывается Я.Г. Шемякиным на материале латиноамериканской цивилизации²¹.

Что касается минусов данного подхода, то они заключаются в недостаточной чувствительности теории к динамическим компонентам, к эстафетности истории. Ориентированный на изучение масштабных, но изолированных фрагментов прошлого цивилизационный подход вынужден прибегать к дополнительным построениям, когда возникает потребность в объяснении универсальных процессов, пронизывающих цивилизационные ареалы.

Мироцелостный подход

В рамках следующего подхода единство и множественность развития обеспечиваются за счет интерпретации процессов развития как взаимодействий социальных пространств. Единство развития в этих схемах таким образом обеспечивается скорее за счет пространственных измерений. Территории рассматриваются в этих схемах во взаимодействии, создающем целостность истории. Взаимодействующие пространства подвергают друг друга трансформациям. При этом воздействия территорий, обладающих более мощным потенциалом, оказываются более существенными. В рамках данного подхода единство развития оказывается своеобразным, поскольку применительно к взаимодействующим территориям действуют разнонаправленные механизмы. Нередко сторонники данного подхода фиксируют обратную зависимость между динамиками развития взаимодействующих пространств. Тенденции восходящего развития в одних регионах вызывают тенденции нисходящего развития в других. Данный подход получил отражение в теориях зависимости и в миросистемном анализе (в работах М.А. Чешкова в качестве оригинального теоретико-методологического подхода обосновывается мироцелостность или мироведение)²².

Сторонники теорий зависимости акцентируют внимание на особенностях развития стран «третьего мира», испытывающих деформирующее воздействие со стороны индустриально развитых стран. В рамках миросистемного анализа взаимодействующие регионы помещаются в контекст мировой капиталистической системы, которая формируется примерно с XVI в. И. Валлерстайн систематизировал описание мировой капиталистической системы, сведя его к следующим положениям: непрерывное накопление капитала, как

движущая сила мироэкономики; осевое разделение труда, где отношение ядро–периферия основывается на формах неэквивалентного обмена, имеющего пространственный характер; существование полупериферийной зоны; сохраняющееся значение ненаемного труда наряду с наемным; совпадение границ капиталистической «мировой экономики с границами межгосударственной системы, состоящей из суверенных государств; существование в миросистеме государств-гегемонов, сменяющих друг друга со временем; циклические ритмы и вековые тренды, в которых воплощается историческая динамика миросистем. Смысл данного подхода заключается в том, что невозможно анализировать жизнь одной нации в изоляции от остального мира, поскольку «внутренние» экономические процессы всякого общества в значительной степени определяются его местом в рамках мировой системы.

Сторонники указанных теорий, в отличие от представителей эволюционного подхода, акцентируют внимание не на внутренних, а на внешних (экзогенных) факторах изменений, отдавая приоритет не национальному, а надстрановым и глобальным характеристикам экономической организации современного капитализма. Особенности развития национальных систем, по их мнению, в значительной степени обуславливаются внешним окружением соответствующих стран и позиционированием последних в мировом иерархически организованном пространстве. Открытием представителей теорий зависимости и миросистемного подхода стала возможность «параллельного» (весьма специфического, не укладывавшегося в рамки линейного стадийного прогресса модернизационного типа) развития или «неразвития» для стран мировой «периферии» (или «полупериферии»). В качестве хрестоматийного примера системной зависимости можно назвать возникновение крепостничества в Центральной и Восточной Европе и плантационного рабства в Америке, вызванное синхронным развитием капитализма в ядре мировой системы – в Западной Европе.

«Депендентистский» подход, в частности, оказал воздействие на работы известного британского социолога и историка Т. Шанина. Сам автор противопоставляет свою позицию двум фундаментальным противостоящим друг другу путям понимания развития России, сложившимся в рамках научной историографии XIX в., – «западническому», «прогрессистскому», согласно которому Россия – это отсталый эшелон, догоняющий передовые европейские страны, и «славянофильскому», согласно которому Россия – уникальная и совершенно самобытная страна. По мнению Т. Шанина, подоплекой радикально новой картины России стала ее характеристика как важнейшего феномена, который только в 1950–1960 гг. отчетливо определился и был назван «третьим миром» (или более мягко «развиваю-

щимися странами»). Шанин выступает против преувеличения особенностей развития России. Эти особенности, по его мнению, кажутся столь резкими лишь вследствие заикленности равнения на Западную Европу и США. Вопреки отдельным успехам, полагает Т. Шанин, Россия как была, так и оставалась страной «третьего мира»²³.

К существенным сквозным характеристикам истории России XX в. как «третьемировой» страны, по мнению Т. Шанина, следует отнести: 1) технологическое отставание, при котором успехи имеют сегментарный характер; 2) хронический, резкий разлад элементов общественной системы как между разными ее составляющими, так и в каждой из них; 3) слабые в своей мобилизационной активности, самоорганизации и политическом выражении социальные классы; 4) увеличивающийся отрыв элит от массы населения; 5) как следствие фактического наличия двух социальных миров на территории одной страны – разросшиеся и агрессивные системы цензуры, подавления и политического контроля, коррупция кадрового состава; 6) государственный капитализм как решающее звено социально-экономической жизни, где не существует четкого разделения сфер государственной власти, экономики и собственности, юрисдикции, полицейского надзора; 7) особенности внутренней динамики, характерные для расцвета «государственных экономик»: а) «авральщина», «недострой», «халатность» и пр.; б) экономическое развитие, которое проходит рывками и связано с крайне неэффективным употреблением человеческих и технических ресурсов и с динамикой затухания (пульсирующая активность в решении экономических задач); в) расцвет незаконных систем экономического взаимодействия, в которых переплетаются взяточничество, возведенное в систему, неформальная экономика и т.д. (развитая теневая экономика, коррупция государственного аппарата); 8) зависимость от экономически более мощных систем и в то же время идеология ограничения этой зависимости (советский период прошел под знаменами борьбы за экономическую независимость и мировое превосходство, но в реальности, как считает Т. Шанин, создал глубокую зависимость СССР от экспорта сырья – даже для того, чтобы накормить собственное население; в этом, по мнению Шанина, проявляется классическая модель «зависимого» развития «третьемировой» страны, несмотря на спутники, ракеты и лучший в мире балет; 9) масштабность семейной экономики и значимость сетей межсемейного внерыночного обмена в стратегиях выживания населения.

Приверженцем «миросистемного анализа» выступил Б. Кагарлицкий в книге «Периферийная империя. Россия и миросистема»²⁴. Автор доказывает исконную вовлеченность России в европейский контекст. В рамках данной схемы особенности российской истории

объясняются воздействиями мировой экономической конъюнктуры, культурными заимствованиями с Запада.

К проблемам данного подхода следует отнести снижение чувствительности по отношению к внутренним факторам развития различного порядка и масштаба, преувеличение зависимости страны от внешнего контекста (особенно для некоторых периодов) и преуменьшение значимости достижений, в частности, в сфере военных технологий, тяжелой промышленности, науки, образования; недооценку существенных отличий в развитии по сравнению с многими развивающимися странами (в случае позиционирования России как «третьемировой» страны).

Итак, мы указали лишь три теоретико-методологические перспективы, оказавшие и оказывающие влияние на интерпретацию исторического пути России. Естественно, мы не могли проанализировать все теоретические и методологические направления; вне орбиты исследования остались, в частности, синергетический подход, популярные в современной науке историко-антропологические направления. Наше внимание было обращено, в первую очередь, на так называемые «большие теории», которые, как нам представляется, еще длительное время сохраняют значение рамочных теоретических контекстов²⁵. Разнообразие подходов, концепций, оценок истории России, как нам кажется, отражает не только динамику собственно теоретических направлений, но и сложность и противоречивость самой исторической реальности. Систематизация доводов в пользу различных точек зрения делает оправданным уважительное отношение к их сторонникам. Лишь обращаясь к историческому материалу с разных теоретических позиций, с разных точек зрения, можно расширять и углублять наши знания о предмете изучения. Углубление и расширение научных знаний о прошлом неизбежно будет связано с совершенствованием разнообразных теоретико-методологических подходов. Нельзя отрицать значимости и кросс-теоретического синтеза, взаимообогащения конкурирующих теоретических парадигм за счет заимствований и разработки симбиотических теоретических конструкций (в этом плане несомненный интерес представляют попытки синтеза эволюционно-прогрессистских и цивилизационных подходов²⁶). При этом тема обоснования системы координат социального развития, балансируемого учета его временных и пространственных измерений нуждается в дальнейшей теоретической разработке. Данная проблема не сводится только к теоретическому поиску оптимального соотношения внутренних и внешних факторов; существует необходимость теоретического обоснования механизмов, обеспечивающих взаимодействие между указанными факторами.

Примечания

¹ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 433–457; Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 135–185, 202–228; Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 6–23; Уайт Л.А. Концепция эволюции в культурной антропологии // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1: Интерпретации культуры. С. 536–558; Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003; Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 29–36.

² См.: Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; Idem. Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971; Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N.Y.; L., 1965; Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966; Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975; Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. При описании линейной модели модернизации мы опирались на исследование С. Хантингтона, охарактеризовавшего данную модель девятью признаками (Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader / Ed. by C.E. Black. N.Y.; L., 1976. P. 30–31).

³ Rustow D.A. A World of Nations. Washington, 1967. P. 36.

⁴ Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. С. 10–49; Алексеев В.В., Побережников И.В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5–6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. С. 8–49; Они же. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Сб. науч. статей. Екатеринбург, 1998. С. 8–32; Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 159–164.

⁵ См.: Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 1995; также см.: Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // СОЦИС. 1998. № 8. С. 16–17; Штомпка П. Социология социальных изменений; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998; Ингледарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 267–268.

⁶ См.: Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белосусов А.Р. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994;

Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40–56.

⁷ Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. С. 70–74.

⁸ Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. University of Helsinki, 1997. P. 12–13.

⁹ Ibid. P. 14.

¹⁰ Ibid. P. 15.

¹¹ См.: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.

¹² Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М., 1994.

¹³ Например, см.: Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168.

¹⁴ См.: Волков Л.Б. Теория модернизации – пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие (Обзор англо-американской литературы) // Критический анализ буржуазных теорий модернизации. Сборник обзоров. М., 1985. С. 72–74. Модель парциальной модернизации продолжает разрабатываться в современной отечественной литературе. Так, развивая данный подход, А.Д. Богатуров и А.В. Виноградов предложили выделить анклавно-конгломеративный тип развития. Авторы считают результатом подобного развития конгломератные общества, которые характеризуются длительным сосуществованием и устойчивым воспроизводством пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений; данные пласты образуют внутри общества анклавы, эффективность организованности которых дает возможность анклавам выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата (Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // ПОЛИС. 1999. № 4. С. 60–69; Они же. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток–Запад–Россия. Сб. ст. М., 2002. С. 109–128).

¹⁵ См.: Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002; Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 2001; Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 186–201; Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 306–368, 397–423; Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа) // Восток–Запад–Россия. С. 36–66.

¹⁶ Необходимо, правда, признать, что в современных вариантах цивилизационного подхода были предприняты шаги в сторону его историзации, отказа от фатализма классических версий, признания сложной динамики цивилизаций, несводимой к элементарному крутовороту, признания огромной устойчивости цивилизаций во времени, способных многократно усиливаться, ослабляться, иногда стагнировать, выживать и возрождаться в своих компонентах.

¹⁷ Шаповалов В.Ф. Россия как цивилизация // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002. С. 135.

¹⁸ Там же. С. 136.

¹⁹ См.: Семенникова Л.И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1. С. 28–45; Ионов И.Н. Российская цивилизация и ее парадоксы // Там же. С. 139–150; Он же. Парадоксы российской цивилизации (По следам одной научной дискуссии) // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 115–116; Стрелецкий В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России // Географические процессы и проблемы. М., 2001. С. 10–11.

²⁰ См.: Рашковский Е. Целостность и многоединство российской цивилизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 64, 67.

²¹ См.: Шемякин Я.Г. Типы межцивилизационного взаимодействия в «пограничных» цивилизациях: Россия и Ибероамерика в сравнительно-исторической перспективе // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1. С. 191–221; Он же. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 96–114; Он же. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001. С. 192–344; Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Специфика формообразования в российско-евразийской цивилизации // Цивилизации. М., 1992. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. С. 32–64; Земсков В.Б. Латинская Америка и Россия (Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях) // Там же. 2000. № 5. С. 96–103.

²² См.: Баран П. К экономической теории общественного развития. М., 1960; Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002; Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Он же. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003; Завалько Г.А. Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 140–151; Чешков М.А. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия: Новые конфигурации мирового пространства (В поисках глобального и теоретического синтеза). М., 1994.

²³ См.: Отношение к прошлому – ключ к будущему (Теодор Шанин. История России XX в. с позиций сквозной «третьемирности») // Отечественная история. 1999. № 6. С. 86–88; Шанин Т. Революция как момент истины: 1905–1907 → 1917–1922. М., 1997; Он же. Умом Россию понимать надо. Тезис о трехединстве России // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999; Shanin T. Russia as a «Developing Society». New Haven, 1985. Сравнение России со странами «третьего мира» в последнее время становится очень популярным в отечественной литературе. При этом отнесение России к «третьему миру» рассматривается нередко как результат ее деградации в последнее десятилетие, то есть проводится идея не генетической, а привнесенной в ходе неудачной реформы 1990-х годов «третьемирности» России. См.: Барсукова С.Ю. Принадлежит ли Россия к третьему миру? // ПОЛИС. 2000. № 4. С. 60–71.

²⁴ Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2003.

²⁵ См.: Побережников И.В. Социальное изменение в теоретических проекциях // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2001. № 7: Историческая наука на рубеже тысячелетий: итоги и перспективы. С. 57–92; Он же. Социальное изменение в теоретических проекциях // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 30. Материалы VIII конференции АИК. Июнь 2002 г. М., 2002. С. 10–11.

²⁶ См.: Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997; Сахаров А.Н. История России – органическая часть истории человечества // История человечества. М., 2003. Т. 8: Россия. С. 1–5.

4. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Процессы развития имеют не только временное, но и пространственное измерение; они приобретают удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития на момент начала ускоренного роста, специфики национального менталитета и т.д.

Пространственные аспекты затрагивались представителями модернизационной парадигмы преимущественно в рамках применения сравнительно-исторического подхода. Исследователи, прибегавшие к данному подходу, обычно рассматривают в компаративном плане эволюцию двух или более обществ (обыкновенно стран), выделяя общие и особенные черты модернизации. Сравнительно-исторический подход был реализован в творчестве таких представителей школы модернизации, как С. Блэк, С. Эйзенштадт, Д. Растоу, С.М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс, Г. Терборн и др. Внимание исследователей при этом фокусировалось на таких переменных, изучение которых вызывает большие затруднения в рамках социально-

процессуального подхода: это институты, культура, лидерство. Сравнительный подход направлен на выявление: 1) общих стадий или фаз, через которые должны проходить все общества; 2) особых путей, которыми могут двигаться общества; 3) комбинаций подобных «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций.

Проблема различия путей развития широко обсуждалась в литературе 1990-х годов. Так, шведский исследователь Геран Терборн пишет о четырех «дверях» или «путях в / через модернизацию»: 1) путь эндогенной модернизации в Западной Европе; 2) путь, который прошли новые общества Северной и Южной Америк и Австралии, которые сами возникли в результате трансконтинентальной миграции; 3) путь через колонизацию традиционных обществ европейцами, через навязанную колониализмом открытость (страны «колонизальной зоны» — от северо-западной Африки до Папуа-Новой Гвинеи); 4) модернизация, навязанная извне, под влиянием западной цивилизации (Япония, Россия, Ближний Восток, Турция, Китай)¹. Типологизируя трансформирующиеся общества послевоенного периода, Вольфганг Цапф выделяет следующие кластеры преобразований: 1) переход к демократии и рынку в Западной Германии, Японии и Италии после 1945 г. под надзором и при материальной поддержке держав-победителей; 2) «договорный переход» от авторитаризма к демократии в Испании, Португалии, Греции после 1974 г.; 3) в известном плане также «договорные переходы» в странах Латинской Америки; 4) самостоятельное развитие «в рамках мировой системы капитализма» (Ю.Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия); 5) перевод социалистической системы в действующую демократию и рыночную экономику на примере Восточной Германии (1990-е годы); 6) трансформация стран Восточной Европы в 1990-е годы; 7) «социалистическая рыночная экономика» КНР — альтернатива переходу к демократии и рыночной экономике; 8) страны исламского фундаментализма — также альтернативный вариант переходу к демократии и рыночной экономике².

Представляют интерес бинарные сравнительные исследования, в рамках которых сопоставляются две страны (например, сопоставление России и Японии в исследовании под руководством С. Блэка, США и Японии — в работе С.М. Липсета, США и СССР — в исследовании П. Бергера). Подобный подход позволяет выявлять общие и специфические характеристики модернизации в истории конкретных регионов (обыкновенно — стран)³.

Следующее направление, имеющее отношение к пространственным аспектам модернизации, — так называемые ситуационные исследования (case study; в качестве объекта изучения берется конкретный регион, обычно страна), которые получили распростране-

ние в последнее время⁴. Использование данного подхода связано с отказом от практики, которая была характерна для классической модернизационной теории, когда пространственно-исторические реалии использовались преимущественно для иллюстрации развертывания процесса модернизации (и одновременно для подтверждения теории модернизации). Сторонники ситуационных исследований используют теорию модернизации для объяснения уникальных конкретных (региональных) аспектов развития.

В целом можно отметить, что пространственные аспекты в некоторой степени были включены в орбиту внимания представителей модернизационной парадигмы. Перспективна разработка проблемы дифференциации и различия путей развития. Достигнуты успехи в выявлении пространственных особенностей процесса модернизации. Но полученные результаты относятся преимущественно к разработке страновых вариантов модернизации (скорее даже особенностей отдельных аспектов модернизации применительно к конкретным странам). Субстранный уровень пространственной динамики в рамках модернизационных исследований освещен весьма слабо.

Теории зависимости и слаборазвитости (А.Г. Франк, Т.Д. Сантос, Ф.Э. Кардозо, Э. Фалетто, Р. Пребиш, С. Амин и др.), а также миросистемный анализ (И. Валлерстайн) внесли существенный и оригинальный вклад в разработку проблематики развития. Сторонники указанных теорий, в отличие от представителей модернизационного анализа, акцентировали внимание не на внутренних, а на внешних (экзогенных) факторах изменений, отдавая приоритет не национальным, а глобальным характеристикам экономической организации современного капитализма. Особенности развития национальных систем, по их мнению, в значительной степени обусловливались внешним окружением соответствующих стран и позиционированием последних в мировом иерархически организованном пространстве. Открытием представителей теорий зависимости и миросистемного подхода стала возможность «параллельного» (весьма специфического, не укладывавшегося в рамки линейного стадийного прогресса модернизационного типа) развития или «неразвития» для стран мировой «периферии» или «полупериферии». В рамках указанных теоретических перспектив пространственные аспекты занимали гораздо большее место по сравнению с теориями модернизации — но в масштабах «мировой системы капитализма», а не отдельных страновых моделей развития. Тем не менее, наблюдения сторонников теорий зависимости и миросистемного анализа относительно международного территориального разделения труда и взаимодействия между индустриально развитыми странами ядра и развивающимися странами периферии, территориально разделенными, представляют для нас несомненный методологический интерес⁵.

Представители различных теоретических направлений внесли существенный вклад в проблематику развития. Теоретические проекции (теории модернизации, теории зависимости, миросистемный анализ) акцентировали внимание на различных аспектах социальной динамики. Если для представителей теорий модернизации более значимыми казались внутренние переменные, то для сторонников теорий зависимости, слаборазвитости, миросистемного анализа в качестве таковых выступали внешние, экзогенные параметры, в частности, мировой порядок, внешнее доминирование. По большому счету наблюдения, которые осуществлялись в рамках различных теоретических перспектив, как бы взаимно дополняли друг друга. Сами теоретические перспективы в процессе эволюции подвергались определенной корректировке, в том числе за счет заимствований у своих оппонентов – есть основания оценивать данный процесс как конвергентный несмотря на то, что рассмотренные теоретические перспективы сумели сохранить собственные «лица». Использование различных теоретических подходов при изучении исторического процесса, как нам представляется, демонстрирует неполноту односторонних подходов и полезность смены аналитических ракурсов в процессе исторического исследования. Если применение модернизационной парадигмы подтверждает важность внутренних движущих сил индустриализации, то использование других перспектив (зависимости и миросистемного анализа) убеждает в необходимости учитывать и экзогенные факторы, без чего создаваемая исследователем картина не будет выглядеть убедительно и адекватно. При этом были достигнуты определенные успехи в характеристике пространственных особенностей процессов развития, но преимущественно в рамках мировой системы и страновых моделей.

Важным теоретико-методологическим значением для нашего исследования обладают разработки, осуществленные в рамках регионального анализа. Й.Г. фон Тюненом в понятийно-терминологический аппарат теории географии были введены представления об экономическом пространстве, его свойствах, факторах размещения, предложена модель пространственного распределения специализации и ведения аграрного хозяйства в зависимости от расстояния от рынка сбыта сельскохозяйственной продукции (города). Процессы концентрации и деконцентрации в размещении деятельности подверглись углубленной теоретической разработке в исследованиях А. Вебера, В. Кристаллера, А. Леша, У. Изарда. Особый интерес представляет теория пространственной диффузии нововведений (Т. Хэгерstrand), интегрировавшая в научный язык концепты центров нововведений, информационного поля, эффектов соседства и барьеров. Заслуживают внимания представления о лидирующих отраслях (предприятиях, конкретных территориях) как источниках инноваций и развития

(теории полюсов роста – Ф. Перру, Ж.-Р. Будвиль, Дж. Фридман, П. Потье). Существенно продвинулась разработка проблемы динамики взаимоотношений «центральных» и «периферийных» районов (О. Грицай, Г. Иоффе, А. Трейвиш). Представляют интерес попытки установить зависимость между сдвигами в размещении промышленности, в частности, миграциями центральных и периферийных мест по территории, и циклическим характером функционирования экономики (например, С. Артоболевский, Г. Иоффе, А. Трейвиш – авторы использовали в качестве базовой теорию «длинных волн» Н.Д. Кондратьева)⁶.

Проблему реконструкции динамики региональной структуры, которая результируется в распределении (и в перераспределении) региональных ролей в геополитической, политико-экономической, социокультурной и прочих сферах, позволяет решать матрица сочетания общих и региональных тенденций развития, предложенная А.И. Трейвишем⁷, которая имеет следующий вид:

Динамика региональных (локальных) различий	Общая (национальная, глобальная) динамика	
	<i>Прогресс</i> (развитие, рост, улучшение)	<i>Регресс</i> (депрессия, спад, ухудшение)
<i>Конвергенция</i> (сближение, выравнивание)	Прогрессивная конвергенция (сближающий рост, выравнивание вверх)	Регрессивная конвергенция (сближающая депрессия, выравнивание вниз и т. п.)
<i>Дивергенция</i> (расхождение, расслоение)	Прогрессивная дивергенция (неравномерный рост, расслоение на сильных и слабых)	Регрессивная дивергенция (неравномерный спад, расслоение на слабеющих и слабых)

Использование данной матрицы для улавливания взаимосвязей между общей динамикой (страновой) развития (модернизации) и динамикой региональной структуры представляется перспективным, потому что данный подход не ограничивает рассмотрение модернизации только в качестве заданного поступательного роста (напротив, предусматривает возможность циклической динамики), а также предусматривает вариативность «поведения» территориальных единиц

в контексте модернизации. Наконец, положительным моментом является сама возможность на основе данного подхода устанавливать взаимосвязи между общей (социетальной) динамикой модернизации и динамикой пространственного развития.

Разработка парадигм и концепций региона также имеет существенное методологическое значение для нашего исследования. В европейской аналитике нередко регион интерпретируется как «территория, представляющая собой общность с географической точки зрения или такая территориальная общность, где есть преемственность и чье население разделяет определенные общие ценности и стремится сохранить, развивать свою самобытность в целях стимулирования культурного, экономического и социального прогресса»⁸. В данном определении присутствуют как естественно-историческая (обусловленная наличием «территории», «географии»), так и проективная компонента, имеющая субъективную природу, пропускаемая сквозь «фильтры ментальности» и реализуемая через деятельность людей, их поведение. Интеграция субъективной компоненты в концепт «региона» представляется нам актуальной и методологически корректной. В более общем методологическом контексте это обуславливается дуализмом исторического процесса, который осуществляется как структурирование социальных отношений во времени и пространстве в результате постоянного взаимодействия предшествующей структуры и индивидуальной воли (деятельности). Структура оказывает воздействие на человеческую деятельность и индивидуальную волю, а последняя, эксплуатируя непоследовательности и противоречия существующих структур, обладает способностью изменять саму структуру. Унаследованная от прошлого структура является рамочным условием деятельности и одновременно ее результатом. На деятельностной составляющей акцентирует внимание при определении концепта «регион» П.Г. Щедровицкий⁹, по мнению которого «регионом» является единица соорганизации и связи процессов развития и процессов воспроизводства, в которой процессы исторического развития деятельности должны «замкнуться» на стабильных структурах воспроизводства человеческой жизнедеятельности, культурных форм, природных и трудовых ресурсов, материала жизнедеятельности и производства и т.д.; становление целостных механизмов и структур воспроизводства в условиях развития порождает «регионы» различного уровня сложности, которые могут локализоваться на тех или иных участках территории, прикрешаться к ним и «паразитировать» на определенных массивах природного окружения и территориальных ареалах.

Исследование различных теоретических подходов позволяет указать на их сильные и слабые места, а также выявить те предметные области, при изучении которых возможно их конвергентное ис-

пользование. В частности, к таким областям, как нам представляется, можно отнести пространственные измерения процессов развития. Сравнительное изучение теорий развития дает также возможность провести работу по их теоретическому «усилению», с учетом идентификации слабых мест, обнаруживаемых конкурирующими перспективами.

На основе углубленного изучения теоретических обсуждений проблем перехода от традиционности к современности, а также обобщения опыта исследования данной проблематики современными учеными можно сформулировать модель модернизационного анализа, которая может быть определена как пространственно-ориентированная. Кратко существо данной модели сводится к следующим тезисам:

1. Признание вариативного, неоднозначного характера взаимодействия традиции и модернизации (традиция как позитивный стимулятор процесса модернизации и как препятствие на пути модернизации; ослабление влияния традиции в процессе модернизации или ее усиление). Признание возможной конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода, придание ей статуса возможного дополнительного фактора развития. Традиция как фактор, обуславливающий своеобразие различных общественных систем, сохраняющий это значение при продвижении к современности. Признание значительного адаптивного потенциала традиции как на уровне большой традиции (центра), так и на уровне малой традиции (периферии), способных трансформироваться по мере приспособления к изменяющимся условиям. Признание жизнеспособности (наличие своей внутренней логики, способности к реорганизации и непрерывности) так называемых переходных систем, сочетающих элементы традиции и современности. Необходимость дифференцированного подхода к системе традиций, обладающих способностью вариативно реагировать на вызовы современности.

2. Признание диффузии (распространение инноваций, в том числе их импорт в данное общество извне) в качестве значимого фактора модернизации, предпосылки ускорения социального прогресса; сложный характер процесса диффузии, включающий адаптацию к новым условиям, сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и средой, где они должны укорениться; вариативность последствий диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий.

3. Акцентирование внимания на роли социальных акторов (коллективов и индивидов); всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вме-

шательства. Индивиды и социальные коллективы должны рассматриваться в качестве конечных двигателей изменений; направление, цели и темпы изменений как результирующая конкуренции между различными деятелями (актерами), как область конфликтов и противоборства. Изменение в контексте данных структур, которые оно, в свою очередь, трансформирует, вследствие чего структуры выступают в качестве и условия, и результата; взаимодействие между деятельностью и структурами как смена фаз творчества деятелей и структурной детерминации.

4. Ограничение комплексности как измерения процесса модернизации исторически конкретными рамками; признание длительной возможности некомплексного развертывания модернизационного процесса как в социальном, так и в пространственном плане.

5. Признание значимости природно-географических условий (размеры страны, природные ресурсы, степень однородности географического пространства, геополитическое и геоэкономическое положение, природа институционализированного взаимодействия между центром и периферией; пространственные условия диффузии новаций) как факторов модернизации. Процесс модернизации развивается в пространственно определенных условиях, которые обуславливают его возможности и ограничения, навязывают ему определенную пространственную форму (организацию). Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее созидающие, несут отпечаток не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация и т.д.), но и места его протекания. Без исследования комплекса проблем, связанных с пространственной организацией и географическими детерминантами, невозможно адекватно и полно объяснять процессы модернизации, выявлять присущие ему общие и особенные черты.

6. Признание возможности вариативного (конвергенция и дивергенция; восходящая и нисходящая) поведения территориальных единиц (регионов и субрегионов) в процессе модернизации; установление взаимосвязей между общей динамикой (страновой) развития (модернизации) и динамикой региональной структуры.

7. Признание регионализации (пространственной специализации региона на определенных видах социальной деятельности) в качестве существенного аспекта модернизации. Использование для изучения данного феномена концепта структурно-функциональной дифференциации. Регионо-ориентированный подход (мезоуровневый масштаб) как возможность выхода за границы макро-микроаналитической проблематики, для которой характерно стремление, с одной стороны, объяснять конкретные социальные результаты в терминах широкой структуралистской логики, а с другой сто-

роны, интерпретировать масштабные социальные процессы путем простого агрегирования микролокальных событий.

Данная модель, в отличие от подходов, применявшихся в рамках прежних модернизационных исследований, отличается большей гибкостью и эластичностью по отношению к изучаемой реальности, временным и пространственным ее измерениям; она более продуктивна при изучении субстрановой (региональной, субрегиональной) динамики модернизации, поскольку не требует рассматривать общество как однородное единое целое (монолит), функционирующее по одним и тем же механизмам в любой точке своего пространства и временной протяженности. Напротив, она позволяет рассматривать общество как реальное, живое, неоднородное, вариативно (в том числе и в пространственном плане) реагирующее на вызовы модернизации.

Примечания

¹ Therborn G. *European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945–2000*. L.; New Delhi: Sage Publications, 1995. P. 5–7.

² Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // СОЦИС. 1998. № 8. С. 16–17.

³ См.: The Modernization of Japan and Russia. A comparative study. N.Y.; L., 1975; Lipset S.M. *Binary Comparisons. American Exceptionalism – Japanese Uniqueness // Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance* / Ed. by M. Dogan and A. Kazancigil. Oxford; Cambridge, 1994. P. 153–212; Бергер П. Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994.

⁴ Например, см.: Kazancigil A. *The Deviant Case in Comparative Analysis. High Stateness in a Muslim Society: The Case of Turkey // Comparing Nations...* P. 213–238; Цапф В., Хабих Р., Бульман Т., Деллей Я. Германия: трансформация через объединение // СОЦИС. 2002. № 5. С. 19–37; Шпедер Ж., Элекеш Ж., Гарча И., Роберт П. Очерк трансформации в Венгрии // Там же. С. 37–59; Wong Siu-Lun. *The Applicability of the Asian Family Values to Other Sociocultural Settings // Berger P.L. and Hsiao Hsin-Huang M. (eds.). In Search of an East Asian Development Model*. New Brunswick, NJ: Transaction, 1988. P. 134–154; также см.: So A.Y. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories*. Newbury Park, 1990. P. 63–65.

⁵ Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002; Santos T. *Dos. The Crisis of Development Theory and the Problem of Dependence in Latin America // Siglo*. Vol. 21; Пребиш П. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992; Lira M. *Prebisch's Long March to-*

wards the Criticism of «Peripheral Capitalism» and its Transformation. A Comment // Regional Dynamics of socioeconomic change. Warszawa, 1988. P. 21–42; Wallerstein I. World-System Analysis // Social Theory Today / Ed. by A. Giddens and J.H. Turner. Stanford: Stanford University Press, 1987. P. 322–323; Idem. Underdevelopment Phase-B: Effect of the Seventeenth-Century Stagnation on Core and Periphery of the European World-Economy // The World-System of Capitalism: Past and Present / Ed. by W.L. Goldfrank. Beverly Hills, CA: Sage, 1979. P. 73–84; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

⁶ См.: Кузнецова О. Теоретические основы государственного регулирования экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2002. № 4; Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М., 2001; Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991; Хаггетт П. Пространственный анализ в экономической географии. М., 1968; Он же. География: синтез современных знаний. М., 1979; Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. М., 1988; Тюнен И.-Г. Изолированное государство. М., 1926; Вебер А. Теория размещения промышленности. М.; Л., 1926; Леш А. Географическое размещение хозяйства. М., 1959; Изард У. Методы регионального анализа; введение в науку о регионах. М., 1966; Модели в географии. М., 1971; Production, Work, Territory. The geographical anatomy of industrial capitalism / Ed. by A.J. Scott and M. Storper. Boston, 1988; Regional Dynamics of Socio-economic Change. Warszawa, 1988; и др.

⁷ См.: Трейвиш А.И. Региональное развитие и регионализация России: специфика, дилеммы и циклы // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы М., 2001. С. 55.

⁸ Цит. по: Аванесова Г.А. Региональное развитие в условиях модернизации (на материалах стран Запада и Востока) // Восток. 1999. № 2. С. 42.

⁹ Щедровицкий П. Дневник консультанта // Кентавр. 1997. № 17. С. 30.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вера в прогресс и универсальные законы, регулирующие развитие разнообразных обществ, способствовала становлению в середине XX в. теории (теорий) модернизации, которая внесла существенный вклад в освоение проблематики развития. Именно проблемы развития, перехода от традиционности к современности оказались в исследовательском фокусе представителей школы модернизации, которые проводили анализ преимущественно на страновом уровне, оперировали такими переменными, как культурные ценности и социальные институты, и использовали в качестве ключевых концептов понятия *традиция* и *современность*.

Модернизационная парадигма «классического периода» (1950–1960 гг.), сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма, наделяла процесс модернизации рядом характеристик, которые признавались большинством ее сторонников: это революционный по масштабам изменений процесс, имеющий комплексный и системный характер; это процесс глобальный, длительный, протяженный, стадийный, необратимый и прогрессивный.

Впоследствии модернизационная парадигма была в значительной степени пересмотрена и усовершенствована. Модернизационная перспектива – пример теории, которая развивалась в постоянном взаимодействии с реальными процессами развития, вносящими коррективы в ее содержание. Пересматривались как методология исследования, так и теоретические основы данного научного направления. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схемами; 2) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 3) инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; 4) признание циклической природы процесса модернизации; 5) акцент на тяжелый, мучительный, болезненный характер модернизационных преобразований; 6) признание мультилинейности, множественности путей развития и модернизации; 7) отказ от трактовки модернизации как непрерывного и бесконечного процесса; признание обусловленности модернизации «внешними» и «внутренними» ограничителями

(как пишет С. Дьюб, «человеческие представления могут менять и меняют результаты и ход модернизации и развития»)¹.

Модернизационная парадигма продолжает развиваться, совершая при этом экспансию в новые для нее области теоретизирования и абсорбируя (и адаптируя) новые теоретико-методологические подходы. Классическая и современные версии модернизационного анализа существенно разнятся. Модификация теоретических основ модернизационного подхода способствовала превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности. В определенной степени модернизационная перспектива выживала за счет принесения в жертву фундаментальных посылок – в первую очередь, эволюционистских и функционалистских, входивших в состав ее теоретического ядра. Ориентированный первоначально преимущественно на анализ макросоциальных структур, модернизационный подход со временем стал применяться и при изучении микросоциальных процессов, деятельностных практик. Тем не менее, несмотря на то что представителями модернизационных теорий достигнуты некоторые успехи в освоении деятельностного подхода, данное направление по-прежнему представляется в высшей степени перспективным для совершенствования парадигмы. Микро- и мезоуровень – пока лишь в незначительной степени включены в теоретические проекты; именно здесь мы видим наибольшие возможности для развития модернизационного направления.

Примечания

¹ So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990; Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; New York: De Gruyter, 1995; Dube S.C. Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms. Tokyo, London, 1988. P. 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Введение.....	6
Глава 1. Модели социальных изменений.....	13
1. Социальное изменение в теоретических проекциях.....	13
2. Модернизация: определение понятия.....	53
3. Модернизация: эволюция теоретико-методологических основ.....	68
Глава 2. Время модернизации.....	115
1. Модель структурно-функциональной дифференциации.....	115
2. Индустриализация и развитие.....	134
3. Постмодерн или поздний модерн.....	164
Глава 3. Пространство модернизации.....	185
1. Пространственные координаты в макроисторическом анализе.....	185
2. Типологические схемы в изучении политической модернизации.....	194
3. Россия в контексте макротеорий исторической динамики..	210
4. Региональные аспекты модернизации: теоретико-методологические проблемы.....	227
Заключение.....	237

С
М
П
И
Х
Л
Д
Ч
Д
Я
А
В
В
Д
Н
М
И
Т
Н
Н
В
М
Ч
В

Игорь Васильевич Побережников

**Переход от традиционного к индустриальному обществу:
теоретико-методологические проблемы модернизации**

Редактор *Л.Г.Анохова*

Художественный редактор *А.К.Сорокин*

Художественное оформление *Д.А.Морозов*

Компьютерная верстка *Е.Ю.Егоркина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 24.04.2006.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 1000 экз.
Заказ № 2374

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации).

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ап
С
У
Se